

Страшная месть

/авторская редакция/

Александр Лихачев при участии Н. Мохова

...ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым, — без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны.

Готфрид Вильгельм Лейбниц, «Монадология»

Вы работаете, мы за вас молимся.

Подпись к карикатуре начала XX века

1. Борск

Колдун собирался на свадьбу. По привычке накинул на плечи кобуру, вложил пистолет. Прикрыл пиджаком. Сигареты, фляжку коньяка в боковой карман. Подарок новобрачным: книга с вложенными деньгами. Хотя кой черт — подарок: жить вместе недолго будут, сразу видно, и ворожить не надо. Глянул в зеркало на дорожку. Вроде и свечей не жег и не читал ничего, а зеркало поплыло. И вместо тридцатилетнего парня в костюме взглянул на Колдуна черноволосый

бородач в древнем плаще, с лицом человека, пожившего много и трудно. Долго не задержался, снова потекло ртутью зеркало — и явило лысую голову с могучей шеей, вровень с ушами. Но вот нос перетек в клюв — и смотрел на колдуна уже диковинный птицеголовый демон. Потом — тоже демон, но с пяточком и двумя рядами круглых глаз. И вот — снова немолодой человек, но уже в средневековом берете. Колдун смотрел спокойно — привык. С тех пор как он выбрал свой путь, мир часто являл сюрпризы. Чисто по работе. Раздумывать над видением было некогда — внизу уже ждали.

Пацаны курили у подъезда и разминались шампанским из горла — по-гусарски. Бобер в парадном костюме смахивал на охранника из кабака, кем и был. Среди вышибал Бобер считался отморозком, примерно как папаша Бени Крика среди биндюжников слыл грубияном. Бремя авторитета Бобер носил с достоинством загонового шляхтича, обладавшего законным правом объявить войну королю любой державы, которая только посмеет залупиться. Сейчас на его шаферской перевязи отчетливо не хватало сабли.

Накрашенные девки в выходных платьях напоминали советские шоколадные конфеты, которые зачем-то развернули, а потом подумали — и завернули обратно, да в таком виде и подали гостям. Хлопались, обнимались, жали руки. Внимательный Колдун отметил, что девки как-то очень быстро превратились в теток. Примерно то же самое он чувствовал, когда его, совсем еще маленького, брали с собой на взрослые дни рождения. От души приложился к обслюнявленному горлышку бутылки — надо было как-то начинать.

— А Крокодилыч где? Образумился и съебался? — спросил Колдун, прикуривая (женить предстояло именно Крокодилыча).

— Ща за ним поедем, — махнул медвежьей лапой Бобер. — С Аркашей Красивым на джип цветочки клеят. Аркашу помнишь?

Колдун помнил. Аркаша Красивый еще лет десять назад прославился тем, что явился в травмпункт с топором, торчащим из головы, как из пенька. Увидев и осознав, дежурная сестричка качнулась, закатила глазки и стала оседать, как русалочка на хвосте. Аркаша подхватил ее, бережно, стараясь не заляпать в крови, уложил на кушетку и побрел по ночной больнице искать первую помощь. По стене скользила тень из фильма ужасов. На Аркашино счастье дежурил доктор, воевавший в первую чеченскую. И уже через час Аркаша, забинтованный, словно красный командир после сабельной атаки, рассказывал охуевающим ментам, как было дело: возвращался через гаражи, там какие-то отморозки пытались угнать машину прямо из стойла, причем рядом горько плакал и звал на помощь дедушка-хозяин. Очевидно, пришел утречком за машиной, открыл гараж — тут на него и налетели. Аркаша был камээс по вольной борьбе и сын полковника милиции. Поэтому он просто прошел мимо. А топором его рубанул уже сам дедушка — поскакал в погоню, пылая мстью, ну и принял Аркашу за злодея: попробуй отличи. Если бы не папа-полковник, менты бы тоже наверняка начали шить Аркаше соучастие, а так записали: нападение неизвестных.

И в этом Аркаша был весь. Как говорил один знакомый Колдуну таксист: карму менять, ауру наращивать. Относительно недавно Аркаша, сам уже будучи майором, умудрился вылететь из ментовки за год до пенсии, по состоянию здоровья, но с формулировкой «по собственному желанию». Он и вправду заработал себе астму на нервной почве и лечился гормоналкой, отчего его разнесло до 150 килограммов. Ментовское же начальство утверждало, что служба тут ни при чем, и Аркаша не мог доказать обратное. А вот голова, как ни странно, зажила без последствий. Только шрам остался. И два осколка с войны.

Обиженный на жизнь Аркаша стал совершенно неудобоварим в общении, так что Колдун искренне порадовался, что не придется ехать с ним в автобусе — пусть лучше цветочки клеит, а потом джипом рулит. Циничный Колдун полагал, что вредный и нудный Аркаша и джип-то свой

позволил обляпать с далеко идущими планами: Крокодилыч был юрист, и Аркаша рассчитывал на его поддержку в тяжбе с бывшими коллегами. Что лишний раз доказывало Аркашину патологическую невезучесть: рассчитывать на Крокодилыча в чем-либо мог только человек, в юности получивший по голове топором.

Крокодилыч был дерзкий и обаятельный распиздяй. По мнению Колдуна, он скорее походил не на крокодила, а на осу — пучеглазую и двухметровую. Что заставило Крокодилыча пойти в юристы, невозможно было определить никаким гаданием. Больше всего бы ему подошла профессия адъютанта батьки Махно. Впрочем, возможно, повлиял папа-Крокодил, оттянувший на северах полную десятку и в свои шестьдесят способный залить в себя бутылку водки винтом, а потом уж переходить к запою. Какой уголовник не мечтает о сыне-юристе? Юрист-Крокодилыч плавал несколько мельче: пить мог не более трех дней подряд и находился под уголовным делом всего-то за получение кредита по подложным документам. Одновременно с закрытием собственного дела он рассчитывал получить корочки адвоката. По меркам города Борска жених был завидный.

Колдун черным вороном примостился в автобусе.

Поехали за невестой. Автобус выкатился из колдовского бора и поскакал по главной улице Нового Борска. Впрочем, Новым его давно никто не называл — говорили просто: Борск. Старый Борск был под водой. Коммунисты строили очередную ГЭС и утопили трехсотлетний город, как волхвы Китеж-Град. Рядом построили новый — с пятиэтажками, памятником Ленину на главной улице и тремя заводами по краям. Но хитрый Колдун жил на самой кромочке, там, где по берегу Нового моря сохранилось несколько домов Старого Борска — словно остатки Белой армии не пожелали сдаться большевикам и каким-то чудом переплыли море. Теперь там была зона отдыха — сохранился бор. В бору понастроили коттеджей и небольших домов красного кирпича с зелеными фигурными крышами и двумя квартирами на площадке. В одном из таких и жил Колдун — на коттедж наколдовать сил не хватило. Застроили не излишне плотно, без хамства: даже старое кладбище с деревянными покосившимися крестами и советскими железными звездами, где лежал прадед Колдуна, сохранилось, а не пошло под коттеджи. Хотя там уже давно не хоронили.

В свой черед отхлебывая из горла, Колдун смотрел на свой город, как перечитывают старую, но любимую с детства книгу.

Город был добр к нему — не предавал, не требовал подстройки под свой формат, не быковал и не понтовался. Борск был немоден, но надежен, как старая обмятая по плечам кожанка. Здесь уживались гопники и неформалы, нищие бездельники и подельники федеральных олигархов.

Как-то так сложилось, что весь горький жизненный опыт Колдун получал за пределами Борска — в соседнем Наукограде, рафинированном и чуть дегенеративном, или в зоне пространственно-временной аномалии — Москве. Нельзя сказать, что в Борске не было своего собственного говна. Как раз — сколько угодно: гопники, алкаши, старухи на лавочках... Но Колдун остался жить в другом его измерении — уютном, как хоббичья нора. Его здесь даже ни разу всерьез не пиздили.

В Борске Колдуну нравилась основательность. Здесь все делали, может, и без особых изысков, но добротнo, как дом купца второй гильдии. Не то что в Москве, где даже небоскребы накидывали на живую нитку, как костюм для покойника. Старый Борск и был купеческим городом. Недавно, когда Новое море в очередной раз обмелело, показалась могила купца Горохова.

Тороватый купец торговал неведомо как вызревавшей в тех краях пшеницей аж на Парижской выставке и предусмотрительно успел помереть незадолго до революции. Сын его сам отдал большевикам ключи от мельницы и даже простодушно пытался там работать инженером. Но как-то не пошло. На волне индустриализации большевики затопили весь Борск нахуй вместе с

мельницей, а вместо мельницы построили три завода, причем один — химический, вонючий. Но с падением социализма освободился и дух купца Горохова и навел порядок: первый завод закрылся, второй, химический, поприжался и больше не вонял, а на третьем и так делали безвредные прицелы для ракет. Теперь еще и стали фасовать быстрорастворимую лапшу, которая отлично помогала с похмелья. Купца Горохова с большими почестями похоронили возле Новой церкви, тем более что дух его давно реинкарнировал в местного олигарха Вову Птицына.

Вова, в лучших традициях жанра, был спортсмен, бандюган и строитель. Но не беспредельщик. Даже на гитаре играл профессионально — в молодости подрабатывал по кабакам, совмещая должности музыканта и вышибалы. Вообще, в Борске чуть ли не каждый спортсменюга либо очень прилично играл как минимум на баяне, а то и на фоне, либо рисовал на уровне абитуриента архитектурно-художественного вуза. Объяснялось это наличием музыкальной и художественной школ практически академического класса, неведомо как прижившихся в пролетарском Борске. Рисовать Вова не умел, зато на гитаре играл до сих пор, и даже охотно посещал концерты, организованные борским же рок-клубом, в котором, если что, и Цюю портвейна выпить было бы не стремно.

Поднялся Вова на приватизации социалистического хозяйства: первый борский завод он захватил практически весь, второй, бывший вонючий, пришлось разделить с подельником, Дрилом. А на третьем государство продолжало делать свои прицелы для ракет, поэтому пацанов послали на хуй. Доступ к социалистической собственности Вова получил благодаря дружбе с олимпийским чемпионом по борьбе Михал Иванычем Кожемякиным, который был и гордостью России, и, наоборот, депутатом Госдумы. Причем дружба большого медведя с маленьким, похоже, была вполне искренней. В народе Вову недолюбливали за доставшиеся от купца Горохова власть и прижимистость, а Колдун, напротив, относился к нему тепло: во время оно были они с дедом Колдуна соседями по даче. Колдун деда любил, поэтому на даче проводил довольно много времени. Ну а совдеповские дачи устроены таким образом, что если сосед — гондон, то скрыть это невозможно. Так что Колдун знал точно: Вова Птицын, конечно, не подарок, но, по гамбургскому счету, — не гондон. И то сказать: нормальный москвич вывел бы все бабло к чертовой матери в офшоры и уехал бы на Кипр. Вова же понастроил в Борске столько спорткомплексов, что по квадратным метрам спортивной инфраструктуры на душу населения Борск вышел на первое место в России. Себе же на кормление Вова строил жилые домики — красные и невысокие, как и он сам, чем избавил Борск от кошмара панельных муравейников. Обо всем этом любил с гордостью докладывать мэру, пока его не посадили. Когда чекисты снова пришли к власти, Вову посадили тоже, но ненадолго. Из тюрьмы он вышел посвежевший, и Колдун был за него искренне рад.

Сейчас круглые Вовины глаза смотрели на Колдуна с фотографии на стене пивнухи (тоже, естественно, Вовиной) — кортеж остановился залиться пивом на дорожку. Вовина фотка была здесь, очевидно, вроде портрета президента в чиновничьем кабинете.

Скучнее свадьбы, на самом деле, нет ничего, разве что порнуха. В этом смысле выкуп невесты из обоссанного подъезда в привокзальном доме напоминал Колдуну сцену полового акта в общественном сортире. Изрисованный хуями подъезд был посильно украшен ленточками и сердечками. Словно выводок Чужих из раздолбанного космического корабля, оттуда выскочили бабы и завизжали — требовали выкуп.

Под их раскраской проступали яркие пятна многоножек. Ресницы шевелились усиками. Складчатые тела под шкурками платьев извивались сами по себе. Хотелось одновременно выскочить в окно и раздавить каблуком.

По счастью, выкуп невесты не занял много времени. Хотя, по мнению Колдуна, такую если и брать, то с хорошей доплатой — и тут же скидывать. Невеста напоминала старую праворульную тойоту:

подушатана, но еще походит. В белом платье она выглядела перекрашенной в гараже. Сколько там, интересно, хозяев в пэтээске? Рыжая оторва была притягательна той неведомой шалой силой, которая с годами только настаивалась и крепла: невкусно, но башню сносит, как с конопляного отвара. Колдун хорошо знал эту силу. На него она тоже отчасти действовала, но спасал приобретенный в юности иммунитет. Баб такого типа Колдун для удобства называл тварями. И чуял их за версту. Но Крокодилыча вытащить даже не пытался. Знал: если уж человек в это попал, то все, бесполезно. Это как ветрянка: должен переболеть. И чем старше, тем тяжелее переносится. Удивительно только, что у одних вырабатывается иммунитет, а у других — зависимость и бесконечные рецидивы.

В загсе все произошло быстро и без мучений. Крокодил-Старший благословил молодых. Мамаши всплакнули. У невесты отца не было. До ресторана оставалось еще часа два — поехали кататься. Ко всеобщему облегчению, родители куда-то свалили. Как и большинство тридцатилетних, Колдун несколько опасался родителей — не только своих (при мысли о своих становилось душно), а вообще как вида. По крайней мере, не ждал от них ничего вменяемого. Он любил повторять (приписывая это изречение Сунь Цзы): «Родители — тоже люди. Поэтому от них следует ожидать любой гнусности в тот самый момент, когда ты более всего уязвим». Так что и в горе, и в радости он старался держаться от родителей подальше, и вообще свел общение с ними к протоколно-необходимому минимуму. Он не мог простить им даже не бесчисленных обид и глупостей, за которые те и не подумали хотя бы извиниться, а просто самого факта, что вот это — его родители. Что он родился от слабых и убогих, вырос в слабости и убожестве, это является частью его самого — и ничего с этим нельзя поделать. Кровь — и вправду великая сила, и не у всех она — королевская. Для себя лично Колдун как рабочую версию принял, что его подбросили инопланетяне. И глядя на папу с мамой, видел он не мудрых предков, подаривших сокровище жизни, и не трогательных стариков, всегда готовых принять и отогреть свою кровинушку, а просто немолодого, неплохого, но никакого, в общем, мужичка и неадекватную его бабу. То, что их инвалидность — не их вина, не делало их привлекательнее. Как Антон Палыч Чехов по капле выдавливал из себя раба, Колдун по капле выдавливал из себя родителей.

Отшумела-отгремела свадьба. Уже Аркаша Красивый в молодецкой своей удали ухватил Димасика-Бугаюшу и унес на плечах под добродушный гогот братвы: «Украл вместо невесты!» Уже Юля, муж которой тянул законный свой семерик, осторожно потащила Бобра на выход, как кошка — мышь из норы. Уже невеста рыжая дала команду грузить подарки, оценивая поглядывая на развалившегося расстегнутого пучеглазого Крокодилыча, оживленно заяснявшего что-то малознакомому какому-то хмырю... Разбирали баб — своих да чужих, допивали кучками по углам, постепенно рассасывались.

— Можно вас? — Колдун посмотрел удивленно. Обратиться так к человеку в Борске на излете пьянки — все равно что «слышь, братан» на светском рауте. И обратно: просящий сам смотрелся диковато, как будто в смокинге явился на колхозную дискотеку и раздражен, что не подали шампанского. Одет вроде обычно: голубенькие джинсики, рубашечка, все неброское, но дорогое и новое. Очки, прошу заметить, брендовые. Здесь так не ходят. Высокий, моложавый. Видно, что привык командовать, но не по жизни, а по должности. Москвич, что ли...

— Можно Машку за ляжку, козу на возу и телегу с разбегу, — радушно улыбаясь, ответил Колдун и сделал приглашающий жест.

Молодой человек, скрежеща, уселся на стул перед тарелкой с объедками. Он явно не знал, как реагировать.

— Мне вас рекомендовали, — сформулировал он.

Точно москвич. Похож на акулу, страдающую язвой желудка. С виду, блин, лощеные, а запах от них... Может загнуться даже раньше, чем распадется брак, который только что отмечали. Сам приехал, надо же... Хотя может быть еще и невестин бывший ебарь: Земля — планета маленькая.

— Давайте завтра пообщаемся на трезвую голову.

— Меня зовут Тимофей, вот моя визитка.

— Терпеть их не могу, — брезгливо покосился на визитку Колдун. — Говорите номер. Я позвоню. Или не позвоню.

Колдун забил номер в телефоне, пожал Тимофееву руку и направился к выходу. Теплая летняя ночь обняла его. Звезды, какие бывают только у нас в августе, сияли, как промытая хрустальная люстра, и ярче всех был Сириус, откуда и притащили его зачем-то сюда настоящие родители-инопланетяне. С-суки. Колдун осознал, что тоже изрядно пьян — и пошел пешком. Всего-то минут сорок. Пистолет гарантировал свободу передвижения по Борску ночью. Он миновал центральную улицу, залитую потусторонним светом новых светодиодных фонарей, обошел излучину реки в том месте, где спустили ее на Старый Борск, и углубился в свой лес.

Ночной лес — живет всех живых. Если не крутить башкой, то боковым зрением легко увидеть, как спуют и играют вокруг вытянутые повдоль тени — шишиги, существа безобидные и бестолковые. А чуть-чуть уведешь лучик внимания в затылок — и увидишь, как огненным цветком-папоротником расцветает в ночном лесу сила Зверя — первородного, яростного. Мудрого и могучего, как дракон, и невинного, как младенец. Который никому ничего не должен и ни перед кем не виноват, что бы ни делал, ибо все, что делает он — мудрость самой земли и ее желание — священное и томное, которое только ему, Зверю, и под силу удовлетворить. Колдун дышал силой, пил ее жадно и купался в ее волнах, смывая жир людского застолья и липких пустых разговоров. Дойдя до развилки, Колдун увидел густой белый туман, не по времени рано поднимавшийся с погоста. Кто-то растревожил мертвецов. Почуввав живого, белая хмарь жадно потянула к Колдуну острые ледышки страха. Колдун покачал головой, сочувствуя, как сломанному дереву: мол, кто ж вас так... Туман будто вздохнул — и съежился, как признавшая хозяйина собака. «Ладно, завтра покормлю. А сегодня не до вас...» — Колдун бросил через левое плечо пятак — на откуп, и повернул к дому. В лунном свете изумрудные изломы крыши напоминали старинный замок.

2. Заказчик

Колдун считал, что у него есть только один Заказчик. Который, собственно, приводит клиентов, снабжая заодно всем необходимым. Но и его Колдун не идеализировал. Просто так получилось, что интересы совпадали, а условия — устраивали. Для этого Заказчика он и практиковал (слово «работа» и все его производные по отношению к себе Колдун не употреблял никогда). Клиенты же... Плох тот хирург, который соперничает пациенту на операционном столе и не забывает о нем, едва выйдя из операционной. Невовлеченность — основа успеха. Но и неудачные (с точки зрения непосвященного наблюдателя, конечно) операции никогда не проходили зря. И дело было не только и не столько в бесценном опыте. Иногда крах или даже смерть клиента приносила Колдуну больше энергии, чем его торжество и сумасшедший гонорар. Если процесс проведен правильно, Заказчик сторицей возмещал затраченную энергию, независимо от видимого со стороны результата. Впрочем, и клиенты всегда получали ровно то, что хотели. Другое дело, что не всегда они знали, чего на самом деле хотят.

Если в обычных продажах главное — клиентов побольше, то в делах колдовских, как и бандитских, главное — не вписаться за кого не надо. А то за него же и ответишь. Есть люди, которым так и так кранты — могут и за собой утянуть. Есть просто дебилы. Есть духовные проходимцы, не пропускающие ни одного эзотерического семинара и успевшие поучиться у всех практиков во всем интернете и окрестностях, но умудрившиеся так ничего и не понять. А есть такие, с которыми можно только по-умному потерять, но никак не заработать, как говорил один знакомый Колдуну мудрый еврей. Вот и остаются единицы, с которыми можно.

Колдун не раз спрашивал себя: а может, все его искусство — всего лишь искусство выбора клиента? А дальше все идет само собой? Однако со временем он убедился, что все не так просто: правильный выбор клиента оказывался условием необходимым, но недостаточным. Дальше включались какие-то вовсе уж сложные и парадоксальные механизмы, вроде влияния наблюдателя на наблюдаемый объект в квантовой физике. Ну а поскольку квантовую физику не понимали даже сами квантовые физики (в чем наиболее честные из них открыто и признавались — Колдун любил на досуге послушать научно-непопулярные лекции), то он и сам решил до поры до времени излишне теорией не заморачиваться. А сосредоточиться на вопросах чисто практических, из которых главный — как выявить тех самых.

Кто определяет на слух, кто по запаху, кто по чакрам, а Колдун еще и рисовал. Карандашиком, как в детстве привык рисовать на бессмысленных школьных уроках (вызванные в школу родители узнавали учителей и хрюкали со смеху, отчего сами ужасно стеснялись, а учителя — бесились). Если карикатура на заказчика получалась точная и обидная — значит, чувствуешь человека. Работать с ним или нет — вопросов не возникает. Если же похож, но не он, — значит, сознание твое замусорено, сам себе всякую херню думаешь, как Пятачок из анекдота. Или мастерства не хватает, пространство листа не контролируешь. В общем, лучше не связываться, а не то прилетит, как тому Пятачку по рылу. Некоторые, наиболее удачные, рисунки потом продавались через какие-то электронные площадки и вывозились через питерскую таможню.

Выспавшись со вкусом и даже с перебором, Колдун закрылся в небольшом своем кабинете, взялся за карандаш и принялся набрасывать портрет Тимофея со свадьбы.

Картинка вырисовывалась. Акулка получалась живой, но какой-то староватой и мелковатой для листа формата А3. И точно — с желудком проблемы. Потому что живет в страхе. При этом откусить и сожрать что-либо подходящее по размеру и положению в пищевой цепочке — еще вполне может. Если так пойдет и дальше, лет через десять вырастит себе онкологию, но это потом. А пока... Жаль, но за дело придется браться.

Жаль — потому что москвич ему совершенно не нравился. Золотой мальчик, который никогда всерьез не получал по морде. За ним всегда была если и не сила, то почва. Он оказался наверху не потому, что бился за это, а потому, что так родился. Не в том дело, что мажор, а просто родовая энергия, та самая, что болотной жижей глушила все движения Колдуна, этого Тимофея толкала вперед и вверх. Конечно, будь он полным идиотом, никакая родовая бы не помогла. Но идиотом Тимофей явно не был. Не был и гондом или тупым прожорливым хищником вроде мента или депутата. Нормальный, в общем-то, парень. Вот именно что — нормальный. Сколько было тех нормальных — и где они?.. Не говоря уже о талантливых. Зачастую приходилось отказывать людям, которым искренне сочувствуешь. И наблюдать потом за их мучительными и безнадежными рывками, переходящими в конвульсии. Как говорила одна знакомая Ведьма, смерть причину всегда найдет. А вот малоприятные персонажи, напротив, часто оказывались полезны и небезнадежны. Вот и сейчас безо всякого удовольствия Колдун набирал номер столичного менеджера.

Для встречи был выбран единственный более-менее приличный борский ресторан. После свадебной столовки — хоть мишленовские звезды вешай. Проблема была в чем: дорогие

заведения в Борске, конечно, имелись. Только в них никто не ходил. Местные олигархи предпочитали столичный лоск соседнего Новоахтарска, а кто поприличнее — жарили шашлыки во дворе своих краснокирпичных коттеджей, ожидая, когда дела позволят вырваться в Испанию или на Кипр и пожрать наконец-то по-человечески. Простые животные предпочитали разливяк Вовы Птицына, и правда сравнительно неплохой. Персонал фешенебельных заведений от этого дичал и бесился, когда отвлекали случайные клиенты, а дорогие контрабандные продукты портились (не выбрасывать же). Таким образом, единственный приемлемый вариант — условно немецкая пивнуха в Старом Борске. Зато и в шаговой доступности. Колдун лечился добротной солянкой и слушал московского гостя.

— Ситуация очень простая, — напористо говорил Тимофей. — У меня была доля в инвестфонде, который владел рядом перспективных проектов. Доля небольшая — около 5 %. Некоторые из стартапов сейчас проданы. Это сотни миллионов долларов. Перед продажей активы были выведены, шеф повесил на меня все косяки и уволил. В результате я не получил ничего.

Колдун никак не комментировал. Он доел солянку, отставил тарелку в сторону и теперь просто смотрел, как птица. Тимофей не выдержал паузы и продолжил:

— В общем, я хочу как-то наказать этого человека. И в идеале — вернуть деньги. Если не получится вернуть, то хотя бы сделать так, чтобы ему было плохо. Очень плохо. Я слышал о вас от Петра Алексеевича. Не знаю, как это у вас получается... Должен предупредить, я лично уже опробовал, наверное, все средства, но товарищи из ФСБ и СК либо не хотят связываться, либо начинают откровенно тянуть деньги. А тут — как-то само собой... Честно говоря, я думал, Петру Алексеевичу просто повезло, но он сослался на вас... Вы же, как я понимаю, по другой части?

Колдун кивнул.

— Никогда ни во что такое не верил, — Тимофей произнес ритуальную фразу, означающую, что клиент созрел, и Колдун начал потихоньку включаться. — Хотел даже выбросить все это из головы — ну потерял и потерял, но не могу, честно говоря. Даже не из-за денег, но ведь — столько сил потратил, а тут просто взяли и выкинули... Постоянно об этом думаю.

— Зря.

— Что зря?

— Зря вы об этом постоянно думаете. Лучше бы подумали о чем-нибудь другом.

— Но я хочу отомстить, — Тимофей замялся, настолько нелепо это прозвучало. Но Колдун и ухом не повел:

— Тем более. Они и так сильнее вас, а тут еще вы со своими мыслями...

— Не понимаю.

— Долго объяснять. Просто запомните: будете мстить или нет, думайте о чем угодно, но только не об этой ситуации. Хоть о бабах. Если мысли возвращаются, плавно переводите их на любой другой предмет. Как будто машину в полосу поворотом руля. Можете собачку завести попородистее, чтоб болела постоянно и отвлекала. Правда, сдохнет быстро, но лучше уж так... Но это так, считайте, комплимент от заведения. Вы сейчас чем занимаетесь?

— Ищу работу. Год-два могу себе позволить...

— Понятно. Определитесь вот с чем: что для вас все-таки важнее — месть или деньги. Это знаете, как с тем камнем: направо пойдешь — коня потеряешь, налево... Чисто технически, насколько я вижу, для вас было бы проще снова заработать, может быть, даже вообще на другом поле, чем

пытаться что-то вытащить из той ситуации. Другое дело — месть. Но это дело дорогое и небystрое.

Тимофей блеснул брендовыми своими очочками.

— Я хочу отомстить.

— Хорошо. Запишите контакты: Савелий... Что-то вроде моего воплощения в Москве, — хмыкнул Колдун. — Ему передадите весь расклад: имена-фамилии, конторы-явки... ну, он сам скажет, что нужно. Не думаю, чтобы на старте запросил больше ста тысяч евро, но это уже с ним обговорите. Через месяц примерно получим объемную картинку, что там было на самом деле, где мы находимся сейчас и что со всем этим можно поделаться. Там и определимся. Захотите — продолжим, а нет — сможете пойти с этой информацией к вашим товарищам, хоть не стыдно будет. Начнем, как только Савва получит деньги. Если не получит, ну, значит, ничего и не было, каждый занимается своими делами. Только второй раз меня беспокоить не нужно.

Тимофей как-то подвис. Он не понимал. Причем здесь какой-то Савелий? В Москве так школьников разводить стесняются.

— А вы, простите?.. — не выдержал он.

— А мне достаточно, — Колдун словно считал его мысли. — Я же вас уже видел.

Тимофей вдруг почувствовал, что в зале прохладно. Отчего-то вспомнилось старое кладбище, мимо которого он проезжал на такси по дороге к ресторану. И желудок слегка поджало — сказала, блин, свадебная пища. В конце концов, что он теряет? Сто евро все равно проешь, а эти, может, чего и накопят... У ментов вон ценник втрое. Ладно, в Москве решим. Только теперь он понял, что смертельно устал от этого леспромхоза и очень хочет домой.

— Да, и еще, — донесся откуда-то голос Колдуна. — Вы явно не в лучшей форме. Пока ничего страшного, но, если начнем войнушку, нагрузки возрастут. Можете сами себя победить.

— Вы что-то предлагаете? — Тимофей уже плохо скрывал раздражение. Да что позволяет себе, в самом деле, этот нищий провинциал?!

— Я ничего не предлагаю. У меня есть методики для восстановления и набора энергии в условиях борьбы. Но вы человек взрослый, вам самому решать. Надо вам или не надо. Решите, что надо, — обратитесь. Ваше присутствие здесь не потребуется.

— Я думаю, что сам справлюсь.

— Пожалуйста. Так многие говорят, но если что — не стесняйтесь, обращайтесь.

Официант принес Колдуну вареный кофе в турке. Тимофей так и не притронулся к еде, которую заказал. Он защелкал официанту, показывая, чтобы тот принес счет.

— Я заплачу, — махнул он Колдуну.

— Ну что вы. Каждый платит за себя, — веско заметил Колдун. — Рад был знакомству.

Оставив купюру на столе, расстегнутый Тимофей устремился к выходу из ресторана.

Колдун маленькими глотками допивал кофе и смотрел на золотые сосны, за которыми он чуял острый дух старого кладбища.

3. Савва

Савелий сам себя считал очень хитрым человеком. Поэтому он никогда ни с кем не спорил. И не портил отношения. Предпочитал мир и любовь. Он был обаятельный и скользкий, как бегемот. Даже своей невесте перед свадьбой заявил:

— Дорогая, я заочно прощаю тебе все твои грехи. Если захочешь изменить — изменяй. Только этого всего я знать не хочу. Но и я не ангел, конечно. Как ходил по девкам, так и буду ходить. И это я себе тоже прощаю.

Удивительным образом жена изменять не хотела, а вот Савва ебал всех своих секретарш и агенток внедрения. «Единственный способ сделать так, чтобы баба вам не сливала дезу, — это трахать ее лучше, чем мужики, под которых мы ее подкладываем», — поучал он своих сотрудников на лекции о медовой ловушке. Поскольку был хозяином маленького, но международного детективного агентства.

Савва приехал в Питер в 17 лет откуда-то чуть ли не из-за черты оседлости — поступать в универ. И вот поступить-то он поступил, решив тем самым основную задачу, но сразу же встала перед ним вторая. Все пять лет учебы нужно было где-то жить и что-то жрать. Не говоря уже о том, что молодой организм настойчиво требовал интенсивной плотской любви. Романтика студенческого минимализма Савелия не устраивала категорически. При этом был он отчаянным лентяем и тяжелей кошелька принципиально ничего не поднимал.

Утешало то, что все его родственники по отцовско-еврейской линии до тринадцатого колена были точно такие же лентяи — и при этом прекрасно прожили. Жить иначе и тем самым навлечь несмыаемый позор на кучерявые седины предков было просто стыдно. Отец перед тем, как эмигрировать в Штаты, дал ему один-единственный совет: «В этой жизни по-настоящему хорошо только тем, кто сидит на монополии. И не так важно, что это: газ, нефть, табак, водка или дороги. Твоя задача в этой жизни найти свою монополию, сынок, и все у тебя будет хорошо».

После недолгих раздумий Савва отправился прямо на Литейный, 4, который в Питере было принято называть Большим домом. Он подошел к дежурному офицеру ФСБ и заявил с той слепящей наглостью, на которую способны лишь ведущие новостей на федеральных каналах и молодые провинциалы из-за черты оседлости (сплошь и рядом — одни и те же люди):

— Я хочу у вас работать.

Офицер низвел к нему усталые глаза из стеклянной своей будки. Каких только долбоебов он не перевидал на своем посту. Бабушки, на которых воздействовали инопланетяне. Городские сумасшедшие с компроматом на президента и проектом вечного двигателя на торсионных полях. И конечно же, вот такие молодые романтические придурки «хочу у вас работать».

— Обратитесь с заявлением в районное управление по месту прописки, гражданин, — ответил офицер дежурно-заученной фразой и уткнулся обратно в журнал учета. Читать книги и разгадывать кроссворды на посту ему не полагалось.

— Но вы не понимаете, я уникальный специалист, меня необходимо взять на работу. Я знаю цыганский язык, — рубанул Савва.

Лейтенант посмотрел на посетителя внимательно и без улыбки и поднял трубку телефона:

— Седьмое управление. Дежурный по КПП докладывает: у меня тут парень, утверждает, что владеет цыганским языком... Есть... Стой здесь, никуда не уходи. Сейчас за тобой спустятся.

Так у Саввы началась новая жизнь. Жизнь монополиста. Монополия была маленькая, но своя — все, как мечтал его безвременно эмигрировавший отец. Цыганским же языком владела прабабка по материнской линии. Прадед, рассказывали, отличался живостью характера, промышлял контрабандой, ну и притащил откуда-то это сокровище. Сам долго не зажился, схлопотав в одной делюге заслуженный свой нож, а вот цыганка его перевалила аж за девяносто. Последние годы, правда, окончательно выжила из ума и целыми днями сидела в своей комнатухе за картами, причем никогда не включала свет, хотя кресло ее поставили специально так, чтобы старуха могла дотянуться до выключателя. И с окружающими общалась исключительно по-цыгански. В приличной еврейской семье ею брезговали и, откровенно говоря, побаивались. Только маленький Савва, похожий на толстопалого кучерявого щенка, тайком забирался в ее комнатуху, смотрел, как мелькают карты в скрюченных пальцах, и слушал ее бормотание. Было страшно и интересно. И через какое-то время Савва вдруг обнаружил, что кое-что понимает. Потом в универе скажут, что у него уникальные способности к языкам. А скорее всего, дело было просто в том, что он единственный из всей семьи признал в этом жутком, сморщенном, дурно пахнущем существе родную прабабку. Он потихоньку стал таскать ей карамельки и теплый чай — старуха любила сладкое. И она начала говорить с ним.

Естественно, в интеллигентском Питере никто, кроме Саввы, ни черта-то цыганского не знал, хотя уже потом он из чистого любопытства откопал в универовской библиотеке пару монографий по севернорусскому и балканскому диалектам (обе, следует признать, никуда не годились). Цыгане давно осознали все плюсы сложившейся ситуации, и как только их брали менты, резко и напрочь забывали русский. Закон дает любому задержанному кучу разных прав, в том числе и право давать показания на родном языке. Переводчика обязано обеспечить государство. А где его взять? Негде. Привезенные из ближайшего табора цыгане, как только слышали, что от них требуется, тут же опускали глаза в пол и безнадежно замолкали, как кукла, у которой села батарейка. Угрозы и побои не действовали. Вообще бить цыган — такое же неблагоприятное

занятие, как херачить кулаками покрышки в шиномонтаже. Их бьют с самого рождения, со всей родительской мочи, ногами, руками, палками и всем, что под руку подвернется, причем ежедневно, — в итоге те, кто доживает до шести, становятся абсолютно резиновыми.

Вследствие вышеописанных обстоятельств торговля производными опиатов в Северной столице приобрела небывалый размах, что отчасти способствовало развитию знаменитого на всю страну питерского рока. Доходило до того, что взятые с поличным цыгане дерзко ржали, смачно посылали всех ментов на хуй и под скрип зубов всего управления ровно через положенные 48 часов выходили из отдела на свободу. Особо дерзкие потом еще и орала под окнами отдела, требуя вернуть им изъятую дурь. На этом фоне грабежи туристов на Невском, а также гадания по руке с последующей передачей гадалкам всех ценностей выглядели просто детскими шалостями. Самое обидное (для ментов) состояло в том, что языковой барьер, помимо всего прочего, препятствовал еще и выстраиванию коррупционных отношений. Каждый мент был убежден, что цыгане платят его начальнику — и так до самого верха. Цыгане же сплошь и рядом не платили вообще никому.

Но всего этого Савва, конечно же, не знал. Он был просто счастлив, и жизнь казалась ему сладким и красивым сном. Его, девятнадцатилетнего пацана, принял в огромном шикарном кабинете самый настоящий полковник государственной безопасности. Принял буквально как родного, угостил чаем с печенюшкой. Тот еще не допил свою чашку, как полковнику принесли папку, в которой была вся его, Савелия, нехитрая жизнь. Прочитав, полковник дал Савве ручку и коротко продиктовал подписку о неразглашении информации.

— Сейчас ты пойдешь с моим сотрудником в техническую часть, сынок. Нужно послушать перехваты переговоров цыган. Это очень важно. Эти гады на общие темы болтают по-русски, но как только речь доходит до наркоты, сразу переходят на свой тарабарский.

В Савве бушевали провинциальные понты. Ему было отчаянно страшно, но он изо всех сил старался показать, что все происходящее для него совершенно естественно и обыденно.

— Хорошо, — сказал парень тоном торговца на Привозе. — А деньги?

Он помнил завет отца. И кожей чувствовал, что для этого полковника он — монополист. А как и всякий монополист, он не то что может, — он должен диктовать цену.

— Какие деньги? — спросил полковник, морщась, как от зубной боли. — Ты Родине помогаешь, разве мало?

— Тридцать тысяч рублей и деньги вперед, — пискнул Савелий, обалдевая от собственной наглости. В 2001 году для провинциала из жопы мира это было целое состояние.

Когда адъютант принес в кабинет деньги, Савва в полном восхищении подумал, каким же все-таки мудрым человеком был его отец. С того дня у парня началась шикарная для студента жизнь. Ему звонили серьезные дяди из разных важных управлений, из судов, из прокуратуры. Разговаривали исключительно вежливо и даже, как ему казалось, искательно. Высылали за ним красивые машины с водителем и мигалкой. Парковка и посадка в эти машины на заднее сиденье у входа в универ очень положительно отразились на поведении однокурсниц. На расспросы о работе он отвечал расплывчато и туманно — и тайна свое дело делала. Полковник созвонился с деканом факультета и что-то ему такое сказал, после чего косить пары стало легко, приятно и совершенно безопасно для успеваемости, чем Савва тут же начал беззастенчиво злоупотреблять.

Ровно через два месяца такой сладкой жизни Савелия приняли. Трое цыган ждали его вечером в машине у подъезда. Его упаковали настолько быстро и четко, что он даже не успел толком испугаться. Только сидя втиснутым на заднем сиденье между этими парнями в кожаных куртках,

Савва понял, что, похоже, его везут убивать. Он поразился, насколько простым, очевидным и правильным было это решение. И удивился, как он раньше об этом не подумал. Был бы он на их месте, поступил бы точно так же. Ребята не прятали лиц, и это был плохой знак. Они не разговаривали с ним по дороге. Вообще, ни слова. Он пытался с ними поговорить и по-цыгански, и по-русски — бесполезно, и это тоже был плохой знак. Люди делятся на пиздоболов и деловых, эти трое явно относились ко второй категории. На что он рассчитывал, когда лез во все это? Неужели нельзя было просчитать заранее, что этим все кончится? Легких бабок решил срубить, красивой жизни понюхать? Повыпендриваться перед телочками захотел? Ну вот, считай, что довыпендривался, идиот! Люди, которые его захватили, работали четче и слаженней любого спецназа. Савелий ощущал волны смерти, идущие от них так же отчетливо, как аммиачный запах собственного пота. Для цыгана убить человека настолько же просто и естественно, как справиться малую нужду.

Его привезли в Кировский район на улицу Решетникова к обычному с виду девятиэтажному дому. Единственное, что его отличало от других, это огромная сейфовая дверь в подъезд. Она была как в банковском хранилище, явно сделана на заказ. Зато внутри дома дверей вообще не было. Цыгане их сняли, превратив дом в огромное общежитие-муравейник. У них не принято скрываться или прятаться от своих. Вся жизнь на виду, никаких тайн. Максимум легкая шторка-дождик, да и то вечно откинута. Повсюду бегают дети. Их очень много, они везде. Кричат, дерутся, играют. Лифт давно отключен. Кабина используется как кладовка для швабр и тряпок. Готовится еда, дым стоит коромыслом, повсюду запахи. Тактика захвата многоэтажных домов у цыган отработана до мелочей. По полной стоимости в доме покупают максимум первые пять квартир. Дальше они начинают жестко прессовать и выживать своих соседей. Угрозами, шантажом, да и просто созданием невыносимой обстановки вынуждают продавать с очень значительной скидкой квартиру за квартиру, этаж за этажом. Их сила в сплоченности и организованности. Слабость жильцов в разобщенности. Кроме цыган, это жилье никто не берет. Все покупатели сразу понимают, в чем подвох. Последние квартиры цыгане получают даром. Окруженные со всех сторон люди просто не выдерживают и убегают сами. Захватив дом целиком, цыгане устраивают там вот такие таборы.

Савелия отвели на третий этаж. В комнате на диване сидел толстый усатый дядька, очень похожий внешне на молдавского крестьянина. Савва представлял себе баронов с золотыми зубами и огромными цепями на шее, ничего этого на усаче не было.

— Мэ кхарна Артур, — сказал мужчина по-цыгански. — Ту ракирава романес? Меня зовут Артур, мне сказали, что ты понимаешь наш язык. Откуда ты его знаешь?

— Я рос на Украине, — ответил Савва. — Там было много цыган, а я люблю учить языки и легко их схватываю.

— Ты цыган?

— Нет.

— Ты понимаешь, что если ты цыган, то тебе пиздец?

— Да, — Савва уже находился в потустороннем мире. — Но я не цыган. Я еврей.

— Что же ты творишь, жиденок?

— Я денюжку зарабатываю, — начал канючить монополист. — Все же зарабатывают денюжку. Вот вы, например, зарабатываете, как можете. Наркоту свою толкаете. Ну и я...

Савва плохо помнил, что он втирал барону. Помнил только, что в разговоре он бесконечно возвращался к конституции всех авантюристов, в которой записано, что всякая вошь имеет право

зарабатывать тем, для чего ее приспособил тот бог, который отправил ее в этот мир. И какой бы вопрос ему дальше ни задавали, он всегда возвращался к этому положению.

Его снова куда-то повели. Он уже совершенно ничего не соображал, только запах собственного пота оставался таким же гадким. Вдруг стало неожиданно светло и холодно. Осенний питерский ветер, словно сырой тряпкой, отвесил ему подзатыльник. Спиной он прочувствовал, как за ним закрывается банковская дверь в нехороший дом. «Отпустили, — как-то отстраненно подумал Савва. — Странно...» И потопал по серой улице, как слоненок, — сам не зная, куда. Но холод довольно быстро вернул его в разум. Поймав машину, Савва поехал домой — отмываться. А оттуда уже на Литейный — докладывать.

Полковник выслушал спокойно и сказал только:

— Больше они тебя не тронут, сынок. Работай.

И Савва вдруг понял, что историю с цыганами ему устроили сами фээсбэшники. Кто же еще? Он мог, конечно, засветиться, хотя на допросах его всегда ставили позади задержанного, да и в основном-то он переводил телефонные разговоры... В конце концов, он бы несколько не удивился, если бы цыгане нагадали его на картах вместе с адресом фактического проживания. Но вот отчего-то — точно знал: цыгане здесь не при делах. Их просто попросили об услуге, чтобы привязать его, Савву, крепче к конторе. Без доброго полковника жизнь его теперь не стоила ломаного гроша. Очевидно, его монополия на общение с цыганами все-таки не была полной. Савелию внезапно сделалось гадко от собственного бессилия. Отчего-то все это было чрезвычайно унижительно. Но, как говорил один старый еврей, разум, как и глупость, — явление вневозрастное. Савва и в девятнадцать лет был умным человеком. Он тепло поблагодарил полковника. И сделал выводы: контора конторой, а неплохо бы иметь и что-то свое под задницей.

Он стал меньше забивать на учебу, причем приналег на иностранные языки и международное право. А свою близость к конторе теперь использовал не столько для халявной сдачи экзаменов, сколько для выбивания загранпоездки на всевозможные стажировки и семинары по международному праву.

В результате к окончанию универа он уже имел неплохие связи с западными спецслужбами. Естественно, после вручения диплома полковник-куратор сделал ему предложение, от которого не отказываются. Савва и не отказался. Но и не согласился.

— Отношения с западными партнерами явно ухудшаются, и это только начало, — сказал он. — Думаю, как частник я буду полезнее.

Полковник оценил тактичность и точность хода.

Так у Савелия появилось маленькое уютное детективное агентство. Прогноз его полностью оправдался: с западными партнерами все горшки оказались перебиты прямо-таки в рекордные сроки. Савва же снова получил свою маленькую монополию: бизнес за тучные годы успел обрасти международными связями, как следствие — появились непростые вопросы на глобальном рынке. К товарищам идти с этим было бессмысленно. И очередь из коммерсантов потянулась к Савелию.

Впрочем, банальные бизнес-конфликты были, в общем-то, рутинной. Савва любил повторять, понтуясь перед заказчиками: «Мы здесь профессионально занимаемся невозможным». Истинное удовольствие он получал от препарирования человеческих душ. Куда незаметно ввести невидимую иголку, чтобы замкнуть цепь причинно-следственных связей и вызвать у объекта единственно необходимую реакцию? Что должно произойти, чтобы сорокалетняя тетя, впервые в жизни испытавшая оргазм на турецком курорте с аниматором, прекратила валять дурака и вернулась к обеспокоенному мужу (заказчику). Как отвадить старого козла от молодой сочной

капусты? И как эта капуста поведет себя, проснувшись на пляже в азиатской стране в одних трусах? А главное — с каким выражением лица кино о приключениях капусты будет смотреть степенная состоятельная заказчица...

Парадоксальным образом Савва при всей специфичности своей работы так и не сделался грязным типом. Грязь к этому бегемоту как-то не липла. У него даже был длинный свод правил и догм, которым он неукоснительно следовал. Он никогда не брал дел, которые ему не нравились. Никогда не использовал откровенно криминальных способов решения проблемы, предпочитая атаковать из-за угла, доводя объект разработки до сумасшествия. Ну и очень четко следовал инструкциям клиента или его представителя. Даже если считал, что эти действия никуда не приведут. «У богатых свои причуды, — приговаривал он. — В конце концов, наша задача не победить, а заработать». Эта позиция позволяла Савелию жить неплохо.

А благодаря неподдельно доброжелательному отношению ему удавалось включать в свои сети людей, которых в обычной жизни разделяла буквально биологическая вражда. Он не забывал старых добрых кураторов (к тому времени полковник уже стал генералом), но одновременно дружил не только с представителями конкурирующих ведомств вроде МВД и Следственного комитета, но и с мошенниками, ворами, мокрушниками, журналистами, наркодилерами и хакерами. Порой представители этих разных миров решали какую-то полезную для его клиентов задачу. Не подозревая, что работают бок о бок. Фээсбэшники, например, могли ловить хакера, а этот самый хакер решал вместе с ними в удаленном режиме кейс для Саввы. Таким образом Савелий мог вести одновременно с десятком войнушек. Но сам лично он никогда ни с кем не воевал. И вообще считал, что худший из возможных провалов в работе — это если противная сторона узнает, что он, Савва, участвует в конфликте.

Бывая в Москве, чтобы лично поправить любовно выстроенную паутину знакомств и связей, Савва любил после трудов праведных вознаградить себя бутылочкой вискаря в приятной компании Коли. Коля сам несколько лет занимался бизнес-разведкой и войнушками, однако потом рванул в малопонятные айтишные проекты. Живость характера и широта интересов не позволяли ему подолгу работать в одной отрасли. Девять из десяти Колиных проектов благополучно загибались, о чем тот ни капли не переживал, потому что после одного неприятного случая вкладывал в них исключительно чужие деньги. Его красивой и несбыточной мечтой были лавры нового Илона Маска. Однако выстреливал обычно один из побочных проектов, на который никто, в том числе и сам Коля, ни малейших надежд не возлагал по причине очевидного идиотизма затеи. Понять, чем проигрышная бредовая идея отличается от выигрышной, Савелий был не в состоянии. Время от времени Коля притаранивал какую-то чудо-технику или показывал сложные и непонятные программы. В прошлый раз, например, он пытался уговорить друга полетать на электрическом самолете. Савва в ужасе отказался.

— Ну и зря. Через пять лет все на этом летать будут! Тогда лови заказ. — Многие клиенты по старой памяти продолжали доставать Колю со своими заказами, которые тот с удовольствием передавал Савелию за долю малую.

На этот раз Коля носился с идеей обучающей 3D-порнографии. Обучать планировал английскому языку, которого, кстати, и сам не знал. По замыслу Коли, проститутка в качестве виртуального репетитора должна была создавать сверхмотивацию к обучению. А 3D-технологии создавали эффект присутствия и вовлеченности. Савва был приглашен на просмотр пилотного ролика, посвященного переводу слова «жопа» во всех возможных значениях и с максимальной наглядностью. По Колиной хате валялись самоновейшие 3D-камеры, похожие на глаз с ножками из мультика про Корпорацию Монстров, и картонные коробочки, из которых, если вставить в прорезь айфон, получалось что-то вроде очков виртуальной реальности для массового

потребителя. Кроме того, в квартире Савва обнаружил еще одного участника закрытого просмотра, который как раз прижимал такую коробочку к глазам и комментировал по ходу:

— Ни хуя тут нет никакого объема. И че это, блядь, за тридэ, если я ей даже под юбку заглянуть не могу?.. Говно, короче, твоя виртуальность. Стопудово народ по старинке дрочить будет.

Колю разгромная рецензия ничуть не обескуражила. Он произнес традиционный спич, что через пять лет все только так дрочить и будут, а заодно и по десятку иностранных языков выучат, — и все сели бухать.

Колдун (а это был именно он) затарился в дьютике шестнадцатилетним Lagavulin, который ценил за дымный привкус. Он как раз возвращался с Кипра, где имел обыкновение проводить обучающие семинары для желающих жить вечно. Савва же летел в Лондон расследовать дело рок-музыканта-параноика. Так что московская Колина хата послужила чем-то вроде удаленного ВИП-зала аэропорта.

Виски и приятная компания располагают к откровенности, но все-таки Савелий, как человек несомненно умный, был довольно сдержан и о работе предпочитал не распространяться. Поэтому всю его тайную миссию выболтал Коля в качестве застольного анекдота. Тем более что это именно он подогнал Савве тот заказ. Колдуна он совершенно не стеснялся. Как понял Савва, они были старинные кореша и в прошлом даже коллеги по опасному бизнесу.

— Ты прикинь, он реально подгоняется, что в какую страну ни приедет — за ним наружка. А он же музыкант. У него же нервы, — гоготал Коля. — Нет, парни, вы представляете, сколько это стоит — так человека вести?! Кому он на хуй нужен?! Это еще не на всякого шпиона такие бабки выделяют. А он же музыкант у нас!..

— Не люблю параноиков, — морщился Савва.

— Ага. Я тоже не люблю, — продолжал Коля, закуривая. — Обозначил я ему заградительный ценник. Что аж самому стыдно. А он такой: я согласен, — Коля очень убедительно изобразил физиономию кивающего ишака. — Вот лети теперь, успокаивай.

Колдун пыхнул трубкой и вдруг ни к селу ни к городу выдал:

— Был такой дядя, звали Жак де Моле. Великий магистр ордена Тамплиеров. Они с пацанами круто поднялись на захвате и удержании Иерусалимского храма. Что-то там раскопали из материальных и нематериальных ценностей в особо крупном размере. Стали натурально богаче короля. А короля звали Филипп Красивый, но было у него еще одно погоняло — Железный. И вот ему все это очень не нравилось, тем более что самому постоянно денег не хватало. Ну и в один прекрасный день всю верхушку ордена принимают в полном составе. А рядовые тамплиеры уходят в таксисты или как это тогда выглядело. Их потом тоже ловят постепенно. И всем шьют черную магию и договор с Дьяволом. Состав там, похоже, был, а вот прямой доказухи не хватало. А бабло отжать надо. Поэтому ведутся следственные действия, а именно: Жака де Моле с близкими держат на цепи в сыром подвале и допрашивают с применением спецсредств. Наши СИЗО отдыхают. Но он в отрицалове. И все это продолжается семь лет. А мужику, заметим, под 70. Но помирать он отчего-то не собирается. И тогда король Филипп наш Железный накаляется и принимает решение выписать всем вышку через сожжение, как это тогда было принято. К чему де Моле и его братву моментально и приговаривает независимый французский суд. Но вышла промашка: забыли тому де Моле язык вырезать или как-то еще лишить последнего слова. Король потом страшно расстраивался. Потому что мессир де Моле прямо с костра и проклял его, весь его род до тринадцатого колена, а заодно и руководство следственного комитета. Причем конкретно обозначил сроки: не пройдет и года, как я призову вас всех на Божий суд. И каждого назвал поименно: вот ты, ты и ты, — на этом месте Колдун для убедительности ткнул мундштуком трубки

в направлении Саввы, отчего тот непроизвольно дернулся, и продолжал: — И вот в течение года все поименованные лица, начиная, собственно, с Его Величества Филиппа Красивого, сыграли в ящик от различных естественных причин. На фоне общего здоровья. И род Капетингов пресекся вместе с орденом.

Колдун сделал приглашающий жест стаканом и выпил, не чокаясь с товарищами, будто и вправду поминал почивших Капетингов и тамплиеров разом. Савва машинально проглотил свой виски.

— Это ты к чему? — спросил он Колдуна.

— А вот прикинь картинку. Допустим, вскоре после описанных событий приходит к тебе в средневековое детективное агентство кто-либо из недовымерших Капетингов и начинает жаловаться: что-то странное со мной творится, то ли следят, то ли что, не пойму, помогите, плачу любые деньги... Стал бы ты вписываться?

Савва заржал. Он часто использовал этот прием: поржать, чтобы подумать.

— Хочешь сказать, там то же самое? Какой-то пидор проклял?

— Не совсем то, но где-то рядом, — серьезно ответил Колдун и тут же тоже начал ржать. — Не, ну ты слетай, конечно. Не в Туву же — Лондон! Туманы, фиш-энд-чипс, Мэри-ебать-ее-в-сраку-Поппинс — Лондон! Ты ж один хуй без разведки не впишешься.

4. Лондон

Колдун оказался кругом неправ. Лондон, как всегда, встретил Савву прекрасной погодой — и это в конце сентября. Из природной тяги к разрушению стереотипов Савелий как-то раз заморочился и поднял метеоданные. Оказалось, в столице Туманного Альбиона чуть ли не вдвое больше солнечных дней в году, чем в Москве, не говоря уже о Питере. А вместо чопорной Мэри Поппинс прямо в Хитроу ему улыбнулась негритяночка, такая, что куда там той Мэри с ее поппинс. Сочтя это добрым знаменьем, Савва прыгнул в такси и поехал в отель.

Первое чувство, которое испытывает русский человек, едва только пересекший западную границу, — это блаженное и незнакомое чувство безопасности. Вдруг замечаешь, что пространство вокруг принципиально неагрессивно. В России постоянно нужно быть настороже. Иначе продадут говно, накормят дрянью, поселят не туда, подрежут, разведут, спиздят все, что было, расхуячат ебло и заберут до выяснения, а в СИЗО выебут. В лучшем случае нахамят, если сделаешь не то лицо, скажешь не то слово, придешь не в той одежде. Расслабился — и ты уже терпила, опущенный, лох. Чтобы избежать этого, и нужны паутины связей вроде той, что годами выстраивал и поддерживал аккуратный Савва. На Западе, конечно, тоже можно нарваться. И паутинка всегда пригодится. Многим нужны твои деньги. Но вот делать из тебя опущенного — никому на фиг не надо, потому что зачем лишняя работа. Лишенный тотального тюремного опыта, Запад был вызывающе расслаблен. И даже мирные исламские террористы скорее удивляли, чем пугали. Быть взорванным — не запахло, это вам не российский досмотр. Уступить — не стремно. Официант — не халдей. А обыкновенная улыбка не вызывает закономерного в России вопроса «хули лыбисся», ну, дня через два-три — уже точно.

Организм вываливается из состояния повышенной боеготовности — и не может упиться этим, как ошалелый солдатик на побывке. Савва сам неоднократно это использовал, когда работал за границей по соотечественникам. Поэтому, будучи безусловно умным человеком, он помещал сам себя в карантин от работы по крайней мере в день прилета. Отмывался, отсыпался и отъедался. Притирался, подстраивался и пропитывался. С утра непременно сначала шел гулять и только потом — на встречу. Он не любил суеты в делах. «Суетливость — первый признак подступающей импотенции», — говаривал он не в меру возбужденным клиентам, если те требовали все и сразу здесь и сейчас.

Лондон Савелию скорее нравился. Он был как приятный в общении малознакомый джентльмен — держал дистанцию; был корректен и интересен без угодничества, при этом — самодостаточен и отстранен без жлобства. С таким можно выпить или даже подраться, но вот заночевать у него же — немыслимо. А наутро он будет как ни в чем не бывало обсуждать дела — в своих и только своих интересах. И если намекнуть про скелет в шкафу — просто пожмет плечами: «Ну и что?»

Английское утро выдалось таким жарким, что Савва повесил пиджак на руку. Утренний моцион предполагал сверить часы с Биг-Беном и бросить монетку в Темзу — нормальная программа-минимум. А там можно и музыканту-параноику звонить. Савелий любил сопровождать свою работу несложными ритуалами — он был суеверен, как настоящий сотрудник, и вообще уделял много внимания внешней стороне процесса: в двубортном уже никто не воюет, это точно.

После жопно-зеленых кучеряшек Питера Вестминстер завораживал тонкой очерченностью форм. С моста Биг-Бен выглядел готической шахматной ладьей, высеченной из черного дерева, что привезли жестокие джентльмены из африканских колоний. Острый и точный, как английский юмор. Выстроенный, как порядок слов в предложении. Безапелляционный, как файв-о-клок или добрая английская веревка.

Прямо посередине Вестминстерского моста буднично и нежно целовались поджарые бородатые пидарасы. На них никто не обращал внимания, а Савва все-таки обратил — и тут же стыдливо убрал глаза, опасаясь неизвестно чего. Пару недель назад в его уютное детективное агентство как раз явился один такой и предложил сделать агентство специализированное, которое бы занималось исключительно проблемами геев. По всему было видно, что проблем уже поднакопилось и необходимыми денежными средствами пидарасы располагают. Савва как-то постеснялся спросить о главном: обязательно ли в этой схеме лизаться с мужиками и ебаться в жопу, так что теперь невольно ставил себя на место лондонских влюбленных. «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра», — мысленно процитировал он Скарлетт О'Хару и потопал на встречу с параноиком. Уже перейдя на сторону Вестминстера, он вспомнил, что забыл бросить монетку, но не возвращаться же теперь. И двинулся дальше.

Параноик и вправду оказался ебнутым. Как писали в советских протоколах за пьянку, «вид неопрятный, речь невнятная». Колин моноспектакль был воспроизведен в точности. За ним следят. В какую страну ни приедет — везде устанавливают наружное наблюдение. Телефоны прослушиваются. А ему никто не верит. А он же музыкант. У него от этого нервный стресс. Вот справка от психолога. Он так не может. Ну, он же музыкант. Савва почувствовал, что все-таки не выпался. И со всей решительностью назвал сумму, от которой бы и Коля покраснел. За диагностику. А там посмотрим. Он даже не сразу понял, что англичанин трясет головой уже не от страха, а в знак согласия. А в рыбьих его глазках помимо безумия засверкала надежда.

Вечером Савелий сидел в тесном лондонском пабе и прикидывал план операции. Ну что, придется вызванивать ребят из наружки. Утром уже будут здесь. Пусть походят за этим, посмотрят. Пару дней повисим в Лондоне — не в Туве же, действительно. Главное — фунты экономить. Наверняка парни ничего не срисуют, потому что кому этот Неуловимый Джо нужен. И можно домой. И бабки как за нормальную операцию, считай, на халяву... Только почему-то совершенно неохота все это делать. «Что-то обленился я в последнее время», — подумал Савва и заказал еще пива.

...Пару дней спустя, когда перегулявший по Лондону Савелий начал уже слегка скучать на манер английского сплина, ребята из наружки вломилась в номер, как будто с обыском:

— Твою мать, ты куда нас вписал?

— Что такое?

— Парня действительно ведут, причем работает реально спецура.

М-да... Вот тебе и Неуловимый Джо. На следующий день вместо самолета Савелий учинил англичанину допрос по всем правилам старой доброй кагэбэшной школы. Особого секрета в этом нет, главное — терпение и хорошая память. Несколько часов подряд задаем оппоненту логически не связанные между собой вопросы, которые повторяются с неопределенной периодичностью и

изменением формулировки. Рано или поздно мозг оппонента вскипает, на вранье физически не остается энергии — и он начинает рассказывать правду, какой бы горькой она ни была. Параноик раскололся всего-то через пару часов. Он ведь вообще-то музыкант. Играет в разных ансамблях. Ездит по миру. Как-то выступали в Гонконге. А там девушка. Влюбились они друг в друга. И даже поженились. А он же музыкант. Поэтому пробует разные наркотики. Вот и жену свою молодую подсадил. А она как-то закинулась и прыгнула из окна гостиницы. Решила, что птичка. Птичку, конечно, было жалко. Особенно было жалко ласточку свою папе. Папа и объяснил коротко и ясно:

— Я же просил тебя дочь мою беречь. А ты не сберег. Поэтому тебе пиздец.

Папа — простой гонконгский предприниматель. А наш-то параноик вообще-то музыкант. Поэтому часто по миру ездит. И вот последний год в какую страну ни приедет — его уже в аэропорту заворачивают. И добрые работники невидимого фронта вежливо рекомендуют: может, вы уедете обратно к себе на свою английскую родину? Часами в аэропорту держат и уговаривают вернуться. Лондон, говорят, город хороший, а у нас вам точно не понравится.

Ну а наш-то англичанин вообще-то музыкант. Его хлеб — на сцене выступать. Приходится не поддаваться на провокации — оставаться и отыгрывать программу. И вот тут-то начинается. Следят. Может, даже как-то воздействуют. Но в последнее время он даже визу куда-то получить не может. Все ему позакрывали... А он же музыкант.

Час от часу не легче. Это ж сколько стоила подобная операция? Это ж какие связи нужны?! Чтобы в каждой стране, да сразу такой прессинг...

— А батя у твоей погибшей жены не миллиардер случаем? В гонконгских триадах не состоит? Пальцы все на месте? Татуировочек нет характерных?

— Да нет вроде бы... Богатый, конечно, но ни яхты, ни личного самолета...

Ну, пациент скорее мертв, чем жив, это понятно. Но очень интересно все-таки — как это было сделано?

— А вы могли бы приехать в Россию на недельку? Для следственного эксперимента?

И через неделю от дружественных органов был получен ответ — что же предпринял папа девочки.

Восточный человек сделал все хитро и очень дешево. Он купил поддельный паспорт на имя англичанина — всего-то 20 тысяч долларов. На этот паспорт зарегистрировал счета. А уже со счетов закинул деньги на организации, которые связаны с террористами. От имени музыканта написал милые комментарии: на войну братьям! Во имя Аллаха. Через какое-то время переводы запеленговали спецслужбы. А дальше — работа бюрократической машины Интерпола. У Интерпола есть такое понятие — зеленый угол. В него попадают граждане, которые не совершили серьезных преступлений, но высока вероятность, что совершат. В ближайшее время. К ним особое внимание.

Так английский музыкант, сам того не ведая, стал пособником террористов. И попал в зеленый угол. Гонконгский папа потратил на это удовольствие не больше ста тысяч долларов. А вот англичанин уже никогда не сможет выйти из угла, в который его поставили. Ведь спецслужбы — это бюрократия. И некоторые дела не имеют обратного хода...

— К сожалению, мы не сможем вам помочь, — резюмировал Савва, вручая музыканту в международном терминале Пулково анонимную распечатку. — И вряд ли кто-то сможет. Разве что Исламская революция... Но там таких тоже не любят.

5. Питер

Савелий уже начал забывать обо всей этой истории (ибо жизнь его была историями богата), как вдруг его маленькое уютное агентство начали пресовать. Сначала под предлогом проверки лицензий на программное обеспечение выгребли все компы. Потом опечатали оружейную — проверяли соответствие условий хранения новым нормативам. Обнаружили недостаточную толщину двери в оружейную комнату и левую Windows XP, древнюю, как Саввин дедушка-раввин. Обрадовались и возбудили уголовное дело. В общем-то, ничего страшного в этом не было — время от времени такое случалось. Как правило, даже не по причине происков обиженных врагов, а просто в рамках выполнения очередной разрядки: трясем частные лавочки, чтоб не забывали, по чьей земле ходят.

Достаточно было пообщаться со следователем, чтобы тот, приняв Савелия за бывшего сотрудника, по-товарищески намекнул, откуда ветер дует: кто-то недополучил уважения в материальном эквиваленте, остро нуждается в палках для отчетности или просто выиграло — само пройдет, если не дергаться. Обычно в таких случаях Савва даже не прибегал к помощи папы с Литейного — организовывал встречу с наезжантом в приятной обстановке, например, в «ведомственной» баньке, закрытой для гражданского сброда, и в нужный момент заявлял: «Товарищ генерал, разрешите доложить: пришел сдаваться! У меня тут...» — и излагал суть дела. Его бегемотье обаяние действовало лучше всяких заносов, да и присутствие в таком месте подтверждало: человек свой, толковый. Пусть себе работает.

Но на этот раз, похоже, без папы было не обойтись. Следачка явно была любовницей кого-то из больших. Помимо обязательного портрета № 1 ее кабинет украшало такое количество икон, что позавидовала бы средней руки церквушка, а в голубеньких кукольных глазках сияла чистая, от основ, крепчайшая, тройной перегонки глупость. Савва аж очки протер — запотели. Девочка смотрела на него, как Богоматерь на Иуду, и отчитывала, как заложного покойника. Единственное, что ему удалось уловить в потоке ее сознания, — похоже, в изъятых компах ищут экстремистские материалы. С тем и поехал к папе.

Папа тоже порадовал: вместо того, чтоб поржать над идиотской ситуацией, как это обычно и бывало, узнав фамилию следачки, сделался серьезен, как в кино про разведчиков. Сказал зайти через неделю и выпроводил.

Ежась, полуспортивной ходьбой, Савва семенил к своему рендж роверу. Питер это вам не Лондон: в темном ноябрьском воздухе висела водяная пыль. Капли, как мошара, лезли за уши. «С-сука, блядская страна!.. Ну, невозможно же работать, место проклятое!» — прошипел он — и вспомнил Колдуна. Это кто там кого проклял-то? Ну, видимо, проклял, да... Есть за что. А я, получается, за него вписался? Или просто произвел разведку? Но деньги-то — не как за разведку. Хотя все на берегу проговорили... Черт его знает. Савелий набрал номер Коли:

— Слушай, с твоим другом можно как-то пообщаться?

— Спрошу. А то он с незнакомого номера может и не взять.

Колдун откликнулся довольно быстро, но вот в Москву или в Питер лететь отказался категорически. Ни за какие коврижки. Пришлось, наплевав на конспирацию, излагать в Скайпе.

— Ну и на хера ж ты его в Россию-то потащил с таким диагнозом? — реагировал Колдун. — Знаешь, почему я терпеть не могу фразу «я же говорил»? Потому что слишком дохуя раз ее повторять приходится. Я же говорил — не вписывайся.

— Да я и не вписывался, — буркнул Савва (он не любил, когда ему читали мораль).

— Раз в свое пространство притащил, значит, вписался, — рассудительно заметил Колдун, чем еще больше взбесил Савелия. — Ладно. Засылай десятину, и я об этом подумаю.

— Какую десятину? — не понял Савва.

— Вот сколько с него получил — с этой суммы и десятину. Можешь через Колю, пожалуй, это будет правильно, — спокойно объяснил Колдун.

— А ты?

— Я же сказал: я об этом подумаю. А там посмотрим.

— Слушай, — в Савве проснулся внутренний еврей, — ты ведь даже не знаешь, сколько он мне заплатил.

— А это похуй вообще. Можешь меня наебать, если хочешь. Посмотрим, что получится, аж самому интересно.

— Не понял. Ты мне угрожаешь, что ли?

— Электрик мужику говорит: не суй лапы в розетку. А тот такой: ты мне угрожаешь, что ли? Так и с тобой, — устало проговорил Колдун. — Слушай, дело твое. Будут деньги — начну думать. Не хочешь — делай сам. Взрослому мужчине драть не запретишь. Все, давай. Обнимаю тебя, как покойный Березовский.

Савва, конечно, на этом не успокоился и учинил допрос Коле. Но разговорчивый Коля вдруг сделался необыкновенно замкнут. Все больше пожимал худыми плечами и тряс мефистофельской бородкой. Ну да, помогал. Не то чтобы чудо, но как-то все само собой. Не как хотел, но оказалось, в чем-то даже лучше. Нет, не приезжает. Черт его знает, что он там делает в своем Борске... В конце концов Коля не выдержал:

— Слушай, отъебись. А то заебал. Кино про Мюнхгаузена помнишь? С Янковским. Мы не можем утверждать, что он разогнал облака, но говорить, что он не разогнал облака — это значит противоречить тому, что видишь. Вот так и с ним.

Савва только плюнул с досады. Но когда папа отчего-то перестал брать трубку (что, в общем, тоже случилось — наша служба и опасна, и трудна, — но на этот раз привело Савелия в полный раздрай и истерику) — все-таки отправил деньги через Колю.

И ничего не произошло. Ничего не произошло и через неделю. И через месяц. И только тогда Савва вдруг понял, что его отчего-то перестали дергать. Он позвонил папе. И папа, как ни в чем не бывало, как в старые добрые времена, поржал над идиотской ситуацией и приказал не греть голову и держать хвост пистолетом. А девочка-прокуратор с глазами Богоматери, по-видимому, утратила к нему всякий интерес и то и дело мелькала в СМИ в связи с очередным оскорблением

чувств верующих чем-то вроде продажи каслинской статуэтки Мефистофеля в антикварном магазине. Через три месяца Савелию сообщили, что дело прекращено, и даже вернули изъятую технику, хотя он, конечно же, к тому времени давно купил новую.

Колдуну он как-то не звонил — замотался, да и не хотелось, откровенно говоря... Он сам не мог понять, почему. И в один прекрасный день Колдун позвонил сам.

— Привет! — сказал, как ни в чем не бывало. — К тебе тут человек может обратиться от меня. Зовут Тимофей. Если возьмешься — условия те же.

— Какие? — с ходу не врубился Савва.

— Десятина — и я об этом подумаю.

6. Мертвые

Кладбище пребывало в ахуе, словно Мертвую Царевну вместо поцелуя разбудили ведром ледяной воды и хуком слева. Хр-р-рясь — ш-шарах! — очередная спиленная тимуровцами сухая лесина распласталась, круша оградки и памятники. Тимуровцы выносили с погоста вместе с буреломом полусгнившие деревянные кресты и тумбочки разбитых памятников — на помойку. Их интересовали могилы участников войны, чтоб повязать на уцелевшие оградки ебучие свои георгиевские ленточки. Тимуровцы нынче — православные патриоты, что тупее и беспощаднее любой пионерской организации.

Но — нет худа без добра. Хоть пройти теперь можно. За последние тридцать лет старинный погост и вправду порядком заколодился. А тимуровцев все равно ни капельки не жалко. Их ответ. Колдун дождался, когда тимуровцы закидали буреломом прицеп могучего трактора, и кладбищенский мусор отправился в последний путь на помойку, а тимуровцы — пить чай по-походному и рассказывать друг другу, что если бы не их активная позиция, то ничего бы и не было.

Колдун вышел на широкую просеку, где раньше были ворота, и стал читать заклинание на языке йоруба. В поклоне от сердца к земле отпустил горсть медных монеток — закуп. Едва монетки коснулись мертвой земли, он с левой ноги вошел на погост.

...Кладбище надо приручать, приучать к себе, как зверя. Еще с весны, пока нестаявший снег горелой коркой прикрывал погост, Колдун бродил вокруг да около — принимался, разбрасывал монетки, танцевал какие-то бесовские свои танцы на поляне неподалеку. Кладбище под грязно-снежной крышкой чуяло и потихоньку начинало дышать, как опара. Чужая, страшная сила, от которой стыло все живое, просыпалась. Скоро корка стает и погост начнет фонить ею, как микроволновка. Тогда — приди и возьми. Если сможешь.

Тут дело в чем. Колдун с детства понял: этот мир придумали какие-то подлецы и пидоры (единственный вряд ли бы справился). А все сказки про его, мира, доброту и справедливость — одна большая хуйня на почве самообмана. Наоборот, агрессивное сопротивление среды проявляется, можно сказать, на уровне физических законов. Как гравитация и сила трения. Например, он еще мальчишкой заметил, что, если начать строить горку во дворе, обязательно вылезет откуда-то гнида и с сопением начнет ее разрушать. Стоит соорудить засаду на дереве, прибежит дворовая бабка и поднимет такую вонь, что легче не связываться. А на день рождения родители вместо того, о чем мечтал всю жизнь, непременно купят говно. С возрастом ситуация только усугубляется. Ну ладно, кому и зачем дают девки — это вообще уму непостижимо. Или стоит заработать денег — и выясняется, что нужно еще сто раз по столько, причем вчера. И вообще, чем острее хочешь, тем хрен получишь. А усилия в любом хоть сколько-нибудь важном деле обратно пропорциональны результату. Но это было бы еще полбеды. Хуже всего, что по

мере того, как ты физически увеличиваешься в размерах, этот ебучий мир начинает тебя замечать. И для его агрессивного и бессмысленного противодействия от тебя никакого действия или даже желания уже не требуется. С вами свяжутся, не сомневайтесь.

Смертная же сила примораживала всю эту помойную активность. Как будто бабке, наводившей ужас на весь двор, включили Санта-Барбару. Или в компьютерной игре ухватил ништячок, останавливающий время. Все монстрики замерли, пол под тобой больше не проваливается. Теперь делай что хочешь — и будет, что делаешь. Колдун давно понял: нет никакого смысла проколдовывать какую-то задачу в отдельности. Заказали тебе, скажем, порчу — ты все бросил и поскакал на то же кладбище. Реактивный подход — это вынужденная мера, когда первый раунд уже проигран. Необходимо же и достаточно поддерживать постоянный запас некроэнергии — и тогда все процессы, где есть часть твоего внимания, будут складываться наилучшим для тебя образом, проходя сквозь пространство, как нож сквозь масло.

Разумеется, запас этот необходимо не просто поддерживать, но пополнять и наращивать. Всего-то и нужно — тебе, живому, стать немножко мертвым, чтоб на той стороне за своего признали. И Колдун трудолюбиво умирал по два часа в день, последовательно проходя в медитациях все стадии от агонии до полного разложения. Но от непосредственного контакта с некроэнергией живое тело все равно приходило в ужас. Это как в проруби купаться: морж не морж, а пересидел — каюк. Так что бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе. Сегодня же Колдуну предстояло со своей ношей пронырнуть из одной проруби в другую.

Как только Колдун убрался восвояси, над кладбищем хлынул ливень, будто кто-то нажал на кнопку слива. Тимуровцев смыло. К вечеру с погоста поднялся густой белый туман и накрыл полгорода — растревоженные мертвецы искали своих оскорбителей. Колдун же отпаривался можжевельным веником, пил пиво и слушал в пол-уха дядю Петю, долговязого мужичка из батиных институтских друзей, которые частенько таскались в родительскую баню по субботам.

7. Петр Алексеевич

Что бедному студенту в общаге жрать нечего — это преувеличение. Другое дело, что доступная еда типа гречки или макарон едва ли может считаться лакомством. Деньги нормальный студент пропивает. Все. Но Петя Фомичев не был нормальным студентом. Он был золотой медалист из райцентра, худой, как жердь, в очках типа стеклопакеты. Не то чтобы он не мог бухать. Даже самый недоделанный дрищ, выращенный на свежем колхозном воздухе и продуктах с огорода, все-таки поздоровее городского вырожденца. По крайней мере, в двадцать с небольшим. Просто Петя бухать не любил. Ему хотелось вкусенького. Интеллектуальные нагрузки требовали компенсации.

Это сейчас как грязи развелось молодых карьеристов, которые не пропускают лекции, готовясь к государственной службе, а если и выпивают, то реально по бутылочке пива. То есть по одной. А в середине девяностых в дикой и вольной общаге аккуратный непьющий Петя выглядел инопланетянином. Народ еще помнил наизусть Высоцкого, цитировал Сергея Довлатова и Веничку Ерофеева. Пили до изумления, паралича и бреда.

Злая звезда привела Петю в комнату, служившую чем-то вроде клуба. Соседи его были городские, хоть и из удаленных районов, и в общаге прописались за некую взятку коменде — чтоб было где бухать и куда водить девок. Что и делали (террористическую угрозу еще не придумали и всеобщего пропускного режима в то счастливое время не существовало). А Петя там жил и учился.

Сегодня из деревни с оказией ему прислали сала. Дивного, домашнего, чуть подкопченного, с чесноком и черным перцем. Соседей дома не было, и Петя извлек из «холодильника», фанерного ящика, выставленного в форточку, добротный упакованный пакет. Сходил в тамбур, тщательно отмыл резальную досочку и нож. Протер собственным посудным полотенцем, которое хранил в тумбочке. Разгреб и вытер стол. Достал полбулки черного хлеба. И принялся аккуратно нарезать тонкими ломтиками его — сало.

С неизбежностью распахнулась дверь, и в комнату вломилась веселая компания: Серега-спортсмен, Болик и Пахом. Все с девчонками, хорошо хоть со своими, не со снятыми. Пакеты радостно звякнули — и Петины мечты о вкусном и здоровом вечере разлетелись вдребезги.

— О, Петро, молоток — как знал! — обрадовался Серега. — Я ж говорил, была бы водяра, а закусь найдется! — и начал выставлять бутылки на стол.

Пете вдруг сделалось гадко. Ребята и не подумали спросить его, а нужна ли ему эта водка и пьянка, которой они так щедро делились, это ладно, и даже сала, которое уже энергично пластал Пахом, было не так уж жаль, но главное — Серега врал ему. Врал, когда изображал радость по поводу неожиданной встречи, когда жал руку, когда называл по-свойски — Петро... Никаким другом Петя ему, конечно, не был, и что всего обиднее, ни капельки Серега его не уважал и ничуть

с ним не считался. Просто разводил по-хорошему, на снисхождении. А мог бы и по-плохому при других обстоятельствах.

Петя с омерзением выпил. Закусил салом. Вторая пошла уже легче. Девчонки смеялись — их тискали. Болик потащил со стены гитару.

— Погоди, — сказал Серега и царским жестом метнул на стол пакет травы, которой потихоньку приторговывал. С видом Траволты распотрошил беломорину, от второй оторвал картонку, развернул, затем скрутил рулоном. Получившийся «роджер» вставил в гильзу и принялся набивать.

— Банки есть?

— Какие банки? — не понял Петя.

— Литровые или около того.

— Зачем?

— Тащи, увидишь. Как в лучших, блядь, домах Филадельфии.

Всевозможные домашние соленья студентам присылали часто, поэтому банки в хозяйстве имелись. Петя притащил три.

— Чокаться ими собрался, виртуоз? — хохотнул Серега. — Смотри, это делается так...

Он выпустил чуть слюны на палец и обмазал приколоченную уже папиросу, чтоб горела помедленнее. Раскурив, перевернул горящим концом в рот, аккуратно, чтоб не уронить огонек на язык, и медленно задул «паровоз» в банку. Дым клубился на дне, как туман в ущелье. Выдохнув в сторону, Серега всосал дым из банки — как выпил, и захлопал себя по могучей груди, чтоб не закашляться. Подержал несколько секунд, выдохнул и растекся по стулу.

— Понеслась душа в рай... Куда бодрее любого паровоза. Попробуй, только носом не дохни — расплескаешь.

Петя попробовал и, конечно, расплескал. Откашливался и отфыркивался, как кот. Девчонки хихикали. Серега галантно и виртуозно задувал для них дым в баночки. Те даже умудрились чокаться и не расплескивать. Болик пел что-то мучительно актуальное:

— А люди жили-были-ели-пили-спали...

И ничего вокруг себя не замечали...

А время текло рекой широкой через века —

За облака...

Пьянка вышла из берегов и затопила комнату. Приходили, садились на койки и не уходили какие-то люди, знакомые и не знакомые вовсе, несколько раз бегали за догоном, траву никто и не думал прятать. Болик звонко выбивал гитарный ритм:

— Рано утром спозаранку, выставив меня за дверь,

Привела ты лесбиянку в возмещение всех потерь.

Над тобой потел немало я последние года,

Только плана не давала твоя скучная пизда!

— Уап-пап! Уап-парай-ру-пап-пап! — подпевали девчонки и танцевали посередине комнаты твист.

Глубоко за полночь Петя не выдержал:

— Ребята, может, хватит, у меня коллоквиум скоро...

— Петро! — с пьяной просветленностью поглядел на него Серега. — Вот я щас встану и уйду, если ты мне внятно и без пизды объяснишь: нахуя тебе твоя математика и твой ебучий красный диплом, и куда ты с ним пойдешь, кроме как на хуй? Ты не обижайся, тут просто у всех эта проблема. Где-то нас изначально наебали.

— Ну, могу в компанию крупную... или вообще за границу... и у нас сейчас ученым платить начинают. Ну и вообще — заканчивать-то надо...

— Блядьпиздец, — только и махнул рукой Серега, — вот вы, ботаники, думаете, раз человек в олимпийке, то он уже долбоеб, а сами в сказки верите...

Пьянка, на Петино счастье, естественным образом иссякла вместе со спиртным. Когда выяснилось, что денег больше ни у кого нет и пить нечего, все как-то рассосались. Болик, Пахом и Серега остались вместе с девками. Петя забрался на свою верхнюю полку мамонта и попытался уснуть. Получалось плохо — койки, одна за другой, завозились.

Отвратно вот так лежать на железном мамонте под форточкой, одному, голодному, не пьяному даже, и без бабы, и слушать приглушенные вздохи и скрипы. Но хуже-то всего было то, что в пьяных Серегиных словах заключалась правда, которую Петя старался не замечать все годы учебы. Учеба создавала для него какую-то точку стабильности в этом паскудном мире, и точка эта оказалась вдруг математической абстракцией. Вот сейчас у него сожрали единственное сало и больше ничего хорошего не осталось. Но через полтора года он закончит — и что изменится? Он не такой уж вундеркинд, чтоб ему вдруг отвалили гранд на доучиваться за границей. Английский ему давался с трудом. Но даже если сделать сверхусилие, международных компаний у нас не так и много, пробиться туда почти нереально, а в наших платят копейки. И никакая высшая математика там, конечно, не требуется, был бы диплом, хоть конно-водолазного, да и то необязательно. Аспирантура? Еще несколько лет жить впроголодь, чтобы потом работать, считай, бесплатно, но по специальности? А зачем? Вот он, Петя, умный. Серега, кстати, тоже умный, хоть и прикидывается гопником. И Болик с Пахомом не дураки. Но вот они с бабами, а он — нет. Хотя умнее их всех. Ну, ладно, Серега, спортсмен, их девки любят, но остальные-то парни — самые обычные, такие же, в общем-то, дрищи, как и он сам, — и вот, пожалуйста. Денег пока ни у кого, а потом? Какова вероятность, спрашивается? Пете даже не столько хотелось бабу или денег (хотя, конечно же, хотелось), сколько, как говорят математики, — знать алгоритм. Он собирался как-то проанализировать эту мысль, но водка и трава взяли свое и он вырубился.

Когда он проснулся, уже рассвело. Пацаны поправлялись чаем. Девчонки, пряча глаза, искали утерянные ночью детали гардероба.

— Вы хоть презервативы соберите, — мстительно пробурчал Петя со своей верхней полки.

— Обижаешь, начальник, — вяло реагировал Серега, так что было непонятно: то ли все презервативы он, естественно, собрал, как всякий культурный человек, то ли считает это дело себе не по чину, то ли вообще не пользуется.

Вскоре пацаны отправились провожать девчонок (никто и не подумал идти на лекции), и Петя остался один. В универ он тоже не пошел — в первый раз в жизни. Надо было как-то приводить себя в порядок, прибирать срач... Петя оглядел комнату, плюнул и лег спать. Проснулся под вечер с головной болью и отеком горла — форточку-холодильник забыли закрыть, и комната выстыла, как склеп. Спотыкаясь в полумраке, Петя полез к выключателю, и тут кто-то забарабанил в дверь.

— Ну кого там еще черт несет? — простонал Петя и поплелся открывать.

Оказалось, черт принес Мишу.

Миша был Петин однокурсник и почти одноклассник — учился в параллели. Из всего выпуска Узунской районной средней школы в универ поступили только они двое. Петя — закономерно, Миша — к немалому удивлению преподавателей. Как ни странно, с первого курса они почти не виделись. Петя учился, а Миша все время где-то пропадал, так что было даже неясно, отчислили его уже или еще нет. Вроде бы он подвизался помощником то ли депутата, то ли местного мелкотравчатого министра. Подробностей никто толком не знал: Миша практически не участвовал в общих пьянках. При этом как-то умудрялся поддерживать со всеми приятельские отношения. Вот и сейчас он зашел к Пете так запросто, как будто они были лучшими друзьями и вчера вместе же и бухали. Хотя никакой особой дружбы между ними не было. Самое удивительное, выглядело это совершенно естественно, без тени наглости. Вот Серега всегда вламывался, как в буфет, хотя, формально говоря, имел на комнату столько же прав, сколько и Петя.

Петя и оглянуться не успел, как Миша захлопнул форточку, котом устроился на подоконнике (единственном чистом месте, сохранившемся в комнате) и уже что-то втолковывал Пете, причем в руках у обоих оказалось по кружке чая:

— Ты пойми, тут такая история! Мы продаем бензин мэрии...

— А откуда у нас бензин? — Петя сам удивился, что сказал «у нас», но Миша и бровью не повел, а продолжал:

— Это не так важно. В смысле — вопрос решен. Короче, не парься. В общем, мы продаем бензин мэрии. У мэрии денег нет. Поэтому она расплачивается долговыми расписками. Долг они отдать не могут, поэтому через полгода они отдадут нам имущество.

— Какое имущество?

— Электробытовую компанию.

Петю отчего-то не удивило, что вот сейчас они в общаге пьют чай из пакетиков, а через полгода заберут у мэрии за долги электростанцию. Честно сказать, с Мишей это выглядело вполне естественным. Он собрал остатки здравомыслия и спросил:

— А нафиг я тебе?

— Ну, тут без литра не разберешься! Вообще, бросай ты свой бардак — пошли в нормальное место. Че ты на меня уставился? В ресторан пойдём!

Ресторан в Наукограде был всего один, еще с совдеповских времен. Студенческую пивнуху, куда двинулся было по привычке Петя, Миша отшел с негодованием. Ресторан же, в просторечии именуемый «Мухомор», пару лет назад был выкуплен и облагорожен молодым бизнесменом Максом Сидоровым, о котором много писали местные гламурные журналы, пользовавшиеся бешеной популярностью среди новоахтарских домохозяек. Круглая пристройка к универмагу действительно внешне напоминала мухомор. Макс, не мудрствуя лукаво, сменил стиль совет хай-тек из стекла и бетона на а-ля рюс с дубовыми столами и официантками в сарафанах. Заведение было переименовано в «Лукоморье». Ребрендинг удался лишь отчасти — старое название откусило у нового голову — и ресторан стал зваться «Мухоморье», что, в общем, соответствовало и форме, и содержанию. Но для нищего студента это был космос. Петя поймал себя на мысли, что он реально мечтать не смел здесь посидеть, хотя, гуляя по вечнозеленому от сосен Наукограду, не раз проходил мимо. Ну, скажем, подкупить денег и сходить. Или обмыть здесь диплом. Не говоря уже — пригласить девушку. Вот просто в голову не приходило.

Для Миши же подобные посиделки явно были делом обычным и даже рутинным. Не глядя в меню, он заказал бутылку «Смирнова» с двумя F, по мясу и вишневый компот, после чего продолжил заговаривать Петю:

— Ты же очень скрупулезный! И вообще зануда. Спокойно! Это комплимент. Мне нужно, чтобы по бумагам и по закону комар носа не подточил! Чтобы все было чисто! Вот за это ты и должен отвечать. Я уже придумаю — откуда взять и бензин, и как уговорить мэрию расплатиться. Но мне нужно, чтобы никто! Понимаешь, никто! Даже черт двадцать лет не мог найти ничего незаконного!

— Ты что-то путаешь. Я же на мехмате учусь, а не на юриста... — Пете было трудно вникать в Мишино предложение и подсчитывать стоимость заказа одновременно.

— Это похуй вообще. Сейчас все постоянно меняется! Принимаются новые законы. Юристы учат старье. И какая разница — кто и что знает. Найдешь где посмотреть. Просто тебе я верю. Какому-то юристу — нет. Я еще со школы помню — ты до каждой буквы доебаться можешь. И даже с учителями спорил. Вот за эту твою способность давай и выпьем!

Миша щедро плеснул буржуйской водки в обледенелые стопочки-сапожки. Петя сглотнул водку, по привычке задержал дыхание, чтоб подавить рвотный позыв, но водка не стала колом и не шибанула ацетоном, как то пойло, каким затаривались в общаге, а разбежалась мягким живым огнем. Он цапнул на вилку кусок мяса, стал жевать и понял, что вкуснее ничего не ел в жизни, включая то самое домашнее сало, которое казалось теперь таким грубым и вонючим. Хмелея, он даже не заметил, что Миша, пожевав кусочек мяса, брезгливо поморщился и отодвинул тарелку в сторону: о стейках в Новоахтарске и окрестностях еще только слышали, а Миша уже успел не раз побывать в Москве.

— Ты пойми: твое дело — разобраться с бумажками. Как там? Чем больше бумаги, тем чище жопа!

Миша перекрикивал песню.

Иду один по ночному городку...

По зеркальному мосту...

Вдоль дороги на луну...

К те-бе... — булькала в колонках местная группа.

Народ в «Мухоморье» разбился на парочки и танцевал. Петя вспомнил, как под эту песню нажрался с одноклассниками спирта, а потом долго блевал. От песни хотелось плакать. Петя был девственником и еще никогда и ни с кем. И ему не к кому было идти. Он думал, что и не хотелось. А хотелось давно и очень сильно. Иногда в самые неподходящие моменты ему представлялась одноклассницы. Обе — толстые и страшные: лучше влезть на кучу ваты, чем на девушку с мехмата. Но на большее он уже и не надеялся.

— Видишь, девки сидят, хочешь, снимем? — Миша, уже окончательно превратившийся в Мефистофеля, указал на двух девушек. По виду нельзя было понять: то ли это студентки, то ли старшеклассницы. Губы, ногти и юбки были ярко-красными. Это единственное, что еще различал Петя. Момент, которого он так долго ждал. Момент, на который он уже и не надеялся. Они танцевали, смеялись, он даже вполне удачно шутил, потом куда-то поехали, кажется, на Мишину съемную квартиру. Как лишился девственности, Петя не запомнил. В памяти осталась только мысль: неужели?!

— Вставай, выпускник! Нас ждут великие дела! — не очень оригинально разбудил его Миша.

— Пока ты спал, я тут прикинул. Я могу тебе платить пятьсот баксов, — продолжал неугомонный однокашник.

Петя сглотнул.

— Нормально?

— Мне надо денек подумать, — выговорил Петя после того, как опорожнил холодный чайник.

И вот этот день Петя запомнил. Он приехал в Наукоград и долго гулял по городку. Весна только-только начиналась. Под ногами слякоть, из киосков гудело «ДДТ». Пели почему-то про осень. А Петя все гонял в голове одну и ту же заезженную пластинку.

«Что я теряю? Кому нужен мой диплом? А если Миша не сочиняет? — в честности однокашника были большие сомнения. — В детстве он много врал. Нужно делить наполовину. А лучше на десять. Но на кабак же у него деньги есть. В крайнем случае, даже если вылечу, а он перестанет платить, — восстановлюсь. В армию меня все равно не возьмут...»

Петю пугало не возможное вранье Миши. Где-то в глубине души он чувствовал: не врут ему. И не то, что не справится. Петя верил — справится. Весь этот быт, который его окружал. Он сам, каким он был. Петя понимал, что он уже не будет таким. Его не устраивало в своей жизни все. Беспомощность, безнадежность, безденежье. Его никто не уважает, и бабы, как говорится в математике, — лишь частный случай. Петя вдруг осознал, что и деньги, и женщины — лишь

производные того, чего ему хотелось по-настоящему — уважения. Ведь он его и вправду заслуживал — побольше многих. И в то же время ему нравилось быть таким, какой он есть. А с Мишей, с этой безумной затеей, открывался какой-то новый мир. Какой-то новый он. И от этого чувствовался холодок. Совсем недавно Петя прочитал «Конармию» Бабеля. В его герое, интеллигенте, брошенном в бешеную пляску Гражданской войны, он узнавал себя... К черту Лютова. Мысли путались, а он шагал. В конце концов просто стал считать шаги.

«Либо я, либо меня. И лучше я!» — насчитал наконец сам себе Петя. Очень хотелось есть. Он вернулся в общагу, тоскливо посмотрел на подвявший от времени и безлюдья срач... Пацаны и не подумали прибраться, разъехались, наверно, по своим микрорайонам отсыпаться. Разгребать все это и варить гречку было невыносимо.

«Что мы теряем? — повторил он в сотый раз и добавил: — Вот это мы теряем. Поеду к Мише».

Мишу он прождал во дворике до глубокой ночи.

— Я согласен, что делать надо? — сказал он подъехавшему на такси однокашнику.

Дальше начались какие-то дикие скачки.

8. Схема

Самое смешное, оказалось, что бензин у Миши действительно есть. Его шефа, которого политически неграмотные студенты обобщенно называли депутатом, звали Николай Старченко — личность в Новоахтарске известная. Утиный нос на мясистом лице указывал, что его владельцу верить нельзя категорически. Но люди почему-то верили.

Возможно, потому, что Николай Васильевич обладал природным даром — общаться с людьми очень тепло, так тепло, что людям буквально хотелось завернуться в слова этого жулика. Старченко знал об этой своей способности, но иногда чересчур уж сильно на нее надеялся. Поэтому настоящей власти так за хвост и не схватил, хотя числился уже не депутатом, а аж целым замминистра сельского хозяйства, причем не региональным, а федеральным, хоть и курировавшим все тот же запомойный регион. Эту номинальную должность Старченко получил в качестве отступного за губернаторские выборы, которые действительно мог бы, пожалуй, выиграть, если бы захотел. Но сделаться губернатором вечно проблемного Ахтарского края было бы слишком хлопотно для Николая Васильевича. Он и сам это понимал. В бытность свою директором колхоза, кстати, как раз в Узунском районе, он привык к русской водке, ядреным бабам и полному отсутствию ответственности: все равно ведь ни хрена не вырастет, поэтому главное — гутарить складно. Крестьянская хитрожопость и природное обаяние обеспечили бы Старченко недурную политическую карьеру, если бы не водка и бабы, от которых он не готов был отказаться ни за что на свете. Но водка и бабы требовали времени. Нужен был молодой, энергичный и толковый помощник. На эту позицию и умудрился неведомыми путями пробиться Миша. Петя полагал, что, скорее всего, Старченко по старой русской традиции просто предпочел держать рядом какого-никакого земляка.

В качестве сельскохозяйственного замминистра Старченко обеспечивал поставки ГСМ в Ахтарский край, который относился к зоне не то что рискованного, а практически безнадежного земледелия. Поэтому большая часть горючего элементарно уходила налево за разумное вознаграждение Николаю Васильевичу, который справедливо полагал, что раз никуя не растет, нехуй и пахать.

Студент мехмата Миша поставил науку на службу сельскому хозяйству, придав схеме математическую завершенность: он убедил шефа продавать государственный бензин не просто налево, а своим же собственным фирмам, а затем перепродавать государству же, но только в лице муниципалитета, тем самым завершая естественный цикл. Сложность состояла в одном: заставить государство рассчитаться. Как говорил Старченко, не деньгами, так натурой. Впрочем, в те времена кризис неплатежей свирепствовал не только в государственном, но и в частном секторе. Поэтому полубандитские фирмочки, кормившиеся вокруг Старченко, тоже рассчитывались через пень-колоду. Зато вокруг мэрии еще вращалось множество недоприватизированных ГУПов, продукцию которых путем длинных бартерных цепочек можно

было превратить в деньги. Просто и это было уже слишком хлопотно для Николая Васильевича. А студент — пусть побеждает. Ноги-то молодые. Так или примерно так рассудил новый Мишин шеф.

Бывшему колхознику и в голову не могло прийти, что электричество тоже может стать товаром. А про векселя он вообще не слышал. Миша почел за лучшее и не нагружать шефа этими сложностями. Наиболее ликвидным и понятным товаром была водка. В Новоахтарске, конечно же, имелся свой пивкомбинат, естественно, государственный. Войны за него не утихали, но мэрии достаточно долго удавалось сохранять значительное влияние на поставки — как раз в силу того, что очередной директор был занят на переговорах, прикованный к батарее. За всеми этими заботами никто как-то и не замечал, что городская электрокомпания-монополист вот-вот будет продана налево за долги. Впрочем, если бы это и заметили, то едва ли нашлись бы дураки бороться за такой, с позволения сказать, актив: электричество по-прежнему негласно считалось социалистической собственностью и не платили за него принципиально. Но именно эту сделку и должен был прикрывать Петя. Он ни на секунду не сомневался, что бывший однокурсник выбьет из губернатора добро на приватизацию. Но как Миша собирается заставить народ платить за электричество — вот этого Петя решительно не понимал.

Впрочем, и думать об этом было особо некогда: оформление бесконечных бартерных цепочек отнимало у Пети массу времени и энергии, тем более, что параллельно он мучительно пытался закончить-таки универ. Элементарно дать взятку декану Петя так и не решился, хотя доходы уже вполне позволяли: убедившись на практике в дееспособности и патологической порядочности бывшего одногруппника, Миша довольно быстро взял его в долю. Благодаря вексельным схемам и отсутствию денег в городском бюджете в хозяйстве друзей образовалась сеть АЗС, несколько вкусных объектов бывшей муниципальной недвижимости... Естественно, Старченко уже не имел ко всему этому никакого отношения — аккуратный Петя оформлял основные активы на их собственные с Мишей фирмы. Но вот универ по-прежнему вызывал в Петиней душе священный трепет, поэтому он избрал промежуточный вариант — диплом заказал такому же ботанику, каким когда-то был сам, а защищался все-таки по-честному, лично.

Петю поразило, насколько легко прошла защита. Но еще больше поразило, какими наивными детьми теперь выглядели профессора перед ним — мужчиной, который в свои двадцать пять уже знал жизнь и зарабатывал деньги. Проспавшись после обмытия диплома, Петя узнал, что приказ о приватизации «Новоахтарскэнерго» подписан.

9. Жертвы

Процесс приватизации занял еще чуть больше года. За это время доходы друзей возросли на порядок, но для Пети начались черные дни. Миша все больше пропадал в Москве, причем, налетая в Новоахтарск, оставлял кучу незавершенных договоренностей. Так что решать вопросы с чиновниками на местах волей-неволей пришлось ему, Пете. А вот этого-то делать он не умел совершенно. Те самые неплатежи, проблему которых по первоначальному уговору должен был решать Миша, каким-то непостижимым, а самое главное, естественным образом оказались Петиной головной болью. И в этой категорически несвойственной ему деятельности все Петины достоинства в виде аккуратности, системного мышления и нормальной человеческой порядочности — обернулись недостатками. Петя отчего-то полагал, что если уж он договорился с человеком о чем-либо, значит, так тому и быть. Чиновники же обитали в параллельной вселенной, где действовали абсолютно иные законы физики.

Казалось бы, все просто. С Мишей было обговорено: нет денег — отрубим липиздричество и будет всем пиздец. Самые жирные куски госсобственности умные люди уже отжали, настало время приучать чинуш расплачиваться живыми деньгами. Деваться им некуда. Нужно только чуть-чуть металла в собственных яйцах. С этой четкой позицией Петр Алексеевич, длинный и прямой, как шпага, входил в кабинет мэрского руководителя. А вернее, в предбанник. За столом сидела во-от такая секретарша.

— Алексей Иванович прямо сейчас очень занят... Он очень просил вас подождать. Может быть, кофе? — ворковала она.

Развернуться и уйти было бы странно. Приходилось усаживаться на диване, от которого болела спина, хлебать этот поганый кофе (технический, как говорил Миша) и рассматривать секретутку. Сколько ей лет? Точно больше двадцати. Точно нет сорока. Диапазон двадцать лет. Она умудрялась создавать впечатление, что там, за массивными двойными дверьми начальника, происходит что-то важное и срочное, решаются вопросы государственного значения. А Петр Алексеевич — тоже, конечно, человек уважаемый. Но... Не такой важный. По итогу приходилось ждать целый час. Петя постепенно закипал, как чайник, — этот Алексей Иванович вообще, что ли, охерел?! Сейчас перерубим всем рубильник! В конце-то концов!..

Но встать и уйти перерубать рубильник было уже невыносимо. С каждой минутой Петя чувствовал, как уходит из него энергия. Утекает, как время в песочных часах. И вся жесткость, все то, что он для себя проговаривал, весь ПЛАН, который они разрабатывали с Мишей, — все это пустело и рассыпалось, как песочный замок. Когда Петя оказывался наконец за одним столом с чиновником, вместо острой и смертоносной шпаги он напоминал висящий, как шнурок с балаболкой, член

импотента. А этот Алексей Иванович вроде бы со всем соглашался. Объявлять ультиматум возможности не было. Но в то же время чиновник не соглашался ни с чем конкретно. Сроки были неопределенные, хотя и проговаривались всю дорогу. Петя прекрасно понимал, что его имеют, как мальчика в Древнем Риме, но сделать ничего не мог. Если бы его шпага и сохранила остроту, то все равно колоть было некого и некому.

— Безусловно, вопрос надо решать! Я согласен с вашей позицией. Необходимо договариваться с мэром. Как только наверху... Наш департамент... — голос Алексея Ивановича, казалось, все удалялся, как будто Петя скользил в пропасть, а Алексей Иванович, стоя наверху, заботливо объяснял ему, как небожно упасть.

Вечером было стыдно докладываться Мише. Тот бы все это решил в два щелчка. Жестко бы нагнул этого гада. А он, Петя...

С горя Петр Алексеевич пробовал было давать взятки. Но и этого он делать не умел. Что было еще полбеды. Но региональные чиновники и сами еще толком не научились брать. Получалось что-то вроде подросткового секса: стыд, страх, пыхтенье, а в результате — только мокрое пятно на штанах. Робкие Петины намеки, что мы, дескать, готовы учесть интересы сторон, осторожные чиновники никак не хотели слышать. Суммы, якобы передаваемые через надежных людей, растворялись бесследно. Пожертвования в «близкие к нужным людям фонды» принимались с благодарностью, но тоже никого ни к чему не обязывали. Спросить было не с кого: с самого начала никто ничего не гарантировал. Конечно, при такой политике чиновников, случалось, убивали. Но к подобным мерам Петя был совершенно не готов, да и они не приносили озверевшим от этого болота коммерсантам ничего, кроме морального удовлетворения и новых проблем — Петя прекрасно это видел.

Но Петр Алексеевич все же закончил мехмат. Там его приучили, что если есть задача, то есть и решение, пока не доказано обратное (правда, не объяснили, что в жизни сплошь и рядом в условиях задачи просто отсутствуют необходимые данные, да и формулы для решения меняются на ходу).

Когда-то они шутили с Мишей, что общаться с чиновником — все равно что пытаться поймать руками воздух. «Пар пердячный!» — ржали друзья. Значит, вместо того, чтобы пытаться собрать этот самый пар (занятие для тупых), необходимо и достаточно создать в пространстве зону избыточного давления. Чтобы ветер дул с твоей стороны. И чуткие чиновники сами развернутся в нужную позицию.

В те блаженные времена пресса еще не была орудием госпропаганды. Свободные и голодные журналисты продавались и покупались на диком информационном рынке. Тиражи популярных изданий даже в провинциальном Новоахтарске составляли десятки тысяч: их читали. Так что журналисты в своих свитерочках поверх засаленных воротничков ходили очень гордые. Общение с ними напоминало Петру Алексеевичу проституток, но не по причине продажности, а в силу той самой странной смеси гордости и закомплексованности. Взяв котлету денег, редактор, на котором пробу ставить негде, надувался от важности и начинал заяснять заказчику про редакционную позицию и необходимость представлять все точки зрения. В лучшем случае это означало, что завтра в том же издании появится контрматериал, в худшем — что оплаченная статья окажется никуда не годной и придется долго и мучительно торговаться за каждую запятую. С теми же интонациями представительница первой древнейшей как-то заявила обалдевшему Петру Алексеевичу:

— Я не сосу хуй, я облизываю презерватив.

Больше всего раздражало, что журналисты, как и проститутки, совершенно не знали своего дела, а зачастую были просто элементарно неграмотны. Собирать факты, формулировать мысли, а то и вообще писать материал от начала до конца приходилось самому Петру Алексеевичу. «Подрочить я и сам могу», — вспоминал Петя неуклюжих жриц любви, по ночам переписывая ахиною, присланную для согласования.

Все это, опять же, требовало времени и энергии. Но все-таки журналисты — не чиновники, и потраченные ресурсы приносили хоть какой-то результат. Петя даже чувствовал определенный азарт, хоть и сделался похожим на узника Освенцима. Постепенно в городе поднималась информационная волна: скоро отключат детские садики и школы, потому что куда-то делись деньги на оплату электричества. Интересно, куда? И в направлении кого? Может быть, пора разобраться компетентным органам? Самое главное, чтобы читателю становилось понятно: деньги были.

Вторым актом этого кордебалета следовало указать чиновникам, где взять деньги. Точно так же, как за журналистов приходилось писать статьи, за чиновников необходимо было пробивать кредиты в банках. В этом вопросе, слава богу, сильно помогал Миша, который в Москве успел обрасти хорошими связями и войти в авторитет. Для острастки он действительно отключил где-то на краю географии какие-то первобытные военные части за неуплату. И в том, что опыт будет повторен, никто не сомневался.

Двухходовка сработала. Кувшинные рыла чиновников развернулись по ветру. Заяц побежал подальше от ружья в сторону морковки. Город начал платить. А Петя для себя зарекся ходить в кабинеты. Тем более знакомиться с чиновниками в кабинете. И еще знакомиться без представления. Кто-то должен был рассказать и представить тебя. Желательно в непринужденной обстановке.

— Понимаешь, дело же в деньгах! Дело в уважении, — объяснял один подвыпивший начальник. «В уважении к тебе, гнида», — шипел про себя Петя.

Петя чувствовал — он не станет своим. Однако, поняв алгоритм, за несколько лет все же научился решать типовые задачи по управлению договоренностями. К поездкам на охоту или в баню с нужными людьми он старался относиться как к нудным, но необходимым математическим операциям. Решением становился подписанный приказ, но и тут требовалось дополнительное действие — приказ еще необходимо было воплотить в жизнь. Об одной из первых таких операций Петя вспоминал с тяжелым сердцем.

В математическом колледже, куда он как юное дарование поступил доучиваться после девятого класса, был у него заступник — Вася. Веселый парень, Петя делал за него домашки и давал списывать, а сокамерник по концлагерю с физико-математическим уклоном спасал от хулиганов. Васю он случайно встретил на улице. С тех пор как оба откинулись (Петя на свой мехмат, а Вася — куда-то во все тяжкие), прошло лет десять.

— Тебя не узнать! — хлопал по спине, обнимая, Вася, который, похоже, и вправду был искренне рад встрече. Петя действительно стал выглядеть как-то лучше. Вроде и занимался только работой, но казалось, что подрос и даже выпрямился. «Деньги лучше витаминок», — шутил он про себя.

— Да и тебя, — оценивающе хмыкнул Петя. Вася тоже сильно изменился. Он постарел и посерел. Былая лихость явно проигрывала усталости и какой-то внутренней безнадеге, но Вася еще не

перестал бороться. Был он под стать своему джипу: еще лет пять назад — ого-го! А теперь — отверстия от пуль и две поездки из десяти — на СТО. И все же, несмотря на потерю формы, было в нем что-то, до чего так и не смог дотянуться, как ни старался, Серега-спортсмен. Петя еще не знал, что так ощущаются люди, причастные к смерти. Те, кто убивал и кто сам хоть раз уже сидел в ладье Харона, выскочив только чудом в последнюю секунду.

Пете было приятно показать себя. С одноклассниками он больше не встречался. Понтоваться было некогда. Вот и завел Васю в свои хоромы. Евроремонт, три комнаты, джакузи, видеодвойка и музыкальный центр. В уголке стоял компьютер — единственная ценная вещь в квартире, которой на самом деле пользовался Петя.

Однако сейчас он врубил музыкальный центр. Хохотнувши про себя, нашел хит этого года:

— В сумке сигареты, цепь, учебник и дневник,

Ты идешь с кастетом в школу, ты скрываться не привык.

Знаешь точно, где их встретить, ты сегодня не один,

Твой приятель возле школы покупает героин.

Вася поморщился.

— Че это за хуйня?

— Да так, современные песни для школьников.

— Ладно. Похер. Разливай!

— Ни один ангел дня

Не споеет для тебя

Никогда... — выводил тонкий девичий голосок из динамиков.

После первых двухсот грамм однокашник начал выговариваться.

— Полная жопа, понимаешь. Бабосы, конечно, есть. Но я по сути занимаюсь тем, что шестерю на папу. Долги выбиваю. С коммерсами разбираюсь. Но это не жизнь — гниль. К тому же и деньги все время утекают. Поехали недавно с одним деятелем разбираться. А у нас ни стволов, ни патронов. Вывезли его за город, выдали лопату — пусть копает. Он выкопал. А че дальше делать? Думаем — сейчас отмудохаем до смерти и земелькой, значит, забросаем. И тут, блядь... В общем — полная жопа. Я понимаю — моя жизнь полная жопа. И Витька, мой напарник, говорит: я не буду. Я давай этого коммерса лопатой забивать. И тут, блядь, понял: не могу. Какая-то бесконечная поеботина... Не могу, давай еще стопочку.

— И чем все закончилось-то? — спросил Петя.

— Чем-чем... Он жив остался, а я теперь бухаю вторую неделю. Папе на глаза не показывался. Да нахуй... Петя, ты же умный, подскажи, что делать?

— Либо бросать это дело, либо самому папой становиться. Очевидно же! — Петю начинало злить, когда люди не понимали очевидной вещи. Либо ты, либо тебя.

— А если бросать, то куда я? — Вася выглядел растерянным.

— Куда-куда... Школьным учителем труда. Или физкультуры. У тебя же там какие-то разряды спортивные были.

— Школу нахуй. В гробу я ее видал. И выключи эту поеботину. Христом богом молю... Расстреляю твой мафон!

— У тебя же ни ствола, ни патронов. Ладно, не быкуй, сейчас сменю пластинку, — Петя поставил «ДДТ». Про себя отметил то, о чем в учаге и мечтать не мог. Он сильнее Васи. Физическая мощь оказалось ничем по сравнению с силой, которая была у Пети.

— Ты-то чем занимаешься? — у Васи слегка заплетался язык.

— Сейчас — энергетикой. Скоро вот в Москву уезжаю. Тут один вопрос надо добить...

— Че за вопрос?

— Да мы тут шахты на Кузбассе приобрели. По бумагам они нам с Мишей принадлежат. А там всякие хулиганы мешают. Предлагают бумажки эти засунуть в жопу. Отправили своего директора туда, так он позвонил — сказал, чтобы мы туда не лезли...

— Хочешь, разберусь?

— Как?

— Есть у меня один план. Кто там крышует эту тему?

— Некто Иванов, так он себя называет. Видать, новая мода. Вместо погоняла — типа фамилии.

— Вот я с ним и разберусь. И будут под моим контролем шахты. Хочешь?

— Хорошо бы.

— Только с Мишей я работать не буду. Жулик он!

— Мы тут все вроде не ангелы.

— Не, Миша натурально жулик.

— Ладно, че мы о делах. О делах и завтра можно попиздеть. У тебя, я смотрю, кольцо на пальце. Женился, что ли?

— А... Ты не знаешь же... Я же на Светке женился.

Петя с трудом вспоминал Светку.

— На Косачевой, что ли?

— На ней самой. Она у меня знаешь какая. Царица, я только о ней и забочусь. У нас вот ребенок скоро будет.

Петя вспомнил, наконец, Косачеву. Девка была не то что красивая, но жутко хитрая. Рыжая и конопатая, постоянно смеялась. Вася робел, когда слышал этот смех. Видать — завлекла.

— Я же что... Я все для нее и ребеночка, — Вася постепенно затихал. И последние слова говорил уже совсем невнятно.

На следующее утро Вася попросил денег на делюгу и умотал. Петя решил, что ничего не выйдет, и две недели старался не думать об этих ебучих шахтах. Что-нибудь само сдвинется. Однако хулиган и бывший борец Вася решил проблему. О чем и поведал Пете, сияя, как начищенный самовар:

— Нету твоего Иванова.

— Как это?

— А вот так. Понимаешь, какая беда приключилась. Товарищ Иванов на стрелку приехал. А его там из пулемета расстреляли. Вместе с его друзьями.

— У тебя денег на пулемет хватило?

— Да пулемет-то у меня был. Патронов не было... Да это и не так важно. Объясни, что дальше с этими шахтами делать. А то захватили. Денег не хватает. Рабочие бунтуют. Короче, черт знает что творится!

— Ага. Давай завтра засядем и разберемся.

— Только у меня просьба еще одна.

— Какая?

— Светка. Можешь помочь? Надо ее перевезти куда-нибудь подальше отсюда. Я же все для семьи делаю. Не для себя.

Светку отправили в Испанию. Вася же сидел безвылазно на Кузбассе — отражал атаки на предприятия Миши и Пети, которые там практически не показывались. Последнюю атаку Вася не смог отразить. Его позвали на стрелку, где, как и он когда-то, расстреляли из пулемета. Молодая поросль хулиганов попыталась отхватить свой кусок на пиру, что уже кончался. Молодежь быстро взяли фээсы, которых по своим каналам привлек Миша.

Петя же удивился своей холодности на известие о смерти друга. Он ведь знал, что Васю убьют. Прогнозировал. Даже хуже того — чувствовал, чем все закончится. Однако спокойно отпустил умирать. Бывший однокашник стал не первой жертвой, принесенной на алтарь бизнеса Пети и Миши. Но это была первая жертва, которую Петя знал со школьной скамьи. Первая жертва, которая ему конкретно делала только хорошее... И никаких эмоций. Заехал к Светке в Испанию, сказал дежурные слова. Нет, на Кузбасс не езжай — там неспокойно. Пацаны похоронили, все достойно. Впрочем, бывшая жена и не рвалась. Ее больше интересовало — что делать с деньгами.

— Что делать? Пользуйся. Живи дальше. Ты никому и ничего не должна. Тебе тоже, — Петя разозлился на глупую бабу, ради которой все и делал Вася. Но на эмоции не было времени. В России в жертву приходилось приносить все больше и больше народа.

Миша в Москве каким-то чудом умудрился пробиться аж к самому Рыжему. Тот оценил передовой опыт и объявил о курсе на приватизацию в энергетике и борьбу с неплатежами. Теперь Миша, наделенный чрезвычайными полномочиями, носился по всей стране на персональном самолете и вырубал электричество неплательщикам. Действовал крайне жестко. Одновременно

успевал отмучивать под себя часть бизнесов. Положение государственного человека в России позволяло легко прибирать к рукам частную собственность.

Петя же следил за растущим хозяйством. В Москву он окончательно так и не перебрался, хотя и проводил там все больше и больше времени. «Нормальные люди на работу ходят, а я — летаю», — шутил он. Но как ни много энергии отнимали перелеты, пребывание в Москве высасывало еще сильнее. Пете просто физически было необходимо восстанавливаться, но проведенного дома времени все равно не хватало. Работая на износ сам, он сделался абсолютно жестоким и по отношению к другим. Людей при необходимости увольнял штабелями. Директора его боялись панически. Дали ему кличку — Гвоздь. «А знаешь, почему? Потому что либо в жопе, либо в крышке гроба» — черный юмор офисного планктона. Петя, как древнеримский легат, разбивал своих топов на десятки. Раз в полгода он проводил децимацию — устраивал совещание и увольнял одного из десяти. Причем не самого худшего и проштрафившегося. «Ты кто? — Топ-менеджер. — Пошел на хуй! — Топ-топ-топ!..» — еще один корпоративный анекдот. Эта простая методика оказалась крайне эффективной. Топики пребывали в перманентном ужасе и бегали, как тараканы, не щадя ни себя, ни, в свою очередь, собственных подчиненных. Один управляющий помер прямо во время совещания. Его хватил удар, вызвали скорую, врачи для проформы пооткачивали. Но бедолагу не спасли.

— Куда это вы собрались? У нас есть еще вопросы, которые мы не рассмотрели. Работаем дальше, — спокойно скомандовал Петя.

История о том, как Петя продолжил совещание после смерти участника, стала легендой. И даже дошла до Миши. Тот сначала посмеялся, потом на секунду задумался, потом поскакал дальше. Впереди было много дел. Приватизация энергетики закончилась, Миша в ней поучаствовал и с помощью Пети выстроил империю. Теперь пришло время выкачивать деньги.

Схема вывода средств была банальна. Под модернизацию энергокомпаний брались кредиты в госбанках. Естественно, модернизировать никто ничего не собирался. Деньги выводились через подрядные организации и исчезали на офшорных счетах. Когда банк приходил за деньгами, он на законных основаниях забирал залог — выпотрошенную энергокомпанию. Описав полный круг и совершив полезную работу, собственность возвращалась государству. О предоставлении средств договаривался Миша — он уже вольготно чувствовал себя при власти. И даже несколько раз общался с президентом. В итоге выпросил себе должность какого-то министра без портфеля. Особенно забавляло Петю, когда он видел своего товарища в какой-нибудь передаче. Тот рассуждал о коррупции и о том, как ее победить. Объяснял, что он как представитель бизнеса во власти знает, что нужно делать.

— У нас же просто утекают деньги за границу! — хмурил соболиные брови Миша.

Петя тем временем опустошал счета подставных строительных компаний. Банальная и тупая схема работала крайне эффективно. Пока не начались сбои. Если первые энергетические компании госбанки забирали достаточно спокойно, то теперь почему-то не торопились за залогом, норовили устроить дополнительную проверку целевого использования средств и вообще мотали нервы.

Второй звонок прозвучал через полгода. Арестовали топов, которые работали по аналогичной схеме, но на другого государственного олигарха. Петя решил встретиться с Мишей, чтобы посоветоваться — а чего делать. И обнаружил, что встретиться-то не так просто. Взять и позвонить другу на мобильник было невозможно уже давно — все звонки проходили через помощниц. Но если раньше помощницы трепетали, едва услышав в трубке металлический голос Петра Алексеевича, и соединяли почти мгновенно, то теперь как-то не торопились. И даже слегка, неявно, на уровне интонаций, — хамили. Умные сучки проверяли границы, чувствуя, что акции правой руки шефа идут вниз. Когда же встречу удалось наконец организовать, реакция Миши не понравилась Петру Алексеевичу еще сильнее, чем странный тон помощниц:

— Да это все ерунда! — отмахнулся Миша, не дав Пете даже толком договорить.

— Как тебе сказать... Наше справедливое социальное государство может нагнуть кого угодно в любой момент.

— Министра никто не посадит. Тем более меня. Папе такой скандал на фиг не нужен. Работаем дальше. Сколько еще времени нужно?

— Не меньше года, а то и два.

— Ну вот и работаем! Не ссы.

От такого успокоения Пете сделалось тревожно по-настоящему. Мишу, конечно, не посадят. А Петю? Он решил узнать по своим каналам. Выяснилось, что пока дана команда разобраться с вопросом. Дело поручено молодому генералу. Он, конечно же, продажный. Но это дело собирается отработать для галочки. Хочет выслужиться перед папой.

Петя выловил Мишу еще раз, вооружившись данными разведки. Но тот оставался глух к мольбам. В последнее время тот ушел в очень своеобразный запой. Миша садился в свой самолет и летел в какой-нибудь город. Там бухал и трахал баб. Потом летел в следующий город, и далее программа повторялась. Вникать в Петины проблемы не хотелось.

Петя же впервые почувствовал свое бессилие. Он не мог решить задачку. А такого не было со времен универа. Самое худшее, то, о чем он старался не думать, — что для Миши он стал такой же жертвой, каким для него в свое время был Вася. Вася ведь тоже работал на благо их корпорации. Пусть и на своем, криминальном, фронте. Тот пал жертвой бандитских разборок, а Петя мог стать жертвой разборок политических...

10. Михалыч

Еще в школе Петя заметил, что лучше всего задачки у него решаются в бане. Стоит только как следует растопить, забраться на полку в парилке... Слушаешь треск дров. А потом раз — и решение становится очевидным. Как он раньше до этого не додумался? В Москве с банями было плохо. Нет, сами-то по себе они были. Но выражение «сходить с баню» москвичи отчего-то понимали в одном-единственном значении — с бухлом и телками. В поисках нормальной (с его точки зрения) бани, где не ебутся, а именно парятся, Петя, отчаявшись найти адекватное предложение на рынке, объехал чуть ли не всех знакомых с их загородными коттеджами. Но хилые москвичи сибирскую банную школу воспринимали как пытку и издевательство. Петя с горя даже сам построил аж целых две бани (первый блин вышел совсем уж комом), но ни фиги. Волшебства не происходило. Не мог он поймать ту самую точку покоя и безмятежности. За этим всем приходилось летать в Новоахтарск, а потом еще и ехать в Борск, к Михалычу. Впрочем, в последнее время Петя привык жить на два города.

С Михалычем они познакомились еще в студенческие времена. Тот вел у них какой-то семинар. На заре девяностых Михалыч, как и многие, подался из науки в бизнес. Сначала все шло неплохо, потом что-то не заладилось, и Михалыч вернулся в альма-матер. По ощущениям Пети, он просто любил свою науку и внутренне терпеть не мог коммерцию. Однако регулярно порывался вернуться в бизнес и даже организовал производство чего-то электрического, наукоемкого и на хер никому не нужного. На это и ушли все деньги, хорошо хоть машина и коттедж остались. Еще пока Петя отрабатывал первые дела в Новоахтарске, Михалыч хотел было тоже влезть в их с Мишей бизнес. Вроде как энергетика, тема знакомая. Но Петя не давал. Жертв для их дела хватало и без Михалыча. А вот банька у него была правильная. Там была какая-то верная точка в пространстве. Хорошо думалось.

На этот раз в баню приехал еще и сын Михалыча. Тот в последнее время только и делал, что на него ругался.

— Занимается черт знает чем! Раньше в Москве работал... А сейчас! Не работает нигде, а за границу — чуть ли не каждый месяц. Нет чтоб ремонт сделать. Вопросы какие-то решает, консультант хренов. Энергии какие-то, чуть ли не магом заделался, черт его разберет.

Сын спокойно сидел на полке в парилке. Странно это выглядело. Сын не избегал общения с отцом, но разговаривал абсолютно отстраненно, как будто включал фоновую запись. Сам Петр Алексеевич похожим образом общался с людьми, относительно которых решение уже принято, но они еще об этом не знают и пытаются достучаться до собеседника, для которого просто перестали существовать. Если Михалыч начинал бухтеть особенно активно, сын, даже не

прерывая банный ритуал, просто говорил: «Мы не будем обсуждать эту тему». На Михалыча было жалко смотреть.

Как опытный управленец, Петр Алексеевич не мог не оценить качества коммуникации. Парень явно где-то прошел хорошую школу. Цепляло еще и то, что сам Петр Алексеевич, похоже, его не интересовал совершенно. А ведь как-никак — не последний человек в этом городе. Да чего уж там — и в Москве. Петр Алексеевич уже успел привыкнуть, что общения с ним искали. А тут он сам никак не мог выбрать верный тон. Разница в возрасте — не так уж велика, и десяти лет не будет, наверное. Социальный статус — непонятен. У него деньги есть вообще? Ни по одежде, ни по разговору сосчитать парня не удавалось, а Михалыч не знал. Машины нет, ездит на такси. Хотя сейчас среди молодежи это модно. Семья — да вроде есть, Михалыч вон даже не бухтит на эту тему. Но поскольку сам Петр Алексеевич семьей так и не обзавелся, разговаривать об этом было неудобно — он сам как бы не входил в родительскую касту. Вообще парень был весь какой-то очень неудобный — и не скользкий вроде, скорее наоборот, надежный, такому хотелось доверять. Но вот ухватиться было совершенно не за что. Черт, к нему вообще на «ты» обращаться или на «вы»?

Петр Алексеевич пробовал было избрать покровительственный тон и даже спросил что-то вроде стандартного, чем, мол, занимаешься, но получил странный ответ:

— Баня таких разговоров не любит.

Так его не ставили на место давно. И главное, Петр Алексеевич и сам не мог понять, какого черта его вообще все это интересует. Присутствие сына Михалыча отчего-то выводило его из состояния душевного равновесия, ради которого он, собственно, и прилетел за четыре тысячи километров. И совсем уж некстати вспоминался и никак не хотел уходить геройски погибший Вася. И только по дороге домой до Пети вдруг дошло: от парня тоже пахло смертью. Хотя на бандита не похож. И не служил нигде, уж Михалыч бы точно рассказал. Черт, баню испортил... Как на поминках при живом покойнике. Тьфу, то есть... Мысли путались. А главное, решения-то никакого так и не пришло. Делать-то что будем?! Петя накати коньяка и лег спать — утро вечера мудренее.

Но утро не оказалась мудренее. Откровенно говоря, на фоне общего благополучия стратегически маячила полная жопа. На бывшего друга надежды никакой, это ясно. Погоны пока особой активности не проявляют, но это до поры до времени. Государственная машина медленно запрягает, но если уж поехала, то ничем не остановишь. Можно, конечно, свалить, пока не поздно. Но бежать от уголовки на Запад совершенно не хотелось. От чужого языка болела голова. А главное, Петя прекрасно понимал: там с любыми деньгами он все равно будет никем. В России, наловчившись решать головоломки, которые подкидывали бизнес и власть, он чувствовал себя уважаемым человеком. Ради этого он десять лет назад и бросился в омут с головой, согласившись на предложение Миши. Ради этого столько лет бежал весь этот марафон с полной выкладкой. Ради этого жертвовал людьми. И теперь — пополнить ряды сбитых летчиков?!

Взять того же Михалыча. Когда-то он первым начал возить в Новоахтарск вагонами ликеры «Амаретто» — невозможное пойло, служившее, тем не менее, таким же знаком успешности, как малиновый пиджак или шестисотый мерин. Петя хорошо помнил, как в один из совместных походов в ресторан, расплачиваясь, Михалыч как бы невзначай продемонстрировал котлету денег, которых хватило бы на квартиру. Сам Петя тогда еще только отрабатывал первые Мишины пятьсот баксов. И вот теперь... Хороший же мужик Михалыч, но — никакой. Нудный какой-то стал, вон, собственный сын смотрит, как на пустое место. Всего-то чуть за пятьдесят, а уже — огород, внуки... Не жизнь, а дожитие, как пишут в своих бумажках упыри из пенсионного фонда. А уж если начнет про свою электронику рассказывать — не знаешь, смеяться или плакать: вроде умный человек, жизнью битый, а тут — словно мозги отключили рубильником. От Михалыча буквально веяло тяжелой серой неудачей, и хуже всего было то, что и сам Михалыч это прекрасно

чувствовал. Возникла классическая система с положительной обратной связью, как говорили в универе.

Но и те, кому удалось-таки свалить, утащив в зубах более-менее приличные деньги, выглядели не лучше. Вот Михаил Наумович, сосед по вилле в Испании. Умный еврей почти двадцать лет выстраивал производство плитки в России. И сильно преуспел. К сорока с небольшим стал очень уважаемым человеком. Обороты под 400 лямов долларов год. Оценка бизнеса — пара миллиардов тех же зеленых рублей. Депутат самой главной и единственно верной партии. Все это улетучилось в одно мгновение. Враги завели уголовное дело по старой доброй статье 159, то бишь мошенничество. Естественно, приписали особо крупный размер. Братья-депутаты быстренько рассмотрели вопрос о снятии неприкосновенности. В прессе появились недобрые статьи. Михаил Наумович зайцем бежал через Белоруссию в Испанию. Благо добрый батька братской республики держал границу открытой, как раз для таких, как Наумыч.

И вот, казалось бы, сбывча мечт: вилла у теплого моря, денег хватает на всю оставшуюся жизнь с запасом, опять-таки жена модельной внешности, малые детки. Старший сын, правда, как водится, балбес балбесом — к тридцати годам образовываться в Лондоне заканчивает. Видать, не досталось тяткиных генов. И что Наумыч? Пытается инвестировать бабки в малопонятные бизнесы на Западе. Покупает европейских жуликов-менеджеров, которые, словно жуки-точильщики, выгрызают потихоньку его состояние. И Наумычу еще сильно повезло. Он хотя бы выплыл из передраги с деньгами. А сколько старых знакомых уже сидит? Чиновники, которые в виде особой милости Петю на охоте принимали, — так просто через одного на нарах.

Но и везучий Наумыч, и невезучий Михалыч — оба не в струе. И напускное барство в испанском особняке зависти не вызывает. Банька Михалыча в чем-то даже поуютнее. Да и сам олигарх на пенсии, как он говорит про себя, только и занимается тем, что ругает власть и жуликоватых менеджеров. Был живчик живчиком, литр вискарря высасывал под веселую и умную беседу, а в испанском курортном климате здоровье посыпалось, теперь как ходячая медицинская энциклопедия. И что интересно, несмотря на космическую разницу в деньгах, как заговорит о бизнесе — ну тот же Михалыч, словно одной болезнью заразились:

— Петя, я тут такую идею придумал! Мы будем продавать услугу — поставить свечку. Через интернет! То есть народ сможет зайти на сайт и заказать, чтобы поставили свечку за упокой его бабушки прямо в Кафедральном соборе...

Петр Алексеевич поежился. Раньше Наумыч с той же энергией лоббировал законы в Госдуме. И строил новые заводы. А теперь... Свечки через интернет. Все равно что в 20-м веке бывшие князья становились таксистами в Париже. Даже Светка, вдова Васькина, ему не дала.

Вот этого комплекса неудачника и боялся Петр Алексеевич. Сам по себе статус — ерунда. Тонна девок ему не нужна, Петя вообще так и не понял, почему людям настолько важен секс. Он лично относился к этому процессу, как к походу в туалет. Приятно выпустить пар. Но почему-то люди не пишут поэм, посвященных процессу сранья. Дома, прислуга, водитель, перелеты бизнес-чартерами — все это, казалось Пете, он может легко бросить. Но вот стать никому не нужным — означало самому себе перекрыть кислород, лишиться той энергии, за счет которой он и жил. Теперь он понимал, почему многие предпочли сесть, а не уехать. Но математика Петю такая альтернатива не устраивала. Он чувствовал: должны быть еще варианты решений.

Но толком подумать было некогда. В Новоахтарске Петю быстро закрутили дела, тем более что из-за разницы во времени по ночам приходилось дистанционно дрючить московских менеджеров. Петр Алексеевич и сам не заметил, как пролетела неделя, а заметив, плюнул и вместо аэропорта

поехал опять в баню к Михальчу. Чем черт не шутит, посмотрим, что там этот юный консультант наконсультирует. А может, его и не будет сегодня — хоть попарюсь по-человечески. Честно говоря, в глубине души Петя надеялся как раз на второй вариант. Но сын Михальча, сука, оказался на месте. Похоже, единственным, что он унаследовал от отца, была страсть к банному ритуалу.

11. Ритуал

Колдун на сей раз пребывал в прекрасном расположении духа. Дело в том, что в силу специфики профессии большую часть времени он находился в состоянии острого физиологического дискомфорта. Энергия, которую он пропускал через себя, приводила организм к состоянию (насколько он мог судить), близкому к токсикозу на ранних сроках беременности — тошнит, ломит суставы, давление скачет, как на американских горках, хочется немедленно чего-то съесть, но чего именно, непонятно — сена свежего, как он любил шутить. Когда же на какое-то время отпускало, все окружающее радовало Колдуна чрезвычайно, и даже Петр Алексеевич, ерзавший на своем полке, как уж на сковородке, не был исключением.

— Да не мучайтесь вы, рассказывайте, — смиловился Колдун, отхлебывая из ледяной кружки дивного светлого, с горчинкой пива, которое он самолично притащил из единственного в округе приличного паба, на вынос.

И Петр Алексеевич начал рассказывать. Про Мишу, про себя, про ебучего ментовского генерала. Это оказалось совсем легко, как будто открылись шлюзы — и поток, который столько лет создавал избыточное давление внутри, хлынул на свободу. Колдун не столько слушал, сколько направлял этот поток куда-то к чертовой матери вниз, в бездну, стараясь по возможности находиться чуть в стороне, чтоб не забрызгаться. Когда Петя иссяк, Колдун спросил свое извечное:

— Ну, и чего вы хотите?

— Чтоб менты отстали, — выдохнул Петр Алексеевич. — С остальным сам справлюсь.

Колдун посмотрел странно, вроде и внимательно, а то ли мимо, то ли сквозь. Помолчал немного, словно размышляя, спрашивать или нет, и все-таки спросил:

— А этот, товарищ ваш? Миша, кажется? С ним-то как?

— Знаете, — заговорил Петя, — несмотря ни на что, я ему даже благодарен. Конечно, когда завершим операцию, придется как-то расходиться, но думаю, проблем с ним не будет. Во всяком случае сейчас к нему никаких претензий.

Колдун кивнул, мол, вольному — воля, и сказал:

— Хорошо. Нужна информация по вашему генералу. Не компромат, а так, общего характера — фото, дата рождения, жена-любовница, хобби-увлечения... В Москве обратитесь к Савелию, он как раз по таким вопросам. Против ментов, конечно, работать не будет, но на этом уровне сведенья соберет. А нам и хватит. Баб он точно не пропустит, — заговорщицки подмигнул Колдун и отхлебнул пива.

— А бабы-то тут при чем? — не выдержал Петр Алексеевич. — Аморалку ему шить будем, что ли?

— Бабы тут при том, — отвечал Колдун, — что глубина пизды неизмерима. Все, что хочешь, можно слить. Хоть деньги, хоть удачу... Ну а у погон, у них же как: есть приказ гласный и негласный. Негласный надо угадать и действовать в соответствии именно с ним. Ошибешься — выебут либо за действие, либо за бездействие. А пизда как раз нюх и отшибает. Тем более товарищи офицеры пользоваться ею не умеют совершенно. Вы офицерских жен хоть раз видели? Это ж без слез не взглянешь: сам ладный весь, а рядом — смесь болонки со свиньей. Ладно, на этой мажорной ноте — пойдете попаримся.

Ну, Петя, собственно, и пошел. В Москву он улетел легкий и свежий, как промытый с хлоркой унитаза.

Расчет Колдуна оказался верным: Савелий напрягся было поначалу, но услышав, что хватит и информации из открытых источников (ну, или полуоткрытых, но что и так все знают), принял заказ с радостью. И даже надбавку за погоны запросил в пределах разумного. С фотографиями тоже особых проблем не возникло — товарищ генерал был личностью публичной и политически активной. Так что уже через неделю Колдун, запершись в уютном своем кабинете, читал короткое досье типа «обыкновенная история».

Черненко Максим Петрович, что характерно, какой-то внучатый племянник того самого генсека, который после тяжелой болезни, не приходя в сознание, приступил к руководству Союзом Советских Социалистических Республик... Сорок семь лет. Женат, точно, на какой-то крокодиле... Ага, вот и любовница. Тоже не первой свежести, но баба ядреная, самый сок — пойдет. Трудится в родном министерстве, посильно помогает распродавать излишки недвижимого госимущества. Есть такая профессия — Родину расхищать... Сам — борец с кровавым госдепом, член единственно верной партии... А-атлично!

Дождавшись полнолуния, Колдун распечатал фотки, запасся мелочью для откупа, приобрел, не торгуясь, красных ниток, красных же восковых свечей и парного мяса. Привороты отчего-то всегда удавались ему особенно хорошо, хотя сам он их и не любил — люди, в силу природной тупости, вечно норовили использовать этот прекрасный инструмент не по назначению. Вот втрескается какой-нибудь идиот от пятнадцати до семидесяти пяти в какую-либо курицу — и бежит привораживать. Оно бы и ничего: приворожил, трахнул и забыл об этом деле. Но он же ее типа любит. Начинает с ней жить. А приворот — это такая штука, вроде строгого ошейника с шипастой рукояткой. И сидеть на нем больно, и держать. Друг без друга плохо, но и вместе — никак. Энергия постепенно уходит. Вместе с ней — здоровье и деньги. Когда все это заканчивается и поводок ослабеваает — радостно упархивает на свободу и сама курица. А заказчик остается весь в говне и страшно недовольный. Правда, сделать уже ничего не может никому, потому что нечем. И ему уже не поможешь, разве что сам отойдет лет через пять, если живучий и везучий. Но все равно — оно нам надо? А объяснять — бесполезно... Но в данном конкретном случае — то, что доктор прописал.

Ближе к полуночи Колдун облачился в черную, остро пахнущую чем-то пряным мантию на голое тело — типа бронезилета, зажег свечи и стал призывать знакомых бесов. Вскоре, поеживаясь от ночного холода, он, уже в обычной одежде, вышел из дома и двинулся в направлении дальнего, давно облюбованного перекрестка. В руках его был набухший от крови, прошитый нитками сквозь фотографии и мясо, закапанный воском бумажный конверт. Письмо счастья. Через час он налегке и не оглядываясь возвратился домой и со спокойной душой лег спать.

...О вызывающей роскоши генеральской свадьбы отписали все оппозиционные сайты. На ютьюб даже просочилось видео, где корпулентная невеста с усыпанной бриллиантами грудью солировала в компании первых чинов правительства, силовиков и Госдумы. Однако вопреки

ожиданиям Петра Алексеевича на генеральской карьере это не сказалось никак — чего уж там, если Главный со своей развелся, то и подчиненным не грех. Не в столовке же свадьбу праздновать, право слово. Правда, похоже, в связи со свадебными хлопотами и медовым месяцем про Петра Алексеевича действительно на какое-то время забыли. По крайней мере, источники, близкие к осведомленным, докладывали Пете, что никакого движения по его делу нет. Надолго ли?

Так прошло с полгода. Петр Алексеевич уже начал слегка стыдиться своей откровенности с Колдуном — события развивались, в общем-то, совершенно естественным образом и никакой магии для этого, строго говоря, не требовалось. И только когда Петр Алексеевич уже махнул было на это дело рукой (ну, развели и развели, друзья юности, бывает, в другой раз умнее буду) и начал снова прикидывать, как бы решить вопрос своими силами, среди ясного неба грянул гром. На генерала ни с того ни с сего завели уголовное дело (видно, все-таки где-то не на того наехал), отовсюду исключили с позором, и он с новой женой сбежал в братское, но враждебное государство. Там он неожиданно прозрел, во всем раскаялся и принялся рассказывать вражеским голосам, как его хитростью и обманом заставляли кошмарить ни в чем не повинный российский бизнес. Чтобы не усугублять ситуацию, все дела, которые вел этот недобитый власовец, спустили на тормозах и отправили пылиться в архив: у нас свободная рыночная экономика, вот видите — никаких наездов. Петя вздохнул облегченно и мысленно послал Колдуну воздушный поцелуй благодарности.

А еще через пару месяцев приснился ему страшный сон. Будто он — не Петр Алексеевич вовсе, а как раз тот самый генерал, Максим Петрович. И идет по бульвару на какую-то важную встречу, на которую (отчего-то он точно знает) ходить вовсе и не нужно. Внезапно кто-то с пугающей силой ударил его будто двумя кулаками в спину. Наждак асфальта рванул лицо. В голове грохнулся и подпрыгнул ящик битого стекла. Взвизгнула и оборвалась боль. Он с неожиданной легкостью вскочил и бросился в ближайшую подворотню, но проскальзывал, как это всегда бывает, если убежать во сне. Он оглянулся. Метрах в трех на асфальте валялся, как рыба на берегу, кто-то незнакомый, бесформенный и странный. Его охранник, зажимая бок, давил на курок, указывая стволом куда-то в щель между машин, но выстрелов он не слышал. Машины, улица, здание Палас-Отеля выглядели ненастоящими, как компьютерные декорации для фильма. Казалось, их можно поменять в любой момент. Ему было удивительно легко, как будто он снова девятнадцатилетний и совсем не чувствует тяжести и сопротивления изношенного тела. Внезапно ужас тончайшей, едва ощутимой иглой пронзил его. Он начал осознавать. «Это я?!» — подумалось про рыбу на асфальте. И сразу же с невыразимой болью: «Маша?..» Дальше мысли, образы и чувства брызнули и разбежались, как ртуть из разбитого градусника. Он не был уже Максимом Петровичем, генералом, ренегатом, мужем, а стал просто распакованным, рассозданным временем, которое жадно втягивали не только люди и нелюди, слетевшиеся к месту убийства, но и припаркованные рядом машины, и каштаны, и стены Палас-Отеля, и даже серый пыльный асфальт.

Не помня себя, Петр Алексеевич подскочил с кровати в холодном ядовитом поту. Некоторое время озирался, осознавая. Обессиливающей волной догоняло облегчение: он — это он, Петя, у себя дома в Москве и все очень-очень хорошо. Но все-таки ложиться досыпать было страшно. Петя освежающе выматерился и отправился в душ отмываться. Выйдя из душа и открыв интернет, он узнал, что Максим Петрович Черненко только что был показательно застрелен на главной улице приютившей его столицы вражеского братского государства, возле Палас-Отеля, куда он вместе с охранником явился на какую-то встречу.

12. Хорошист

Тимофей бестолково слонялся по конференц-залам отеля Marriott, где сегодня проходили презентации стартапов. Это напоминало день открытых дверей в психбольнице. Само мероприятие наглядно демонстрировало, что с ума сходят вовсе не поодиночке. Сходить с ума можно и большой толпой. Очередной псих рассказывал о своей болезни:

— Социальная сеть для кошечек. В России очень много кошек...

«Раньше ненормальных изгоняли, скидывали в пропасть или просто запирали в бедламе. Сейчас мы их слушаем и пытаемся разобраться, сможем ли заработать на их отклонениях», — думал Тимофей. Удивительно, как раньше он мог не замечать этого. Лишившись работы в инвестфонде, он по инерции продолжал ходить на сборища инвесторов в Москве. Теоретически существовала возможность высмотреть перспективный проект, выкупить его на свои, перепродать... Найти в потоке бреда крупинку золота. Проблема была в том, что золото не просто внешне ничем не отличалось от бреда. Оно и было тем же самым бредом. Просто в силу каких-то неведомых причин одна форма безумия могла стать массовой, а все остальные поражали мозги лишь основателя стартапа и нескольких его сподвижников. Отличить одно от другого было невозможно: все объяснения успеха или провала придумывались уже постфактум. Требовалось просто делать ставки в этом сумасшедшем казино.

Пока Тимофей играл на чужие, ему сопутствовала удача. Коллеги и знакомые отмечали его аналитический талант и знание рынка. Казалось бы, что стоит употребить эти таланты себе во благо? Так и следовало поступить уже давным-давно. На одну-две ставки его личных средств должно было хватить, а больше профессионалу и не надо. Но теперь Тимофей с ужасающей ясностью ощущал, что двигали его вперед вовсе не его личные таланты и способности, не опыт и даже не инвесторская чуйка. Все это было, и было условием необходимым, но, увы, недостаточным. А на самом деле процесс двигала та огромная, беспощадная, несопоставимая с его собственной энергия, проводником и представителем которой он являлся. Энергия Миши и его корпорации, без которой он, Тима, — никакой не частный инвестор и не бизнес-ангел, а просто очередной сбитый летчик.

Самое противное было, конечно, в том, что он прекрасно видел: окружающие это тоже чувствуют. Кроме разве что совсем уж идиотов. Общаясь с последними, Тимофей испытывал особую

неловкость. Хотелось дернуть такого за рукав: «Смотри, я же уже никто, зачем ты передо мной стелешься?!» Даже холодок, который подпускали в общении умные и вежливые гады, был не так унизителен.

Первый раз в жизни Тимофею было неуютно и беспокойно. Мучила не столько неизвестность — что дальше, сколько непривычное осознание полной собственной беспомощности. В юности он смотрел фильм *The Ghost* с Патриком Суэйзи — герой неожиданно гибнет и становится привидением. Он все видит и понимает, но ничего не может сделать — руки у него теперь из воздуха.

...Несмотря на то что формально Тимофей был классическим московским мажором (предки его обосновались в столице чуть ли не со времен Мамаева нашествия и успели за это время изрядно подобрасти жирком), как раз мажором-то он на самом деле не был. Родители, будучи людьми неглупыми и небедными, никогда не решали за Тиму каких-либо жизненных задач, зато приучили, что при необходимом и достаточном усилии с его стороны любые задачи решаются естественным путем, просто в силу законов физики. Нажми на кнопку — получишь результат, как пела одна популярная группа времен их молодости. Даже зачат он был в любви и запланированно.

Тимофей учился не в каком-то там блатном лицее с углубленным изучением всего, а в одной из старых московских школ, как говорили, с традициями. Русский язык и литературу ему преподавал сам Геннадий Пыко. Спецкурс по математике читал внук академика Иоффе. А в старших классах время от времени проводить открытые уроки по экономике и пиару прилетали небожители вроде Кахи Бендукидзе и Алексея Ситникова. Штатные учителя старались соответствовать. Даже физрук организовал в школе скалодром, где проводил занятия по альпинизму с последующими выездами на покорение вершин. У этих людей было интересно учиться, а им было интересно учить. Разумеется, попасть в эту школу было практически невозможно. Но родителям Тимофея даже не пришлось прилагать особых усилий — он имел на это право уже по факту прописки. Да и мальчик способный.

В школе он, конечно, немного хулиганил. Когда Москву наводнили китайские петарды, даже пришлось вызывать родителей. Впрочем, о терроризме тогда никто слышал, так что все проходило по разряду невинных детских шалостей. Тимофей никогда не переходил границ, интуитивно чувствуя, что вот это — еще можно, а вот это — уже нельзя. Как ни странно, детей новых русских, которые откровенно бесились с жиру, вокруг было не так уж много. И, например, Стас, который начал курить траву лет в тринадцать, не выглядел героем или бунтарем, а скорее просто неадекватом, кем и был (в конце концов родители отправили его из Москвы в Лондон, где он из окна выкинул сначала телевизор, а потом выпрыгнул и сам). Не страдал Тимофей и от свойственного элитным детям снобизма, поскольку был самым что ни на есть коренным москвичом, и доказывать что-либо себе или окружающим было одинаково бессмысленно. По той же причине не требовалось выбиваться и в отличники — это было бы уже ненужным сверхусилием, и так всем понятно, что в универ ему прямая дорога. Никто ему не ставил в пример Верочку или Володю, учившихся на одни пятерки и откровенно туповатых. Класса после третьего родители вообще перестали интересоваться оценками. И так знали, что у сына все хорошо.

Родители Тимофея зарабатывали достаточно много, чтобы тот в разумных пределах ни в чем не нуждался, и достаточно мало, чтобы не стыдиться своего богатства, заставляя сына ездить на метро, а летом работать на одном из папиных складов, как это делал отец Виталика, уже почти настоящий олигарх. Тимофей же, напротив, пользовался если не свободой, то отсутствием давления. Когда парню стукнуло шестнадцать, родители начали дипломатично уезжать на отдых без него, и летом он мог неделями тусить с друзьями в пустой квартире. Обходилось без nepотребств.

Вследствие всего этого Тимофей вырос в уравновешенного, в меру спортивного молодого человека математического склада. Воистину — не мешайте ребенку и все будет хорошо. Универсальный логическим продолжением школы. Даже преподаватели многие были уже знакомы по открытым урокам и спецкурсам. Военкомата Тима не боялся. Студенческая вольница не стала для него взрывом — на свободу ему просто неоткуда было вырваться. Вынюхать дорогу и на бешеной скорости гонять по Кутузе? Виснуть в клубах или на модных концертах, где все равно ни черта не слышно? Неформально бухать под гитару? Что может быть скучнее? Тима все больше залипал в интернете — изучал нарождающийся виртуальный мир. А в качестве необходимого злачного увлечения выбрал бильярд, благо бильярдная поблизости была тоже с историей. Иной раз там проигрывали состояния. Но на деньги Тимофей не играл принципиально. Его привлекала физика процесса — точно направленный импульс дает красивый и закономерный результат. Здесь он тоже учился у мастеров.

Женился Тимофей ровненько после защиты диплома, на однокурснице, счастливо избежав всех связанных с этим деликатным делом проблем. Честно говоря, на личном фронте у большинства однокашников дела шли как-то не очень. Вырождение, знаете ли, свойственно верхним слоям общества. Ребята, которых окольцевали рано, быстро обрастали жирком и в свои двадцать пять уже походили на кастрированных котов. Что характерно, откровенные блядуны прожигали здоровье все-таки подольше. Бывший одноклассник Виталик, который по-прежнему ездил на метро, хотя и работал теперь не на складе у папы, а в офисе, превратился в настоящего параноика. Папа убедил его, что девушки хотят быть с ним исключительно ради его (папы) денег, а впрочем, и парни ищут его дружбы для того же. В результате Виталик сделался совершенно невыносим, и общаться с ним, точно, продолжали только те, кому уж очень были нужны деньги. Хуже всего пришлось отличнице Верочке. Каждый претендент на ее прелести обязан был предварительно пройти собеседование с папой, который к тому времени в своих силовых структурах успел подняться до полной безнаказанности. Собеседование проходило в добровольно-принудительном порядке. Что за экзамен устраивал жиденьким мажорам прошедший суровую школу жизни папа, мы не знаем, но конкурс на вакантное место зятя упал практически до нуля.

Тимофей оставался далек от этих крайностей. Невеста нашлась из хорошей семьи, чуть-чуть попроще, чем его собственная. Отношения, как он сам считал, сложились партнерские, без явного доминирования. На свадьбу родители вскладчину подарили молодым приличную квартиру, причем Тимофей сумел внести свой посильный и даже не столь уж символический вклад — работу он предусмотрительно начал искать еще на старших курсах, так было принято.

Тимофей еще в школе понял, что деньги — это цифра. А цифровой мир — в компьютере. То есть: компьютер — наиболее адекватный инструмент, чтобы делать деньги. Особой потребности

делать деньги у Тимофея не было, но он и не считал, что для этого нужна какая-то особая потребность. Делать деньги казалось таким же естественным, как дышать. Для первого своего работодателя, фармацевтической компании, он придумал любопытный способ повышения продаж. На внутреннем корпоративном сайте выводились данные об объеме продаж каждого менеджера в виде спидометра. Визуализировали, будто бы продавники участвуют в гонке Формулы-1. Это раззадоривало народ и даже как-то позитивно повлияло на рост компании. Во всяком случае владельцу понравилась такая геймификация рабочего процесса. Люди же не хотят просто работать — им нужно делать что-то великое. Или хотя бы прикольное. С этим проектом Тима и поднялся. Он понял, что подобную историю можно продавать другим корпорациям. Чем и занялся со своей бандой, как он в шутку называл компаньонов, таких же вчерашних студентов из обеспеченных семей. Через несколько лет к конторе стали приглядываться инвесторы — начался бум стартапов. На этой волне Тима и познакомился с Мишей.

— Весь этот IT-бизнес, конечно, величайшая разводка. Величайшая. Сколько стоит Фейсбук сейчас? Тридцать-сорок миллиардов долларов? И у них при этом нет прибыли! Они увеличивают расходы, убытки растут, а оценка идет вверх. Мало того, пока они не вышли на IPO, хрен купишь их акции.

Откровенный цинизм Миши, как ни странно, подкупал. О чем-то подобном думал и сам Тима.

— Ваш проект — очень крутой, — продолжал Миша. — Вы уловили суть. Продукт не так важен, технологии тоже не имеют значения. Вы просто смастерили сексуальный дизайн, и народ в это залипает. Превратили скучную деятельность по продажам во что-то увлекательное. Круто.

В этот момент Тима подумал, что вот оно. Кажется, будет сделка.

— Нет, твоя компания мне не нужна. Или, скажем так, не очень интересна, — отрезал Миша.

— Что же вам нужно?

— Давай на «ты».

— Тогда что тебе от меня нужно? И зачем позвал на встречу?

— Мне интересен ты сам. Ты уловил хорошую идею. И есть вероятность, что ты сможешь найти еще хорошие идеи. Короче, я хочу, чтобы ты возглавил мой инвестиционный фонд.

Такого разворота Тимофей не ожидал.

— А тебя не смущает мой возраст?... И я никогда не возглавлял... Не инвестировал...

— Меня — нет. Не смущает. Я сам рано начал. Вопрос в том: смущает ли это тебя?

— Нет.

— Тогда подумай пока.

Через месяц Миша позвонил сам. До этого Тимофей безуспешно пытался связаться, но секретарши его отфутболивали с безукоризненно вежливым хамством.

— Привет! Ко мне тут ребята обратились, возможно, будет интересная компания... Ты подумал над моим предложением?

— Да. И оно мне интересно, — затараторил Тима.

— Хорошо. Подъедешь завтра в обед ко мне в офис, пообщаемся, — прервал его Миша.

Первой конторой, над которой решили провести эксперимент, были латыши. Двое товарищей с повадками жуликов придумали выдавать микрокредиты по интернету. 100–500 евро на неделю, на месяц. Естественно, под безумные проценты. По поводу заключения инвестиционного договора была устроена пьянка.

— Знаешь же инвестиционный бизнес. После того как ты пожал руку партнера, оглянись вокруг себя: не ебет ли кто тебя, — пьяный латыш по имени Алекс объяснял свое видение рынка инвестиций заплетающимся языком.

Так Тимофей открыл для себя венчурный бизнес Восточной Европы. Собственно, вся стратегия инвестфонда состояла из двух частей. Ее Миша выдал скороговоркой:

— В Россию мы вкладываемся только в одном случае. Если есть коррупционная договоренность о сбыте. Например, уже по факту продали какой-нибудь госкормушке презентацию проекта, только тогда покупаем под этот самый проект команду. Даже обещаем какие-нибудь опционы или акции. А в Европе запариваемся нормальными стартапами.

По итогу хитрожопый Миша даже не вкладывался в инвестиционный фонд. Он капитализировал связи по новой теме «инновации». А уже эти бабки отмывал через европейские проекты. Создавая себе тем самым легальный запасной аэродром на Западе.

Мишины контрагенты разогревали проект, покупая через подставные конторы первые контракты, после чего взлетевший стартап продавался инвесторам ушастым.

С отечественными прожеками было еще проще. В самом начале Тима прибежал к Мише с инновационным софтом для оптимизации управления угольными шахтами. Ему показалось, что начальству будет приятно — команда из родных Мише мест, и вообще у самого были вроде какие-то шахты когда-то. Шеф отреагировал вопреки ожиданиям холодно:

— Что там? Связь для шахтеров? Ничего в этом не понимаю... Иди лучше... Сейчас я тебе телефончик дам. Погоди, предупрежу.

Миша набрал номер и сказал в трубку:

— Петя, там по одному проекту моему... Можешь помочь?... Надо посмотреть — проконсультировать. Отзовишься мне. Стоит оно того или не стоит.

После разговора Миша посидел пару секунд, подумал о чем-то:

— Хотя все это хуйня... Давай сюда свои бумажки. И это... У меня есть знакомый, мы на выходных с ним на охоту поедem. Короче, он возглавляет какой-то ебучий орган, который контролирует все эти шахты и не только шахты... Попробуем всунуть эту приبلуду. Но лучше подготовь мне прямо завтра все проекты, которые связаны с шахтами. Только очень короткое описание по каждому. Вот буквально два-три предложения — про что они.

В результате этого странного разговора и бессонной ночи, пока Тима выковыривал из почты презентации проектов и обзванивал всех знакомых, был запущен проект по онлайн-контролю и повышению безопасности добычи угля. Миша обеспечивал обязательность использования горняками программ. Капитализация зашкаливала. Приложение, сделанное за 300 тысяч рублей, продавалось по три миллиона долларов. Сколько составляли откаты, Тима не знал — Миша эти вопросы решал сам и строго следил, чтобы инвестфонд был белым и пушистым, часто приговаривая:

— Мы должны всегда иметь возможность показать, откуда взялся каждый цент!

По скромному мнению Тимофея, он перегибал палку. Но когда начали влезать в серьезные европейские проекты, Тима понял, что шеф был, как всегда, прав. Первое вложение уже имелось

в портфолио фонда — собственно, те самые латыши, которые выдавали по сто евро до зарплаты бедным жителям Восточной Европы. Ребята уже захватили Латвию, Литву и Грузию. Активно лезли в другие страны. Хитрые китайские товарищи приценивались и прищуривали глазки, поглядывая на проект, — хотели выкупить блокпакет, принадлежавший Мишиному фонду. Тот приказал торговаться до последнего:

— Первая сделка имеет большое значение. Если проект будет оценен в сотку евро, то это хорошо. Это большие деньги для Европы. Поэтому бейся за оценку проекта — сто миллионов евро. Не меньше.

Китайцы кивали, соглашались и не торопились подписывать сделку. Сжирая время Тимы на предварительной оценке проекта, для чего требовали бесконечное количество бумаг. А сделка была очень нужна Тимофею — уже три европейских инвестфонда отказались работать с ним, причем все за неделю до сделки. На каком-то инвестиционном сборище в Лондоне Тима не выдержал, напился и очень недипломатично доканывал джентльмена, в котором легко идентифицировал англика: европейцы, даже очень богатые, отличались легкой неряшливостью в своей одежде; наши научились заказывать костюмы у правильных портных и повязывать шарфики и галстуки, однако им не хватало какой-то свободы. Слишком скованно себя чувствовали, отчего пошитые на заказ итальянские костюмы смотрелись, как новенькая школьная форма. Собеседник же Тимофея, напротив, под пиджаком таскал откровенно мятую сорочку, в ухе серьга, обветренное лицо — явно потомок пиратов.

— Я не понимаю. Почему? Почему так тяжело с вами работать? Вы хотите купить. Я хочу продать. Продукт вы знаете. Цена справедливая. Что не так?! — практически кричал Тима.

— Вы слишком торопитесь, — меланхолично ответил прапраправнук пиратов. Он уже отчаялся сбежать от этого нудного русского. — Вы хотите продать сильнее, чем мы хотим купить.

Это была почти правда. На самом деле европейцы сами хотели что-нибудь продать еще сильнее, чем эти факанные русские, разжиревшие на своей нефти не хуже черножопых шейхов, но так и не научившиеся вести себя достойно. «Вы хотите купить себе лицо, а нам просто нужны деньги», — подумал англичанин.

Англика звали Боб и на самом деле он тоже искал деньги для своего проекта. Тот на старте казался многообещающим. Суть его сводилась к тому, что на входе в кафешках устанавливалась камера, а потом с помощью программы идентифицировалось лицо посетителя. Информация об этом выводилась на экран бармену и официантам. С такой программой можно было забыть о картах лояльности и создать дружественную атмосферу даже в крупном мегаполисе, — гласил рекламный проспект Боба. Не сообщал он только о том, что пока в проекте было плохо все: закончились бабки на старте, вести разработку было не на что. А программа с переменным успехом распознавала пять из десяти человек. Не идентифицировала лица, а просто определяла, что вот человек идет. По вечерам в конторе раздавалась писклявая английская ругань. Код писали индусы и все там было шиворот-навыворот. Проще говоря, ничего не работало. И все надо было

переписывать с нуля. Были надежды на дешевых, но гениальных разработчиков из России... Но парни дожевывали последнюю тысячу фунтов, сидя в Ирландии. А в Лондон Боб приехал натурально с соткой. И даже не очень понимал — как он отсюда выберется. Изначально путешествие планировалось как веселая авантюра — в духе предков. Попытки взять на бордаж соотечественников заканчивались провалом: их чуйка за столетия коммерческой деятельности приобрела совершенство английского газона. И вот, похоже, на пути ему действительно попался золотой галеон. То, что галеон оказался не испанским, а русским, ничего не меняло. И Боб двинулся в атаку.

— Что вы там продаете? Проект из Восточной Европы? И еще удивляетесь, что с вами не разговаривают всерьез? — доверительно говорил он этому русскому в пабе. — Вам нужно обозначить свое присутствие на британском инвестиционном рынке. Чтобы наши проекты были в вашем портфолио. Тогда вы станете своими. Знаешь, зачем держать в магазине сотню позиций? Чтобы продавать две-три самые ходовые.

Тима знал. Как раз что-то в этом роде ему рассказывали на лекциях по экономике. Не знал он только, что подобные совпадения есть звоночек вовсе не радостный, а тревожный: профессора-экономисты практическими продажами владели крайне слабо. Посиделки в пабе по итогу конвертировались в первые самостоятельные сделки Тимофея. В конце концов, европейский инвестиционный бюджет надо было осваивать.

Самое смешное, что проект Боба после небольшого косметического ремонта действительно удалось довольно быстро скинуть какой-то транснациональной компании. Как видно, прописка стартапа и впрямь имела значение. Китайцы между тем продолжали торговаться. А вот с англичанином как-то слишком быстро захотел познакомиться Миша.

Поинтересовался творческими планами потомка пирата, в ответ услышал что-то невнятное, и вдруг выдал:

— Предлагаю тебе должность вице-президента в нашем фонде.

Тима слегка опешил. Во-первых, хоть он и был в инвестфонде младшим партнером, по неформальным договоренностям кадровый вопрос оставался за ним. А во-вторых, это же он довел до ума проект Боба! Что-то без Тимофея у англичанина он не очень-то продавался. Но ничего этого Тима шефу не сказал. Лишенный улично-криминального опыта, он просто не знал, что возражать в случаях, когда вот так вот отъезжают от договоренностей, надо сразу — пока с тобой еще считаются.

— У Тимы нюх на таланты, — продолжал между тем нести околесицу Миша. — Я восхищен им, однако меня волнует документооборот и хочется, чтобы был человек, который больше времени уделял бы общению с западными юристами. К тому же английское право достаточно запутанное, хотелось бы, чтобы с адвокатами разговаривал человек на родном языке...

Тима про себя сделал отметку, что что-то идет не туда, но по здравому размышлению решил не придавать значения: сделка с китайцами покажет, кто есть ху. Он равнодушно отметил, как обустроивается Боб. И даже никак не отреагировал, что зарплату англичанину положили большую, чем его начальнику — собственно Тиме. Боб обзавелся огромной квартирой в двух шагах от Дома Правительства и длинноногой женой, с которой его также познакомил Миша. Теперь-то Тимофей хорошо понимал, что концовка этой истории очевидна — Тиму выдавили из фонда накануне сделки с китайцами, к которой он так долго шел. Он перепродал еще несколько неплохих стартапов, но дергаться было поздно. Об отставке его известил сам Миша:

— Ты не дорабатывал... И вообще был непонятно где... Фонд сейчас возглавит Боб... — Миша говорил отрывисто и при этом смотрел прямо в глаза.

— А как же моя доля в фонде? — как управляющему партнеру Тиме полагался небольшой пакет акций. Помимо этого они с Мишей обговорили бонусы по результатам продаж. Которые, как ни крути, были.

— Об этом я бы на твоём месте вообще молчал. Сейчас ребята изучают вопросы по русским сделкам. Там все явно указывает на воровство в проектах. И я тебя, собственно, позвал ради одного вопроса: ты был в доле?

— Боже упаси, нет...

— Глупость или ошибка. Это мои деньги, которые были украдены. Возможно, это твоя некомпетентность. Меня сразу смутил твой возраст, но ты был так уверен в себе и убедителен.

Тимофею вдруг показалось, что у него съехала крыша и начались слуховые галлюцинации. На старте возраст смущал как раз самого Тиму, а вот Миша видел в этом явное преимущество. И о каком воровстве вообще могла идти речь, если коррупционную часть сделок шеф вел лично?! Да заведи только Тимофей речь об откатах, Мише доложили бы мгновенно. Вы, мол, определитесь там у себя, кто и кому платит. От такой явной и, самое главное, абсурдной несправедливости слова застряли в горле.

— Я хотел бы вернуться к обсуждению моей доли, — вяло пробормотал Тимофей.

— У меня есть простое предложение. Мы можем обсуждать долю. Не вопрос. Но тогда мне придется инициировать уголовное дело по фактам воровства. И если ниточки приведут к тебе, то ты сядешь. По статье «Мошенничество в особо крупном размере». Посидишь лет пять. Поэтому иди подумай — оно тебе надо?

Пока Тима думал, выяснилось еще две вещи. Фонд, доля в котором была у Тимы, превратили в пустышку. Если оставить юридическую схему, то у Тимы теперь была доля от нуля. А во-вторых,

Миша перестал брать трубку. Его помощница вежливо объясняла, что Михаил Сергеевич занят. Через несколько недель до Тимофея дошло: его нагло и цинично кинули. При этом пригрозили, что если он будет ерепениться, то его так же цинично посадят. Самое удивительное, что Тима даже находил оправдания действиям Миши. Для западных сделок фонду действительно требовался западный же президент. Наверняка в русских историях было какое-то воровство. За всем не уследишь.

Больше всего он переживал из-за жены. Несмотря на то что денег, в общем-то, должно было хватить достаточно надолго, она вдруг сделалась им постоянно недовольна — ее на самом деле бесило, что муж неделями валяется на диване. Раньше она плакалась, что он много работает. Опытным путем выяснилось, что совместное времяпрепровождение злит ее еще сильнее. Через пять лет совместной жизни оказалось, что они совсем не знают друг друга.

Из анабиоза вывел звонок Петра Алексеевича:

— Тима, я тут интересный проект увидел. Мне кажется, что тебе стоит обратить внимание.

— Петр Алексеевич, я теперь не работаю в фонде...

— Жаль. А почему?

— Михаил посчитал, что было слишком много ошибок в сделках по России... Возможно, даже коррупция, — Тима натурально блеял в телефон.

— Так, я знаю тебя, я знаю парней, с которыми ты работал. Если что-то и было, то это допустимые потери. Ладно. Приезжай ко мне — разберемся.

Разговор с Петром Алексеевичем произвел на Тимофея странное впечатление. Тот явно что-то недоговаривал. Но в то же время за формальными фразами слышалось понимание и даже личное участие. Как будто ситуация, в которую попал Тима, была знакома Петру Алексеевичу по собственному опыту. Хотя Тимофей никогда не слышал, чтобы между шефом и его же правой рукой были бы какие-то проблемы.

— Жаль, конечно, что так получилось, — говорил Петр Алексеевич. — Но так бывает. Ты парень толковый, попробуй выбраться сам. Но если поймешь, что все, позвони мне. Я дам контакты. Есть один человек... странный. Но если уж совсем пиздец, то это к нему. Главное, если решишь обратиться, будь с ним искренен.

— И что, поможет? — тупо и даже как-то хамовато спросил Тимофей.

— Не факт, — серьезно ответил Петр Алексеевич. — Но если все равно пиздец, то какая разница?

Тимофей вывалился на улицу, как пустая коробка. Недостроенные башни Москва-Сити торчали на горизонте, как сколотые зубы. Московская слякоть прикрывалась снежком. На Тимофея неотвратимо накатывал суетливый и бестолковый Новый год.

13. Лузер

У взрослых Новый год всегда наступает ни к селу ни к городу, а тут хоть удавись. Тимофей обычно заранее сваливал из столицы вместе с женой. Как-то даже уехали вообще в Австралию, взяли там машину покататься и поскучать. Однако сейчас заграничная поездка была бы непростительным транжирством, так что решили остаться в столице. Тимофей с удивлением узнал от супруги, что некоторые однокашники и друзья тоже решили провести праздник в Москве. Вроде как по-домашнему. «Вот и хорошо, — подумал он. — А то и правда сто лет не виделись».

В целях улучшения отношений и в порядке компенсации за срыв заграничной поездки потащились с женой во «Времена года». В отличие от большинства мужчин, Тима вовсе не питал отвращения к шопингу.

Старый однокашник Володька позвал к себе — приехал на каникулы из Лондона. Друга еще в двенадцать лет родители выпнули в тамошнюю частную школу, где ему так понравилось, что Володька и перевалив за тридцать продолжал учиться. Он успел объездить всю Европу, отучиться в разных универсах и перепробовать всевозможные факультеты. Начинать то ли как будущий химик, то ли как математик. А сейчас должен стать магистром истории — уже снова в Лондоне. Папа вечно бубнил о непутевости сына — мечтал вырастить наследника, а получился оболтус. Вечный студент никакого интереса к бизнесу не проявлял. Идея постоянной ебли нерадивых подчиненных его не привлекала. Ему даже казалось смешным, что батя всерьез думает загрузить его такой задачей.

Теперь Тима бродил по торговому центру и пытался сообразить, что же подарить другу. Часы, бумажник? Пошлятина. Тима с женой с ужасом рассматривали страшенькую ручку за четыреста восемьдесят девять тысяч. Вроде как золотая.

— Если Володьке такое преподнести, так еще и обидится... У них сейчас лакшери не модно, все пластиковое, — комментировал Тимофей, возвращая девочке-продавцу чудо дизайнерского искусства. Девочка брезгливо приняла ручку и стала протирать ее бархатной салфеточкой так неистово, словно руки Тимофея были грязнее, чем у шофера-дальнобойщика. В итоге решили купить просто хорошего вина. Лысый сомелье в очочках, напоминавший лакея-вампира из доисторических ужасиков, обрадовался Тимофею, как родному. Долго пытался всучить бутылку какой-то бурдомаги за 500 евро, но Тимофей был тертый калач и затарился вполне приличным кьянти и недурной баролкой примерно по тридцатке. Сомелье посмотрел уважительно.

Тимофей бродил по «Временам года» и вспоминал Европу, в которую не поехал. Странно. И там, и здесь тебе улыбаются. В каком-нибудь центровом Harrods или Selfridges можно купить не меньшую херню за большие деньги. Да и вообще заграничные моллы по сравнению с московскими смотрелись слегка обшарпанно. И толкотни здесь меньше (откровенно говоря, главным достоинством «Времен года» было почти полное отсутствие людей, что до некоторой степени создавало атмосферу тихой новогодней сказки). И все же было во всем этом что-то унижительное. Каждая продавщица, каждый охранник, даже этот ебучий сомелье, который ведь и правда неплохо разбирается в вине, — смотрели оценивающе и норовили тебя сосчитать, чего Тимофей никогда не встречал за границей. Кеды Fendi за 800 евро — ок, сойдет: демократично, особенно зимой, — значит, пешком не бегаешь; пальто индпошив — н-ну не знаю, это смотря у кого шьемся, сейчас и лохи не ниже двушки берут; часы Patek Philippe — о-о! позор!.. приличные люди это давно не носят!.. Купишь дешевое — нищеврод, купишь дорогое — лох. Хотя никто из халдеев и близко не мог себе позволить ничего подобного. Вроде бы и плевать на них, а нет, не плевать. На каждого плевать — слюны не напасешься. А высшей формой благородного искусства хамства, позволяющей вовсе не замечать их, Тима так и не овладел. Раньше он рассматривал это как тренинг. Теперь это бесило.

На праздник опоздали — все уже собрались. Володька выкатился маленьким волосатым шариком:

— Приехали! Рад! Так здорово! Давай скорее к нам!..

Ухватил позвякивающие пакеты и утащил на кухню, одновременно (я не шучу) увлекая Тимофея в зал. Больше он в тот вечер Володьку не видел.

В зале полукругом стояли диваны, на которых теснилась уже куча народу, а возле камина царицей расположилась Сашенька. Кальянную соску она передавала, как ведущий на телешоу передает микрофон, с той лишь разницей, что удостоенный этой чести не начинал нести всякую ахинею, а наоборот, затыкался и старательно пускал дым. Играли в мафию. Тимофей все пытался рассмотреть Сашеньку. Мешала идиотская необходимость постоянно то закрывать, то открывать глаза. В школе Сашенька считалась охуительно красивой девочкой. Возможно, так оно и было. Прошло шестнадцать лет, что-то поистерлось, что-то поистрепалось, но Сашенька наловчилась ставить себя королевой бала чисто по привычке. Ее сильно портила неестественная худоба на почве фитнеса и здорового питания.

Как раз завершился очередной раунд, и Тимофей тут же попал под раздачу: выпало быть медсестрой, что необычайно развеселило Сашеньку. Открыв в очередной раз глаза, Тима обнаружил, что жены рядом нет. С трудом дотянув до конца раунда, поперся искать. Бабское чирикание доносилось из кухни, служившей курилкой (несмотря на тотальную победу здорового образа жизни, дамы поголовно курили слимз):

— ... Я на примере своего бывшего мужа убедилась: русские мужчины — это полные ничтожества. Я ему прямо так и говорила: ты посмотри на себя в зеркало. Ты же полное ничтожество. Ты даже на человека не похож!

Тимофей так и замер в коридоре с незажженной сигаретой в зубах. Редкий мужчина устоит от соблазна подслушать бабские разговоры. Это, надо полагать, Марго, наша фам фаталь...

— Вы развелись с Димой? — раздалось ответное пищанье. Тимофею казалось, он физически слышит хлопанье ресниц. Дима был молодым предпринимателем с простыми родителями. Его папа с мамой торговали на рынке в девяностых и постарались сделать все, чтобы сын попал в хорошую школу, а потом в не менее хороший универ, из которого он благополучно вылетел, потому что начал заниматься бизнесом. Бизнес рос, и тут-то его и захомутала Марго на какой-то студенческой вечеринке. Видимо, сделка оказалась неудачной для обеих сторон.

— Ага, развелись, — пыхала дымом Марго. — Дважды. У него денег не было на развод. Только представь себе! Вот только представь. Он сходил в какой-то свой дурацкий поход со своими друзьями-нищобродами, а я, между прочим, запрещала ему с ними общаться. Просто запретила некоторым друзьям появляться на пороге нашего дома. А они набрались наглости еще спросить — почему? Нет, ты вот только представь. Эти нищоброды еще посмели у меня спросить — почему? А я им честно ответила: потому что вы бедные и портите мне мужа!

— Ты сразу после свадьбы запретила им общаться?

Тимофей даже не сразу узнал голос жены, включившей мягкающие бабские интонации. На него точно водой плеснули «Ого! — подумал он. — А это ведь моя интересуется. Записывает, что ли?..»

— К сожалению, нет, — продолжала лекцию Маргоша. — Я тогда еще не понимала, что они портят Диму. Но потом у него начались проблемы по бизнесу, и я пошла к психотерапевту. И она мне все объяснила. Что бедные люди притягивают бедность. Это же очевидно! Из-за этого общения Дима и стал терять деньги. Тебе-то это должно быть понятно, — не удержалась она от шпильки в конце.

Тимофей, у которого отродясь не было бедных друзей (как, впрочем, и особенно богатых), почувствовал острое желание чем-нибудь запустить в эту кошачью кучу. В голосе жены меж тем уже слышались просительно-побитые нотки:

— Так ты начала говорить про поход...

— Вообще меня сильно возмущало, что он многое делал тайком. Представляешь? Это так унижительно! Он меня совершенно не уважал! Я ему запретила курить. Сказала: хочешь покурить — возьми вейп. Вейп я же ему не запретила. А он, представляешь, курил от меня тайком. И я это когда заметила и устроила скандал, ну потому что ну никакого уважения, он сорвался и ушел в

поход! И отключил телефон. Оставил меня с малышками и ушел. Ну как это воспринимать? А потом вернулся и заявил, что без меня почувствовал себя мужчиной и человеком! Без меня. Да кто он такой без меня?

— И как же ты дальше?

— А дальше я поняла, что это даже хорошо. Честно говоря, я это почувствовала еще когда он в поход ушел. Так было хорошо и свободно. Утром просыпаешься, а его нет. И на следующее утро нет. Мне было даже неприятно, когда он вернулся. Ну, я ему и объявила, что если он хочет уйти, то нужно уходить прямо сейчас. А он отвечает, что ему некуда уходить. Тогда я ему просто сказала: я дам тебе денег. И натурально заняла у мамы, просто чтобы он уехал как можно скорее.

— А он тебе все оставил? И машины, и квартиры?

— Конечно. Но это же мое. Это даже не обсуждается, я и так пожалела этого урода с алиментами.

— И зря, Рита! Зря! Я своего жалеть не собираюсь, — в разговор вклинилась Наташа. Она была внучкой чекистского генерала и сразу после универа вышла замуж за испанского бизнесмена. — Между прочим, мой Хуан такое же ничтожество, что и твой Дима... Представляешь, он меня бил!.. Мы с ним дрались. Он однажды поставил мне фингал под глаз... А я, представляешь, его — замороженными пельменями!.. Пакет схватила из морозилки!..

Тима понял, что не в состоянии выслушивать очередную историю развода с ничтожным тираном, и с сигаретой наперевес нарочито шумно вломился на кухню.

— Дорогая, может, выпьем вина? — он хотел было увлечь жену за плечи, но почувствовал, что та незаметно, но неотвратимо выкарябывается, словно кошка, которую изловили, прижали и гладят.

Подруги, безошибочно оценив ситуацию, тут же пришли на помощь:

— Ты его здесь купил? — Марго с видом знатока рассматривала бутылку, причем зачем-то — на свет.

— Да.

— Не уверена, что здесь стоит покупать вино. Ты же должен знать: вино теряет свои качества...

— Когда я жила с Хуаном и приезжала в Россию, то принципиально не пила здесь вина, — внесла свои пять копеек Наташа.

Тимофей отпустил жену и валенком вывалился в коридор, где причинным местом налетел на чью-то жопу — кто-то копался в куче обуви, собираясь выйти в подъезд.

— Девочки, вы не представляете, как стало легче организму, когда мы в семье отказались от мяса!
— неслось вслед.

— Ептыть, — охнул пострадавший от Тиминого маневра человек и разогнулся. — Тимыч?!

— Стас? А ты как здесь? Ты ж, говорят, из окна вышел по накурке, — Тимофей уже утратил всякую дипломатичность.

— Да там невысоко было, — раскосил лыбу одноклассник, считавшийся в элитной школе хулиганом. — Пойдем, кстати, покурим. Да не ссы, здесь тоже невысоко.

Они вышли на широкий балкон в подъезде.

— Жаль, крыша закрыта — ебаный терроризм... — пробормотал Стас, умело облизывая скрученную к концу папиросу. При этом он здорово напоминал дикого кота, которому на крыше как раз самое место. Зажав папиросу в кулаке, между средним и безымянным пальцами, шумно затаился. Не выдыхая, передал косяк Тимофею и замер, ожидая, когда дойдет. С полминуты они стояли без дыхания. Тихо падали нереально точные снежинки.

— После того раза, — начал Стас, выдыхая, — ну, когда я по воздуху гулял, батя мне и говорит: или идешь в закрытую школу... ну, есть у них там в Бритосии такие, чуть ли не с розгами, или на хуй в российскую армию. Лично, говорит, на холодильник сдам.

— А ты?

— А я говорю: конечно, в армию. Насмотрелся я этих англичков. Ну и пошел. Сам.

— И как?

— Пиздили. Прикинь, до того хуярили, что вот прилетает тебе черенком от лопаты по еблу, а кажется — он мягкий. Кирзачами — так это вообще отдых.

— А потом?

— Да нормально. Дембельнулся, у бати денег занял, тот рад был до усрачки, начал потихоньку двигаться... Недвигу двигать, — хохотнул Стас; видно было, что его забрало.

Тимофей почувствовал, что у него мерзнут зубы. Трава была настоящая.

— Слушай, а где ты такой гаш в Москве добыл?

— Да очень просто. В даркнете.

— Я слышал, но никогда не пользовался.

— Там есть все. От хакеров, финансистов до наркодилеров. Закидываешь биткоины и тебе говорят, где закладка.

«Вот так, — Тима словно видел свои мысли со стороны. — Вот так все решается. Всегда есть даркнет. Там есть все, чего нельзя здесь. Главное — как туда зайти». Здесь и сейчас это казалось очевидным — как зайти: вот оно, ты уже там. И Тимофей мучительно пытался запомнить дорогу, удержать в сознании печать, открывающую эту дверь. Но это было так же невозможно, как запомнить рисунок снежинки, которая только что растаяла в облачке теплого дыма. Тимофей как-то быстро устал от этого — и расслабился. Он почувствовал, что вся эта ебань не может его сейчас догнать... И Новый год удастся...

... Тимофей прошел все стадии, которые обычно проходит человек, убеждаясь в собственном бессилии. Поначалу он пытался жить и действовать так, как будто ничего не произошло. У него просто отпуск. Есть возможность отдохнуть, а отдохнув — возвращаться к привычным делам. Отдохнуть, однако, не дала жена, а бессмысленность шатаний по инвесторским тусовкам в связи с объективной нехваткой личных ресурсов во всех смыслах этого слова он быстро осознал и сам. В общем-то, ничего такого уж страшного в этом не было — Тимофей и до истории с фондом жил неплохо. Ну, не тянет он пока игру на инвестиционном рынке — ок! Займемся снова разработкой. Тем более мы теперь знаем, как принимаются решения на другой стороне, да и связи кое-какие остались.

Тимофей попытался вновь собрать свою банду, и оказалось, что того, чего он больше всего боялся, как раз и не произошло: ребята из основных не успели далеко разбежаться и высоко подняться и выразили готовность так или иначе продолжать. Остались и кое-какие наработки, до которых в

свое время просто не дошли руки. Тимофей засучил рукава. Он снова стал пропадать на работе. Отношения с женой от этого, правда, почему-то не улучшились, но, по крайней мере, они стали видаться реже. Он внедрил несколько маркетинговых и управленческих решений, которые подсмотрел у Миши. Задействовал связи. Привлек специалистов высочайшего класса за сущие копейки. Для бодрости духа посетил несколько бутиковых тренингов. И машинка завертелась. Разработчики писали коды, дизайнеры отрисовали шикарный сайт, маркетологи объявили, что с такой контактной базой они просто обречены на успех, и двинулись в атаку.

Ключевые встречи Тимофей всегда проводил сам. И не было никого, кто бы плохо отозвался о его продукте. Наоборот, халявные деньги в стране постепенно заканчивались, и люди стали понимать, что оптимизация — не просто модное слово, а насущная необходимость. Так ему говорили. Но никто ничего не покупал. Поначалу он счел это нормальным. Как-никак воронка продаж только формируется. Потом начал по всем отказникам проводить детальный разбор полетов и работу над ошибками — пытался разобраться, в чем причина отказа. Было опробовано несколько передовых стратегий — с нулевым результатом. Клиенты с редким единодушием хвалили продукт. Всех, по большому счету, устраивала цена. Потребность давно назрела. Многие были готовы купить хоть завтра, но вот сегодня — никто. Потом завтра превращалось в сегодня и ситуация повторялась.

При этом бизнес, естественно, жрал деньги. Несмотря на то что Тимофей давно научился экономить там, где раньше и помыслить не мог, мелкие суммы ручейками стекались в бездонные лужицы и неостановимые потоки, которые и уносили куда-то на хрен деньги, заработанные Тимофеем за всю жизнь. Через полгода он взвыл и прибежал к Петру Алексеевичу, наплевав на все, прямо в Мишин офис. Исповедь была длинной. Вопрос — коротким:

— Что не так?!

Петр Алексеевич протер очки, чуть склонил лобастую голову вперед и только вздохнул:

— Знаешь любимый анекдот Никулина? Из пункта А в пункт Б одновременно по одним и тем же рельсам вышли два поезда. И не встретились. Почему? — Не судьба.

Грустная, но, признаем, мудрая ирония Петра Алексеевича произвела гальваническое действие. Тимофей повыгонял на хер консультантов и продажников. Сменил команду разработчиков. Причем ничего никому не заплатил, чего раньше с ним не случалось. И с горсткой самых старых и проверенных друзей двинулся в последнюю атаку. И они провели-таки сделку. Их софт приобрел для своего нового офиса один из банков. Не из первых, но и не из последних. Это была первая и единственная сделка за год беспросветной пахоты и самоубийственных затрат. Теперь предстоял мучительный процесс внедрения, выбивания очередных платежей, обслуживания... Все это — в нагрузку к вымотавшим душу своей безрезультатностью продажам. Он как будто пробежал марафон, а в конце вместо приза его ждал рюкзак кирпичей, с которым надо бежать дальше. Чтобы бизнес начал хоть как-то окупаться, таких рюкзаков необходимо было тащить не менее десятка. Дешевле не работать.

Тимофей осознал и весь как-то отек. Руки-ноги сделались ватными. Он вернулся домой и лег на диван. И пролежал так неделю, не отвечая на звонки. Вставал только в туалет и попить воды из-под крана. Жена была на отдыхе в Испании, куда ее отправили родители. Проснувшись, как от ведра холодной воды, он подскочил на диване и начал считать оставшиеся деньги. Выходило, что, если все похоронить как есть, остается еще сумма, на которую они с женой могут прожить около года примерно, как привыкли. Если продать машину, то и все два. Свою она наверняка продавать не захочет... За это время можно, в принципе, найти более-менее адекватную работу... Хотя — такой перерыв в стаже... На телефоне замигал активный звонок, и он машинально чиркнул пальцем — ответить. Звонил айтишник, которого Тима с месяц назад просил проверить телефон жены. Что-то в последнее время она зачастила по курортам и корпоративам.

— Ну, в общем, порадовать нечем. Прими ссылочку.

Тимофей листал любовную переписку своей жены с интересом и даже некоторым возбуждением. Супруга оказалась зарегистрирована на всех основных международных сайтах знакомств. В Испанию, оказывается, она летела целенаправленно вот к этому пузатенькому весельчаку... как его?.. а, по фигу, пусть тоже будет Хуан... А в Черногорию, значит, это он к ней прилетал... И родители, похоже, в курсе, по крайней мере, мама. Занятно. То есть все это время, когда он, приходя домой за полночь, рассказывал ей, она сочувствовала, давала советы, даже какие-то контакты... Чтобы осмыслить все это, нужно было оторваться от чтения, а вот оторваться-то Тима и не мог. Перечитывал снова и снова, по кругу. Он как будто падал в бездну и не хотел, чтобы это кончилось...

Утром он позвонил Петру Алексеевичу и сказал, что все. Тот реагировал странно:

— Вот и хорошо, что ты позвонил! Съездишь вместо меня на свадьбу. Подарок передашь. Заодно и развеешься.

14. Разведка

Савелий давно привык: вот приходит к нему невнятный человек и требует странного. Работа такая у частного детектива. Но этот Тимофей так просто побил все рекорды. Взять в разработку министра и посмотреть, чего бы такого можно было бы над этим министром издать. Всего-навсего. А что ищем-то? А черт его знает. Ну, что-то такое, чтоб его за это отовсюду выгнали, привлекли к суду и желательнo повесили. Потому что министр оказался подлецом и пидором, слова своего не держит и нет прощения такому человеку. Да и министр-то номинальный, без портфеля. Угу-м... Ну а все-таки? Что это может быть? Хотя бы теоретически? Очертим хоть как-то поле для поиска. Ты ж с ним работал. Ну, вывод бабла — понятно, этим не удивишь. Тем более формально к бизнесу отношения не имеет наверняка — это свято. А если что и есть по недосмотру, так чекисты лучше нас знают. Была там какая-то история с энергетикой. Уже теплее, надо разбираться. В противоестественных пристрастиях не замечен? К мальчикам или к оппозиции? А с бабами как? Ебет в самолете? А не выкидывает потом без парашюта? А то был тут один арабский шейх — так развлекался...

На самом деле все эти вопросы Савелий задавал чисто для проформы. Даже если бы удалось добыть какой-либо совершенно убойный компромат на Мишу, чтобы запустить этот компромат в работу, необходимо было еще, чтобы Миша крепко поссорился с каким-нибудь Игорь Иванычем, занимающим более высокое положение в пищевой цепочке. Или грубо нарушил негласные правила системы. А Миша, как и любой нормальный хищник, предпочитает питаться зверушками сильно меньше себя, вот как этот Тимофей, к примеру. А более крупным умеет не подставляться. И правила не просто знает (они ж постоянно меняются), а интуитивно чувствует. Иначе никогда не достиг бы своего положения. Значит, нужно организовать хоть по возможности наблюдение за этим Мишей и ждать, пока он не допустит ошибку или пока у заказчика не закончатся деньги. Савелий просто обожал Ходжу Насреддина. Причем совершенно не считал его жуликом. Весь оперативный опыт Саввы показывал: победу в любой войне обеспечивает чудо.

Вот, например, несколько лет назад требовалось приземлить одного околосударственного бизнесмена. Прошла информация, что коммерс только что закупил кокаина. И едет буквально от дилера, рассчитывая на приятный вечер. Операция была продумана до мелочей. Менты остановили клиента и устроили проверку. Однако сразу найти ничего не удалось. В итоге машину отвезли в мусарню, где натурально разобрали на запчасти. И ничего не нашли. А потом товарищ влюбился в молодую оппозиционерку-революционерку — со всеми вытекающими из данного акта последствиями. А именно: отношение системы к сбившемуся с дороги члену изменилось на противоположное. И из игрока он в одночасье превратился в добычу. Осталось только указать братьям-чекистам на все его офшорные компании. Пираньи в голодный год возились бы дольше.

Ну, чудеса — это по части Колдуна, а его, Савелия, задача — оперативное обеспечение этих самых чудес. Организовать наблюдение за министром, конечно, дело непростое, но, в общем, реальное. Тут самое главное — находиться в другом измерении и не засветиться на той поляне, где объект заведомо сильнее. Вот, скажем, всем известно: каждый государственный человек находится под прицелом спецслужб. В конторе всегда имеется папочка, которую заботливо пополняют и берегут до поры до времени — мало ли, вдруг да пригодится. При этом конторские склонны, конечно же, помаленьку приторговывать сведениями, относящимися к гостайне. Казалось бы, чего проще — выкупить эти данные, были бы связи в конторе не ниже генерала. У Савелия такие связи имелись. Но вот пользоваться ими в данном случае категорически не следовало — он прямо жопой чуял.

Потому что, во-первых, существует такое понятие, как госзащита. И негласно под этой госзащитой находится довольно много людей, которые даже к государственной службе-то не всегда имеют прямое отношение. Это могут быть какие-нибудь родственники правильных товарищей, сотрудники некоторых вроде бы частных, но связанных с владельцами высоких кабинетов компаний. Трогать их себе дороже. Даже если просто поинтересуешься о каком-нибудь Васе, который вдруг окажется под госзащитой, то может тебе бумерангом такая ответка прилететь, что костей потом не соберешь. Чего уж говорить о министре, пусть даже и без портфеля. По той же причине отпадают всякие наружки-прослушки — срисуют мгновенно.

К тому же сами государевы людишки всегда стараются дружить с теми, кто по долгу службы собирает на них компромат. Чтобы те при случае предупредили об обострении нездорового интереса к опекаемой персоне. Сумеешь выкрутиться — твое счастье. Так один, как раз министр, кстати говоря, в свое время спалился — жена-курица оплатила покупку машины карточкой, которой пользоваться в России ну никак не следовало. Ниточки от той карточки вели к секретному счету, где хранилось около ярда зеленых рублей на черный день. И чекисты ту цепочку мигом размотали. Но нашелся в конторе добрый человек — шепнул министру словечко. Тот все дела бросил и бегом к шефу: так, мол, и так, мы тут небольшую сумму собрали, хотим пожертвовать на благое дело, да только не знаем, куда перечислить. Повезло — успел раньше опричников. А миллиард — это всего лишь миллиард, дело житейское, еще заработаем. Хотя все равно обидно. С жены, понятно, спроса нет, а вот будь на ее месте сторонний человек, министр бы его запомнил, это уж без сомнения.

Что остается? Остается старое доброе агентурное внедрение и хакинг. С хакингом понятно — неповоротливая государственная машина за развитием информационных технологий не успевает по определению. Здесь снаряд всегда мощнее брони, и установить, откуда тот снаряд прилетел, довольно проблематично. Неудобство в том, что государевы люди часто принадлежат к тому поколению, что и компьютер-то включать толком не умеет, но Миша — дело другое: инвестфонд, IT-стартапы... Савелий ухмыльнулся: дело знакомое, мы и международные корпорации взламывали. А тут еще повезло относительно недорого арендовать небольшой офис в том же здании, где расположилось московское подразделение Мишиного фонда. И теперь два высоколобых отроду не мывшихся балбеса и днем и ночью ковыряли тамошний вайфай. Пока, правда, без особого успеха, но кто его знает, когда клюнет?

С агентурным внедрением оказалось сложнее. Хотя агент у Саввы был — не агент, а обыкновенное чудо. Двадцатитрехлетнюю блондинку звали Маша, но Савва за оперативные успехи окрестил ее Маша Хари, в честь знаменитой шпионки. Девушка приехала в Питер за образованием из какой-то сибирской глуши, куда она совершенно не собиралась возвращаться. Перед тем как попасть в детективное агентство к Савве, Маша успела несколько раз промахнуться: поработать внутри какого-то невнятного стартапа и параллельно получить такое же невнятное экономическое образование. Денег не давало ни первое, ни второе. И вот тогда она пошла по объявлениям. Первое же из них привело в бордель. Сейчас бордели как-то стесняются публично говорить о своей деятельности, поэтому в объявлениях обычно пишут: «В клуб требуется администратор». Клуб оказался переделанной питерской коммуналкой на четвертом этаже. Машу встретила девица неопределенного возраста с синими кругами под глазами и прокуренным голосом принялась объяснять:

— Так, смотри. У нас тут камеры у парадной — как клиент подъедет, ты на него смотришь...

Маша уже оценила обстановку и думала, как бы деликатно свинтить. Спустя еще десять минут рассказа о прелестях работы администратором борделя она уже думала, как сбежать, не соблюдая приличий. Попросилась в туалет, а сама шмыгнула к выходу. Не мешкая схватила туфельки (почему-то в борделе было принято снимать обувь на входе) и поскакала босиком из нехорошей квартиры.

Следующее собеседование было уже в детективном агентстве. После сифилитичной мамочки Савва казался очень безопасным, добрым и даже немножечко смешным. К тому же вначале предполагалось, что Маша будет просто встречать гостей, которые шли сюда уж точно не с целью потрахаться, и отвечать на телефонные звонки, тоже вполне невинные. В кои-то веки Савве действительно требовалась секретарша, причем даже не обязательно секретутка. Савелий, конечно, облизывался, как жирный кот, тем более что Маша питала некоторую слабость к мини-юбкам и любила в таком виде посидеть на подоконнике и помечтать, но прямых поползновений отчего-то не совершал — как чувствовал: девочка здесь не за этим. Первое детективное задание нарисовалось только через полгода. Просто некому было поручить, да и дело несложное.

— Тебе надо обзвонить вот эти телефоны и спрашивать Виктора Ивановича... Только ты должна представляться сотрудницей передачи «Жди меня».

— А почему «Жди меня»?

— Это хорошая передача и народ ее почему-то любит. Будешь объяснять, что Виктора Ивановича ищет друг юности.

— А если спросят, как его зовут?

— Ну, ты же глупая сотрудница передачи, сыграй блондинку: ты первый день работаешь... Не знаю там, это твоя универовская практика. Сочини чего-нибудь.

Маше сочинять нравилось с детства. И она с легкостью необычайной уболтала друзей Виктора Ивановича устроить товарищу сюрприз. Они должны были привести его на встречу. Только на встрече персонажа ждал не друг армейской юности, а Савва с деловым предложением, от которого нельзя было отказаться. Этого Виктора Ивановича оперативники вылавливали несколько месяцев, а Маша все отработала за пару дней.

Савва оценил природный талант к вранью и то, как легко девочка играла глупышку. Теперь она перевоплощалась по три раза на дню — то в гламурную кису, с которой охотно дружили жены объектов, то в практикантку с телевидения, а то и в инженера-строителя. А однажды три месяца трудилась в качестве начальника отдела разработки в одной айтишной лавке. Самое удивительное, что эта роль ей удалась лучше всего. Под ее началом отдел разработки сдал проект раньше дедлайна, а программисты слушались только ее.

И самое удивительное, что у девочки не было головокружения от успехов. Она по-прежнему относилась к Савве лучше, чем к родному отцу. Была искренне благодарна за спасение от борделя.

И вот такой бриллиант Савва решил положить перед носом Миши. Для того чтобы устроить Машу Хари в министерство, потребовалась некоторая доля волшебства. И вовсе не потому, что каждого соискателя проверяет ФСО или что-то в этом роде. Просто места все заняты. И заняты не самыми простыми девочками. Вот у какого-нибудь уважаемого мужчины дочурка решит взбрыкнуть, проявить самостоятельность и поработать. Ладно, когда она какой-нибудь недобизнес открывает. Это самое легкое — дай ей денег, и появится в мире еще один никому не нужный бренд одежды или спа-салон. А вот если рвется карьеру делать? Ну, нет у нее идей для бизнеса. Это уже головная боль: как бы мой цветочек не того... Не для того растили (а для чего, спрашивается?). Поэтому отдельно котировались чиновники-геи. К ним можно было безбоязненно отправлять на работу свое дитя. Он ее не развратит, не поставит в неловкое положение. Короче говоря, никто так не любит пидорасов, как чиновник с непокорной дочкой. Но министров-геев на всех не хватает. Правительство у нас недоукомплектовано пидорами в хорошем смысле слова. Опять-таки не у всех дочки. У кого-то сын-оболтус — его, соответственно, необходимо устроить помощником к гетеросексуальному дяде. Короче говоря, все вкусные места заняты.

Савелий обозлился, позвонил Колдуну и пожаловался на жизнь. Попросил поддержки с воздуха или из-под земли, или откуда там. И Колдун явно что-то такое намутил, по крайней мере Савелия два дня тошнило и потряхивало, как с похмелья. А потом на него снизошло озарение: подложить под нынешнюю секретутку Миши агента. Тот в кратчайшие сроки закрутил с ней бурный роман, в ходе которого и увез внезапно в Таиланд. Потом пришлось напрячь одного бывшего клиента, чтобы Машу взяли. И ее таки-да — взяли! Но чудо получилось каким-то бесполезным, как будто Колдун вместо того, чтобы обрушить на противника громы-молнии, превратил в вино баланду из полевой кухни.

Оказалось, что в своем министерстве Миша натурально валяет ваньку: отсиживает приличествующее количество часов и произносит верноподданнические речи про открытость и инновации. При полном отсутствии реальных дел, а главное — сексуального интереса к Маше. Как видно, хватает приключений в самолете, приглашения в который Маша, судя по всему, не дождется. А хоть бы и дождалась, уже и так ясно: женщин хитрожопый Миша использует исключительно по прямому назначению. На выходе имеем график официальных встреч и взломанный гостевой вайфай. Это — три месяца напряженной работы и потраченные миллионы рублей.

В принципе, ничего не потеряно: можно продолжать, рано или поздно что-нибудь да выплывет. Но тут в поведении Тимофея обозначилась хорошо знакомая Савелию смесь грусти и нервозности. Савелий прекрасно знал, что это означает: заказчик все больше склоняется к мысли, что его банально развели, а главное — у него заканчиваются деньги. Савва в таких случаях всегда давал заказчику шанс и экономил нервы. А именно — оставлял отчет о проделанной работе, а сам улетал в теплые страны и отключал телефон. За пару недель заказчик либо находил деньги на продолжение игры, либо смирялся с положением. На этот раз Савелия отчего-то тянуло на Карибы.

15. Осень

Колдун любил осень. Умирая, природа отдавала всю накопленную за годовой цикл силу — только возьми. Гуляя по своему бору, Колдун пил эту силу — свободными глотками, как добрый темный стаут в единственном на весь Новоахтарск достойном ирландском пабе. Черный охлажденный стаут тоже отдавал перепрелой листвой и землей, скрывающей где-то в глубине огонь нижнего мира. Шалая, последняя сила, которая в цикле человеческой жизни зовется «седина в бороду — бес в ребро». Еще со студенчества Колдун заметил, что именно осенью, а вовсе не весной особенно хотелось трахаться. А уж выпивали за сентябрь-октябрь столько, сколько потом за весь год.

На душе у Колдуна было пусто и легко, хотя по заказу, откровенно говоря, намечался полный затык. Савелий, исчерпав финансовые возможности Тимофея, свалил на свои Карибы, откуда вместо оперативных отчетов слал фотки голых девок с пляжа. Тимофей ныл в Телеграме, поскольку на звонки его не реагировали ни Савелий, ни тем более Колдун. Сам же Колдун вот уже третий месяц пытался выстроить энергоструктуру процесса, но преуспел не больше, чем отечественные борцы с коррупцией. Вот не зря он не хотел брать этот заказ. Неудобство состояло в том, что единственным уязвимым местом Миши был, конечно, Петр Алексеевич. А Петра Алексеевича защищала его же, Колдуна, энергия. С другой стороны, сам Петр Алексеевич просто не существовал как самостоятельный энергетический объект. То есть даже если достать Мишу как-то по-другому — посыпется и Петр Алексеевич, а с ним и вся работа Колдуна — Колдуну же на голову. Так еще и попробуй того Мишу достань: прикрыт-защищен одним из самых могущественных богов — Властью Мирской. И сам он эту Власть не предаст — ни за бабу (это вам не мент Максим Петрович), ни за деньги, поскольку не власть для денег, а деньги для власти, что бы там ни говорили люди недалекие, ни за идею, потому что власть для него и есть идея сама по себе. Остается еще Смерть, но Смерть его далеко.

Кабы так легко было оппонентов в гроб укладывать, Колдун бы давно заделался магическим киллером. Но в том-то и дело, что позвать Смерть к человеку можно только если она и так рядом, да и то не всегда. Никогда не знаешь, к чему приведет даже самая лютая порча. Бывает, все заберешь у человека — деньги, здоровье, удачу, — в чем душа держится и почему сам не удавится, непонятно. А он — живет. Без денег, без удачи, без здоровья. Смотреть на него страшно — а живет. А бывает — на фоне общего здоровья и благополучия... Вот как с тем же Максим Петровичем получилось.

На самом деле обо всем этом Колдун не думал. На то он и колдун, чтоб в случае чего не думать о белой обезьяне — вся магия только на том и держится. Это только дураки уверены, что если напрягать голову, то что-нибудь да родится. А на самом деле решение существует не в голове, а в пространстве. Чтобы уловить его, требуются ровно две вещи — энергия и тишина в эфире. И если

пока ничего не прозвучало, значит, просто сейчас — не время: не то или не хватает. А время — вот оно, в осеннем лесу. Плотное, как добрый ирландский стаут.

Колдун сунул руку в карман и извлек мобильник. Тот мигал красненьким — вызов. Когда-то давно, освобождаясь от корпоративного рабства, Колдун изобрел способ, как заклясть этого всемогущего монстра. Он просто отключил все сигналы, и звонок, и вибро. Навсегда. И доставал мобильник, только когда хотелось. Поначалу ломало жутко, а потом привык. Оказалось, что он не только не пропускает ничего важного, а наоборот: как раз когда он берет мобильник, тогда-то и звонят всякие полезные люди с приятными новостями. А всякий липкий мусор проплывает мимо — тем, чьи звонки он не почуял, он и не перезванивал.

На сей раз звонил Киш, чудака из универовских, звал на пьянку по случаю собственного дня рождения: его маленькая дочка как раз подросла настолько, что можно было ее оставить бабушкам-дедушкам. «Раньше у родителей отпрашивались, теперь — у детей», — усмехнулся Колдун, бросил пятак через левое плечо и двинулся из леса — за вискарем.

Киш — это сокращение от рок-группы «Король и Шут», фанатом которой в юности и был Антоха Жихарев. Он даже набил на левой лопатке две соответствующие карты — Короля и Джокера. Потом он раздобыл, стал слушать все больше реггей (Колдун до сих пор твердо не знал, что это такое), а погоняло осталось. К Кишу в комплекте прилагалась вся универовская тусовка, которую Колдун в сборе не видел лет десять и, откровенно говоря, не особо соскучился. Но сейчас было очень к месту — сентябрь.

Раньше, чтобы выпить, просто уходили в лес, что окружал универ, — только дорогу перейти. Туда не забредали менты, можно было развести костер и тискать девчонок, сидя на сосновом бревне. Дальше — как повезет, но везло, откровенно говоря, редко — никто еще ничего толком не умел. Сначала пили в надежде на секс. Потом просто привыкли пить. На почве юношеского алкоголизма расцветали и дружба, и любовь. Потом, правда, оказалось, что корни их непрочны.

Университетского братства не получилось. Колдун вообще не любил людей, на которых нельзя рассчитывать в драке. Как говорил старик Жванецкий, дружба допускает предательство и наличие только одного дружащего. От таких случаев осталось чувство удивления.

Но все-таки что-то было в этих наивных обезбашенных пьянках. Ощущение свободы и радости — а что еще нужно человеку? Единственный раз в жизни Колдун видел себя абсолютно счастливым — в отражении зеркальной витрины водочного отдела, куда они бегали за догоном на первом курсе.

На этот раз для пьянки была зафрахтована беседка на склоне, ведущем к Новоахтарскому водохранилищу. Их в последнее время там много понатыкали, наподобие ласточкиных гнезд. Колдун бухнул на деревянный стол пакет с вискарем и пивом. Бродил, здоровался, наблюдал. Народу набилось изрядно — Киш был парень общительный.

Приперся даже Болик — из старичков, однокурсник еще Петра Алексеевича, кстати. Болик придерживался той философии, что женщины вообще — стареют, а первокурсницы — никогда, оттого охотно участвовал в сабантуйчиках молодняка. К тому же он хорошо играл на гитаре. Теперь заметно постарел и он сам, и его бывшие первокурсницы, а на новых, как видно, не действовала даже гитара. Болик сделался чем-то вроде «сегодня у нас живой звук».

Бестолково шатавшийся со стаканом Колдун втерся в толпу боликовских слушателей — в беседке было тесновато.

— Сегодняплыли в вышине и вдруг погасли две звезды,

Но лишь теперь понятно мне, что это были я и ты... Лай-лай!.. — голосил Болик.

Бабы охотно подпевали, образовав довольно слаженный бэк-вокал. Колдун понял наконец, что не так: раньше он хотел этих девчонок. А теперь девчонки стали тетками за тридцать, и он их больше не хочет. И даже то, что в тусовке успели чуть ли не все перетрахать со всеми, не вызывало сейчас ни малейшей неловкости. Ушла надежда на секс, а с ней и смысл происходящего. Хотя чисто практически все было бы куда проще: бабы как раз успели заскучать замужем.

Колдун подошел к мужской группке, где что-то с чувством говорил Толик Преображенский. Толик еще в универе был старостой дискуссионного клуба и сохранил хорошо поставленные навыки риторики и жестикуляции.

— Мы, наше поколение... — вещал Толик, — ...вот я общаюсь с молодежью, они другие. У них всегда все было хорошо. Они даже не знают, зачем нужно каждый год сажать картошку... Но знаете, друзья, в них нет чего-то такого... Какой-то глубины. Они не видели того, что видело наше поколение.

— Слушай, Толь, — не выдержал Колдун. — Я не подъебываю, мне правда интересно: а что такого, по-твоему, видело наше поколение?

Толик несколько напрягся, но тон Колдуна выдавал такую искреннюю заинтересованность, что он решил продолжать:

— Советский Союз. Распад всего жизненного уклада. Что завтра может быть совсем не так, как вчера...

Колдун почувствовал, что звереет. Тоже мне, дети войны, потерянное поколение. Лично он на момент распада Советского Союза был занят изготовлением брызгалки из бутылки из-под

шампуня и половинки шариковой ручки. Это у родителей мир рушился, как он потом узнал. Ты, блядь, еще скажи: деды воевали.

Колдун улыбнулся так доброжелательно, как только мог, и сказал:

— Это напоминает мне анекдот. Едет в автобусе зэк в майке-алкоголичке: жара. Весь в портах, купола-кресты — всю жизнь отсидел и вышел каким-то чудом, явно ненадолго. А рядом — мамашка с маленьким мальчиком. В шортиках такой, лет четырех, только говорить научился. Мальчик смотрит на такую красоту и говорит:

— Мама! Смотри, какой дядя интересный — весь в картинках! Никогда таких не видело

Зэк поворачивается к мальчику:

— Хули ты в жизни видел, пидор?!

Колдун довольно натурально изобразил зэка. Толик сдавленно засмеялся. Колдун добродушно заржал, хлопнул Толика по плечу и отошел.

Ему вдруг стало скучно. Ну ладно, Бобер, Крокодилыч там, и компания. Друзья детства босоногого. Те хоть ни на что не претендуют. А это — что? Это, блядь, элита родного, ебать его в сраку, края. Все они закончили лучший вуз за Уралом. Конкурс — хуй знает сколько человек на место. И что? Сплошная же ипотека. Ну хуй с ним, допустим, зато они умные. Ну и где, спрашивается, ваши книги, песни, фильмы, открытия, стартапы?.. Все вы могли бы, но перестали давно — и заебись. Ни хера же нет, сомнение одно. Может, место проклятое? Здесь и вправду каждую крупницу энергии приходится выгрызать зубами из вечной мерзлоты. Ресурсов так мало, что ни усилия, ни талант не то что не гарантируют результата, а просто обесмысливаются.

Но с другой стороны — кто-то же в этом ебучем городе что-то сделал? Заработал, создал, украл в конце концов? Ну, не все же колхоз «Тридцать лет без урожая». Известны случаи... А люди — где? Вот тот же Миша — ведь наш, университетский. Почему, черт возьми, он, Колдун, воюет с Мишей, а пьет с вот этими ослами? Из-за денег? Но с Мишей точно можно было бы заработать куда больше. Потому что тот у какого-то гондона удачу забрал? А ты бы — не забрал? У этих вот? Да легко. Прямо сейчас.

Колдун, не повышая голоса, произнес короткое заклинание и крутанул разрушающую Сферу. На него никто не обратил внимания. Он так же говорил о чем-то с однокашниками, подпевал песням, ржал над байками и анекдотами, а хищное и холодное, как осенний ветер, поле вокруг него перемалывало черенки судеб. Мечты, желания, эмоции, возможности, оставшиеся все же у этих людей, осыпались и парили тонким временем, как осенние листья под ногами. Их время втягивалось вихревыми потоками в Сферу Колдуна. Вечер определенно переставал быть томным. Вот чья-то баба закатила пьяную истерику. Вот парочка ботаников решила изобразить друг перед другом то, что они видели в кино про разборки. Но разойтись отчего-то не могли. Колдун оставил вихрь Сферы дорабатывать и ушел, не оглядываясь.

А отоспавшись, направился в баню, где и обнаружил Петра Алексеевича во всей красе. Колдун улыбнулся. Со стороны могло показаться, что он радуется старому знакомому. Но радовался Колдун — ответу. Пространство всегда говорит с нами, но мы, естественно, ни черта не слышим. Больше года не показывался Петр Алексеевич после истории с генералом, а тут — на тебе. Прилетел, стало быть, удостовериться, что заказ, который он хотел передать чужими руками, принят в работу. «Все хотят быть хорошими, — подумал Колдун. — А ведь я спрашивал, есть ли претензии к другу. Ладно, поглядим, на всякий случай...» Но глядеть, конечно, было нечего. Получается, счета оплачены, да не совсем: Тимой — да, а Петей — нет. А ведь он тоже в теме. Значит, сюда и осыпется, на умную лысую голову. Все-таки мудрые люди придумали понятия: «рассчитываешься или деньгами, или здоровьем». Не зря возле смерти ходили.

Петр Алексеевич со вкусом попарился, даже выпил пива, между делом поинтересовался, был ли от него человек и все ли нормально. «Все нормально, занимаемся», — кивнул Колдун. Он почувствовал свободу сразу по всем направлениям в пространстве, легкость и мощь одновременно, как бывало всегда, когда все делалось ясно. «Каждый платит за себя», — сказал он недавно Тимофею. Вот теперь, когда с платежами определились, можно играть.

16. Маша

Колдун что-то почуял. Пошатался-покрутился по своим хоромам и отыскал старый потертый BlackBerry с кожаной спинкой. Укрощенный аппарат привычно молчал и даже не вибрировал, только деликатно мигал красненьким светодиодом. Ага, Тимофей. Как раз вовремя.

— Ничего не хотите мне сказать? — Тимофей включил отработанные директорские нотки, сквозь которые, тем не менее, отчетливо дребезжала истерика.

— Да, очень хорошо, что вы позвонили, — Колдун и правда был рад слышать Тимофея: звонок, пойманный в нужное время, — это хороший знак. — По вашим проблемам обратитесь к Петру Алексеевичу.

— Вы издеваетесь?!

— Иногда. Но не сейчас. Я уверен, Петр Алексеевич будет рад помочь. Что-нибудь еще?

Тимофей отключился, словно швырнул трубку на рычаг, а не ткнул пальчиком в сенсор. Телефоны домобильной эпохи были хороши тем, что позволяли до известной степени сбрасывать эмоции, — подумал Колдун. — Не то что теперь: нахамили тебе — и даже трубкой не грохнуть, поскольку вместо пластмассовой гантели — плиточка айфона последней модели, за которой еще полночи, как шлюха, на Тверской стоял.

Теперь должен был позвонить Савва. Тогда цепочка начнет складываться. Савва, конечно, не звонил, а Колдуна откровенно перло с возврата. Это состояние, когда вложенная в процесс энергия начинает быстро возвращаться, да еще и с плюсом. И нет на свете ничего гаже. Даже полная истощенность, когда слил все, и теперь валяешься, как шкурка от презерватива, ощущается не так паскудно. А тут — накачивают неизвестно через какое место неизвестно чем. Нечто подобное Колдун испытывал, когда в юности ему ставили капельницу с хлористым кальцием. К тому моменту, как Савелий выбрался наконец в скайп, рожу Колдуна перекосило, что китайскую монаду Инь-Ян.

— Ты пил, что ли? — радостно поинтересовался Савелий.

Колдун только рукой махнул. То ли правда накатить? Не, сблую.

— Как там Маша?

— Да вот, вроде тебя, — хмыкнул Савелий. — Капризничает. Говорит: гадюшник. Думаю забрать ее оттуда — так и так толку нет. И у мальчишечки деньги кончились.

— Денег он тебе на днях закинет, я ему показал, где клад зарыт. А Машу пришли ко мне. Только совсем не забирай, пусть в отпуск отпросится. Тетя у нее заболела или типа того. Форс-мажор, короче, — Колдун старался выдавать информацию по возможности короткими фразами, подавляя тошноту.

— В Борск, что ли? — удивился Савелий.

— На Кипр. Скажешь, секту расследуешь. Пусть проверит, настоящая у нас секта или фальшивая. Даже легенду придумывать не надо: проблемы на работе, шеф ебать не хочет. Ни один, ни второй, — не удержался Колдун.

— А с чего это ты взял, что я ее не ебу? — обиженно буркнул Савва. Маша оставалась чуть ли не единственной непокоренной вершиной в его агентурной сети. Он и сам не мог твердо сказать, почему до сих пор не получилось. Не то чтобы Маша его отшила. Наоборот, являясь с отчетом по выходным, она с завидной регулярностью забиралась на свой подоконник в любимой мини-юбке. Но все как-то не складывалось. Для себя лично он объяснял это отеческим отношением к сотруднице.

— Шило острое-кривое, гвоздь вообще ебать нельзя, — хохотнул Колдун. — Ладно, давай. Не видишь — плохо мне.

...Вот что самое важное в работе агента? Обыватель думает, что легендирование. То есть человек должен заучить биографию новой личности, новое имя, чтобы откликаться на него, всякие нюансы и детали... Потому что если нестыковка, то все — вот вы и попались, Штирлиц. Между тем если мы обратимся к самой беспощадной стерве среди наук — статистике, то выясним, что агенты горели на всем подряд, но только не на легенде.

Например, во время Второй мировой войны попался Леопольд Треппер. Легендарный советский разведчик, который создал сеть компаний, поставлявших Германии всякие полезные штуки типа каучука. Подвела его связь. А вовсе не то, что он (друг многих немецких генералов) был еврей. Связь вкупе с идиотизмом начальства погубила Рихарда Зорге. Впрочем, некоторым агентам, а

точнее, агентессам, хватало и собственной глупости. Это касается и Маты Хари, в честь которой Савелий и окрестил Машу, и Мятёжной Розы — женщины, которая кружила головы генералам Севера во время Гражданской войны в Штатах. Обе продолжали добывать и пересылать информацию даже тогда, когда знали, что за ними следят. Увлеченные были дамы.

Историй провала можно рассказать много, но все они никак не связаны с легендированием. И не потому, что у всех персонажей была складная сказка. Скорее, даже наоборот. Как в одежде истинного денди обязательно должна присутствовать какая-либо старая, поношенная деталь (только не туфли, разумеется), так и в легенде, и в поведении агента-профессионала должны быть некоторые шероховатости. Гроссмейстером этой игры был Евно Азеф. Он одновременно работал с царской охранкой и устраивал убийства высокопоставленных особ. Дезу умудрялся скармливать и товарищам по партии, и сыскарям. Его ловили на лжи и те, и другие. Однако Азеф, несмотря ни на что, защищал свое честное имя, и арестовали его только немцы — как русского агента, после начала Первой мировой. Кстати, умер шпион все равно не в тюрьме. А в своей постели от почечной недостаточности.

Пример Азефа показывает, что самое главное в работе разведчика — это уметь врать так вдохновенно, чтобы человеку хотелось поверить в эту самую ложь в данный момент времени. А в следующий момент ложь может быть ровно противоположной. Но вот вдохновение должно быть тем же самым, настоящим. Таким, чтобы собеседнику хотелось поверить. Да, человек чувствует: ему лгут. Мозг может споткнуться о какую-то логическую нестыковку. Взгляд — зацепиться за несоответствующую образу деталь в одежде. Слух — уловить фальшивую нотку. Но если создана правильная атмосфера, то разуму просто не захочется это признать.

Маша владела этим искусством в совершенстве. Причем — интуитивно. Она никогда не заучивала легенду, впрочем, менять имя и биографию в бизнес-разведке особой необходимости не было. Зато врать приходилось постоянно. Маша даже не то чтобы сама верила в собственную ложь. Чаще всего она вообще не помнила — что и кому говорила. Потом в компании Саввы прослушивала аудиозаписи собственных разговоров с интересом и удивлением. И ни разу ни у одного, даже самого хитрожопого и трусливого коммерса не возникло и тени подозрения.

Сексуальное манипулирование или, на профессиональном жаргоне, медовую ловушку, она тоже освоила влет. Возможно, потому, что никакого сексуального влечения к объектам разработки не испытывала. И вообще относилась к сексу достаточно прохладно: ну, что-то такое с тобой делают. Иногда это даже приятно. Иногда — не очень. Но всегда — странно. Почему у мужчин от этого напрочь сносит башню, Маша искренне не понимала. На свете же есть еще столько приятных вещей: торт в «Шоколаднице», красивая одежда, теплое море... При всем при том чисто по-человечески объекты разработки вызывали у нее как раз самый искренний интерес: ведь Савелий внедрял Машу к людям неглупым и небедным. Бизнесмены, силовики, тот же Миша — аж целый министр! — все это были люди из совершенно другого мира, который не имел ничего общего с миром серых многоэтажек, дешевого пойла и агрессивного визгливого мата, в котором Маша выросла и откуда сбежала, как только поняла, что это вообще возможно.

Проявление искреннего, даже немного наивного интереса в сочетании с недемонстративным, но заметным сексуальным пренебрежением — создавало убойную смесь типа абсента с димедролом. Даже самые опытные-пуганые мужчины, убежденные, что уж от чего-чего, а от этого иммунитет у них давно выработался, в присутствии Маши теряли волю и адекватность. Некоторые миллионеры так просто вели себя как мальчишки, хвастаясь, как они метко стреляют из пистолета, или пытались продемонстрировать, сколько раз могут подтянуться. За всеми этими упражнениями девушка наблюдала, словно скучающая царица. И вдруг необъяснимо, когда разговор касался каких-то совершенно скучных и, откровенно говоря, доставших вещей, в ее глазах просыпался тот самый искренний интерес. Но не столько к теме беседы, сколько к человеку. «Вы столько всего знаете...», — выдыхала Маша, выслушав получасовую лекцию о проблемах процесса экструзии полимеров низкого давления на новом оборудовании, от чего засыпали технологи и на что, между прочим, была потрачена куча времени и денег. На этой волне люди иной раз рассказывали ей такое, что не полагалось знать даже главному бухгалтеру.

И за все время работы у Савелия ни один из объектов не только не смог уложить Машу в постель, но даже не решился предпринять по-настоящему серьезных попыток в этом направлении. Получение информации через постель — путь дилетантов. А Маша, проведя десятки внедрений, с полным основанием считала себя профессионалом. И получив задание по Мише, ожидала как минимум интересной игры. А получилось, что вместо вкусного торта ей подсунили гипсовый муляж, а самое главное, эту безвкусную фальшивку теперь придется есть.

Внешне мир чиновников выглядел даже более роскошно, чем мир бизнеса. Серые коридоры, дерматиновые двери и старый пердун на вахте — остались на низших эшелонах, да и то по большей части в провинции. Министерство же блистало мрамором, гранитом и благородным деревом. Миловидные феи на ресепшен раздавали электронные пропуска от суперсовременной системы безопасности, допускающей только к определенным лифтам — по чину. Маше, в силу специфики должности, был открыт вход чуть ли не к самому главному лифту (чутье, однако, подсказывало, что в самые-самые главные заходят вообще не отсюда), однако встретиться с шефом в лифте не удавалось: когда поднимался Миша, охрана блокировала двери, и остальные были вынуждены ждать своей очереди.

Вообще, если пространство бизнеса было призвано всячески подчеркнуть богатство хозяина, то задача пространства власти состояла в том, чтобы максимально унижить всякого туда входящего. И роскошь интерьеров только усиливала эффект. Причем для своих не делалось исключений. Даже большие начальники, постоянно подчеркивая собственную власть, казалось, боялись своих кабинетов, и приходя на работу, делались заметно ниже ростом.

Но самое главное, Маша никак не могла уловить, в какую игру играют все эти люди. Не только их разговоры, но и то, что они делали от звонка до звонка, не значило ровным счетом ничего. Все эти приказы, совещания, планы, бюджеты — были пустышками. Маша чувствовала, что настоящая игра идет даже не под ковром, а где-то в другом измерении, но совершенно не понимала, как туда попасть, и как вообще государевы люди находят на это время и силы. Тот же Миша практически ежедневно проводил в министерстве не менее пяти-шести часов. И, свеженький, скакал куда-то дальше по неведомым дорожкам. А Маша еще до обеденного перерыва чувствовала себя выжатой тряпочкой. Где-то она читала, что в нацистских концлагерях самой

страшной пыткой были не медицинские эксперименты и прочие истязания, а явно бессмысленная работа. Заключенных хорошо кормили, содержали в тепле, но заставляли по восемь часов в день переливать воду ведрами из одной проруби в другую, соседнюю. Причем жестко следили за выполнением ежедневной нормы и производственной дисциплиной (чтоб не проливали мимо). В книжке было написано, что люди от этого быстро сходили с ума и умирали, но вот чиновники, хотя по-своему тоже сходили с ума, — продолжали жить.

И хотя Маша физически довольно много времени проводила с объектом разработки, — всячески подчеркивая открытость, Миша любил проводить многолюдные совещания и часто демонстративно не закрывал дверь между кабинетом и приемной, — но зацепиться Маше было совершенно не за что. Она прекрасно видела, что все происходящее — какой-то безумный спектакль, но совершенно не представляла, что интересует шефа на самом деле. И даже не понимала, какие черты его характера — подлинные, а что он лишь демонстрирует окружающим. Савелий не раз учил ее: найди тему, которая по-настоящему интересна человеку, найди, во что он реально вкладывается, — и он твой. А Миша, казалось, был соткан из воздуха.

Вот он орет на подчиненных, но на самом деле — он вспыльчив? Он избегает личных разговоров — он от природы скрытен или его раздражает от желания поделиться секретами, но он просто боится? И чего он вообще боится? Часто, хоть и понемногу, выпивает — но любит ли выпить или делает это с отвращением, по обязанности? Подтянут — занимается ли спортом, и каким? Читает книги? Любит машины? Или самолеты? Любит ли женщин, в конце концов?

Устроившись помощницей к любому, даже самому крупному бизнесмену, Маша знала бы все это к концу второй рабочей недели максимум. Чиновники тоже любили пообсуждать начальство. Но вот сведения по одному и тому же вопросу звучали самые противоречивые. Мишу называли то автократом, то демократичным руководителем, то инноватором, то консерватором, и даже относительно того, любит ли он летать или вынужден, не существовало единого мнения. Как-то раз, по случаю болезни личной помощницы, он даже взял Машу с собой в командировку — неслыханная удача! Но Маша так и не нашла подходящую фразу, чтобы начать разговор.

Так и просидела в кресле бизнес-джета, перебирая бумажки, — четыре часа туда, четыре обратно, плюс ночь в гостинице. Естественно, где ночевал Миша, она и понятия не имела. Шеф за все время полета поел, поспал, сходил в туалет, полистал заготовленные Машей бумажки и свежий номер «Ведомостей». Он вовсе не избегал разговоров с Машей, просто обращался к ней, как к стюардессе, — вежливо, отстраненно и по ничего не значащим вопросам. «Воды принесите, пожалуйста. Vittel, без газа». «Маша, график встреч на завтра вам Татьяна отправила?» При этом Маша готова была поспорить, что пить он на самом деле не хочет, а на встречи не пойдет. По крайней мере, не на те и не по графику.

Вернувшись домой, Маша весь вечер проревела, а на выходные поехала в Питер к Савве — сдаваться. Потому что больше она так не может. В обычной жизни бойкая и стремительная, Маша стала медленной и сонливой. Всегда юная и свежая, она начала вынужденно злоупотреблять косметикой, чтобы скрыть проблемы с кожей. В последние недели она приходила домой, падала на кровать, утыкалась в любимую книжку про Гарри Поттера, читала несколько предложений, не

понимая смысла, и вырубалась. У нее появилось фобии. При звуках будильника она испытывала липкий ужас и научилась просыпаться на пять минут раньше, несмотря на хронический недосып. А еще она мучительно ждала звонка Саввы, как в детстве своей очереди к стоматологу. Впервые ей было нечего доложить своему настоящему начальнику. Который буквально подобрал ее на улице, дал ей все и ни разу не обидел. Савва был единственным человеком в мире, которому она не могла врать.

— Савунь, я знаю, что тебя подвела. Но я не могу. Я там закончусь, — лепетала Маша, представ пред грозными очами Савелия.

Савву и правда вся эта история несколько нервировала. Но ничто так не обессиливает мужчину, как женская покорность. Маша стояла, опустив плечи, как девочка, ожидающая наказания. Савелий вдруг осознал, как остро он ее хочет на самом деле. Нестерпимо, как хотел тех глупых, недоступных и таких прекрасных девочек, будучи еще нищим студентом. Безнадежно: она ему ни за что не даст, потому что он старый толстый еврейский бегемот, и все это — и разведка, и деньги, и смертный ужас в плену у цыган — было зря. Савелий чуть было не заплакал от жалости к себе. Он обнял Машу за плечи и стал гладить по волосам. Маша прижалась. Сквозь сорочку и дорогой парфюм от него едва уловимо пахло потом. Он не чувствовал этого, но чувствовал, что она чувствует. Савелий с сожалением выпустил девушку.

— Хорошо. Будет тебе другое задание. Заодно и развеешься. Тут одного клиента какие-то ребята на Кипр зазывают. Говорят — научат энергию набирать. Типа тренинга. Черт его знает, что это такое. То ли жулики, то ли секта, то ли и правда что-то дельное. В общем, он сомневается. Ты запишись на этот тренинг, посмотри, стоит оно того или нет. Как раз про проблемы с Мишей и расскажешь — что на работе устаешь, перспектив никаких, шеф не замечает... Даже выдумывать ничего не надо... — Савелий замолчал, поймав себя на том, что почти повторяет слова Колдуна. Ему отчего-то ужасно не хотелось отдавать Колдуну эту девочку — мало ли, что этот потусторонний отморозок с ней сделает. Но работа есть работа.

— Полетишь бизнес-классом, — сказал он зачем-то.

17. Встреча

Маша выползла из самолета, щурясь от непривычного солнца. После Москвы это было как будто в темной комнате включили свет. Октябрь на Кипре — это вам не фальшивый московский июль. Теплый, плотный ветерок так фривольно и умело лез под футболку, что девушка пожалела, что она в джинсах. Здесь грубое изделие Levi's казалось совершенно неуместным, все равно что ватные штаны в ночь любви. И хотя пассажиры бизнес-класса проходили погранконтроль первыми, да и сам погранконтроль больше напоминал встречу старых друзей, которые по глупости прошлялись невесть где и теперь наконец-то вернулись домой, Маша специально задержалась припудрить носик. Пусть подождут. Хотя рейс и так задержали почти на два часа из-за сбоя в какой-то там электронной системе.

Вообще, вырваться на Кипр оказалось не так просто. Во-первых, категорически не хотели отпускать из министерства, потому что меньше полугода стажа и уже отпуск — это, знаете ли... Во-вторых, Савва, вместо того чтобы элементарно купить самый настоящий больничный, как это всегда делалось в таких случаях, зачем-то пошел длинным путем и долго изготавливал через знакомых какую-то безумную справку о необходимости послеоперационного ухода за больной мамой, а в ответ бормотал что-то невразумительное, мол, чтоб к исполнению не приняли. И в-третьих, что-то действительно было не так с этим тренингом. Какой-то невнятный сайт с матерщиной. Ни восторженных отзывов в соцсетях, как все было плохо, а стало хорошо, ни программы, что всего за неделю вы научитесь тысяче и одному способу быть эффективными, ни портфолио тренера с кучей международно признанных дипломов — о последнем вообще информации ноль. Такое ощущение, что люди, посещавшие эти тренинги, или, как они назывались на сайте, занятки, почему-то не спешили делиться полученным опытом. А организаторы демонстративно игнорировали все законы маркетинга. Хотя занятки явно проводились довольно давно, несколько лет как минимум, — сайт обновлялся через пень-колоду, так что историю отследить было несложно. Форма записи тоже выглядела странновато: напишите о себе, что считаете нужным, и может быть, вам ответят. Обязательно фото и зачем-то дату рождения. Ну, она, собственно, и написала. Долго ли, коротко ли, пришел ответ: прилетайте тогда-то, вас встретят. И телефон. Маша хотела было даже покапризничать и заявить Савелию, что так она работать не привыкла и не согласна, но, учитывая предыдущий факап, по здравому размышлению решила не испытывать терпение шефа. Не украдут же ее на этом Кипре, в самом деле, все-таки не Турция и не Египет.

Маша последней забрала багаж и хотела уже звонить по странному номеру — включить блондинку (не могу вас найти), но не вышло: телефон отчего-то сел, хотя перед вылетом — она специально проверила — зарядка была полная. Впрочем, идти можно было только на выход. За хромированной оградкой неподвижно стоял мужчина, словно только что с пляжа: оранжевая футболка, шорты, в которых, очевидно, он и лазил в воду, выгоревшая бейсболка и шлепанцы на

босу ногу. Половину лица закрывали широкие темные очки, какие бывают у велосипедистов, стрелков и горнолыжников, другую — рыжеватая щетина, которая уже всерьез подумывала, а не сделаться ли ей окончательно бородой. Рядом с ним пританцовывал высокий худой молодой человек, одетый, напротив, с некоторой претензией, который и заорал на весь зал:

— Мария!

Он же подхватил ее чемодан.

— Ну что? Не узнали? Николай, виделись же пару раз.

Худой потащил чемодан, следуя за рыжебородым. Маша начала припоминать Николая. Пару раз она и правда сталкивалась с ним в офисе Савелия. Если этот тип материализовывался, то дверь тут же запиралась, а из кабинета раздавался громогласный хохот, от которого Маша морщилась. Только сейчас физиономию Николая украшали торчащие усишки и бородка а-ля Мефистофель.

— Вы тоже на занятку? — изображая улыбку, начала разведывательные действия Маша.

— Я? Ну что вы! Я так. Я же распиздай. Меня сюда, можно сказать, ветром занесло. Циклопус ветер включил, самолет и развернуло. Вы не поверите — дым, ужас, пожарные понаехали, вертолет над взлетной полосой барражирует!.. У пилотов, натурально, истерика. Я и сам литр коньяка выпил — и ни в одном глазу! Сбежал от них, — длинный покосился на сотрудников аэропорта, — и домой, в штаб-сарайку. Циклопус меня встречает, а у самого морда хитрая-хитрая...

— А Циклопус — это кто?

— Кот мой. Одноглазый. Грудью, можно сказать, вскормил негодяя. А теперь без него никуда улететь не могу. Не пускает. Только вместе. А у него, скажу вам по секрету, документов — ну никаких! Я и сам-то паспорт купил всего два месяца назад. А без документов, вы знаете, летать может только английская королева, до которой нам с Циклопусом, увы, далеко.

Маша поняла, что попала к психам. Между тем деваться было некуда. Николай закинул ее чемодан в машину, рыжебородый, так и не проронив ни слова, уселся за руль. Девушке оставалось только устроиться на заднем сиденье.

— Едем в штаб-сарайку! — провозгласил Николай и, обернувшись к Маше, интимно добавил: — Тебе понравится.

— А кто учитель, вы знаете? — осторожно поинтересовалась Маша.

— Ну как же! — Николай заорал так, что даже дядька за рулем поморщился. — Сколько лет, сколько лет!.. Разрешите представить, мой друг и учитель — Колдун! — широким жестом Николай указал на водителя. Тот, не оборачиваясь, кивнул зеркалу. Маша растерялась. Ее бесил хохот Николая. Тот аж похрюкивал и бил себя радостно по коленке. Колдун же никак не реагировал. «Еще и Колдун, — думала Маша, нахохлившись на заднем сиденье. — Колдуна здесь только не хватало! Как доедем, заряджу телефон и скажу Савве, что нечего тут расследовать — дурдом он и есть дурдом!»

Однако план был сорван сразу же. В штаб-сарайке, которая оказалась, кстати, довольно приличным двухэтажным коттеджем на окраине какой-то местной деревеньки, вырубилось электричество, что было воспринято хозяевами как само собой разумеющееся.

— О! А в прошлый раз Графиня нам стиралку вырубил, — поднимаясь на широкую мощеную веранду, произнес невнятицу Николай. Колдун согласно кивнул. — Бывает. Завтра починят. Или само включится. СигА-сигА!..

— Что-что? — не выдержала Маша.

— Сига-сига — это девиз киприотов. Их кредо, так сказать. Что-то вроде «расслабься, так сойдет» или «с пивом потянет». Они здесь все делают сига-сига. От русского «на отъебись» отличается тем, что сигой-сигой можно пользоваться, — охотно объяснил Николай. — Вот зачем нам, к примеру, свет? Сейчас фонарики зажгут, — Коля махнул длинной лапой в сторону гор. — А еще у нас есть печка имени Сэра Джона, — Коля махнул другой лапой, и Маша действительно обнаружила в углу веранды каменную печку-барбекю. — Располагайся. Сейчас огонь разведем, будем мясо жарить, вино пить! — Николай подпустил в речь грузинского акцента и поволок девушку на второй этаж, где, надо полагать, находилась предназначенная для нее комната. Колдун на веранде возился с печкой.

Очутившись в комнате и выпроводив Николая, Маша с удовольствием отметила, что дверь изнутри закрывается на ключ, а сам ключ — вот он, пожалуйста, торчит в замке. Значит, ночных визитеров можно не бояться. С другой стороны, похоже, она здесь одна с этими шизиками. Хотя шизики вроде бы безопасные. По крайней мере, Николай — осторожный Савелий уж точно не стал бы принимать у себя в офисе буйного психа. Да и этот, с позволения сказать, Колдун, похоже, просто застенчивый. Маша прислушалась: шизики мирно тусили у себя на веранде. Цапнув с кровати явно чистое полотенце, а из чемодана — комочек свежего белья, девушка ящеркой шмыгнула в душ и закрылась там.

К ужину Маша вышла в вечернем платье. Оно состояло из коротеньких беленьких шортиков, подчеркивающих длинные стройные ноги, и почти мужской рубашки без лифчика. Хотя бог и не выдал ей в базовой комплектации большую грудь, девушка знала, что мужчинам нравится, когда

сквозь майку или рубашку выступают соски. Она не собиралась специально никого соблазнять — так, разведка боем. Маша устроилась в кресле с потертыми подушками напротив Колдуна, а на соседнее вытянула ноги. Колдун посмотрел на нее так, будто собирался подобрать девушке купальник, довольно хамски кивнул, мол, одобряем, пыхнул трубкой и вернулся к созерцанию пламени в печи. Николай возился с котом.

— Ну что, Циклопус, жизнь удалась! Жирный стал, жирный до неприличия! Вот это что за пузо?! А?! Кто уже птичку поймать не может? Кто встречу мне сорвал? Сами, говоришь, прилетят? М-да... Но нельзя же только мясо жрать и на Кипре сидеть! Ты же вон охотишься на птичек, дай и мне поохотиться на своих птичек. У тебя тут гарем, а мне что делать? Англичанки — знаешь какие страшные! Что, и бабы сами прилетят? Дома, значит, будем сидеть, как жирные коты?.. А может, у меня душа мятежная!..

Не прерывая эту маловразумительную речь, Николай схватил кота и плюхнулся в кресло рядом с Машей.

— Все-таки самые сложные переговоры в моей жизни — это переговоры с котом. Упрямый, блин. И аргументация — железная.

— Очень красивый кот, — осторожно похвалила животное Маша. Кот оказался не то чтобы одноглазый, как говорил Коля, но левый глаз его был какой-то потусторонний — фиолетово-перламутровый, как пуговица, а зрачок внутри угадывался не вертикальный, кошачий, а круглый, как колодец. Но действительно: сам жирный и цветущий, аж лоснится.

— Ты бы столько мяса жрала, тоже бы красивой была, — неожиданно грубо ответил котовладелец. Маша даже обидеться не успела, по инерции перескочив на следующий вопрос:

— А я одна буду? Ну, на занятке?

— Был у меня друг, — подал голос Колдун. — Так он, когда с армии пришел, даже посрать один сходить не мог. Все за компанию звал. Ты к нам не со службы, часом?

«Бли-ин, сдал меня Коля, — сообразила Маша. — Хотя какая разница? Может, меня Савва для повышения квалификации прислал? Или вообще я сама...»

— А что мы будем делать? Какая программа на завтра? — продолжала оперативную работу Маша.

— Встаем в шесть утра, пока жара не поднялась, — и к морю на проходку, — откликнулся Колдун.
— Потом в деревянный лес.

— А бывает не деревянный, что ли? — Маша слегка опомнилась и подпустила яду.

— А как же, — серьезно ответил Колдун. — Но туда пока рано. Съебашит.

Коля между тем раскупорил вино, опрокинул бутылку в пузатую колбу декантера и принялся неистово ее раскручивать, словно хотел вызвать непосредственно зеленого змия. Вино в колбе взвилось змеиным хвостом.

— Нежнее, спугнешь же... — недовольно поморщился Колдун.

— Кого спугнешь? — удивилась Маша.

— Вино, конечно, — отвечал Колдун. — Оно вообще нежное и пугливое. Никогда не пробовала привезти бутылку в самолете и потом сразу же открыть? Редкая бурдомага получается, независимо от цены и сорта. Хотя бы пару суток отдохнуть должно, успокоиться...

— А это какой-то особый сорт? — Маша обрадовалась случаю поддержать светскую беседу.

— Да нет, крестьянское честное кьянти, мясо запить. По три с половиной евро набираем мешками, — простецки признался Колдун.

Коля между тем разлил. Вино, казалось, и вправду с трудом пыталось отдышаться, как после пробежки.

— Говорю же, дай отдохнуть, — ворчал Колдун. — Давай пока мясо, как раз угли подошли. Зубы есть? — обернулся он к Маше.

— Н-ну, есть, а что?

— Да кто ж вас знает... У половины — тридцати нет, а уже импланты, — бухтел Колдун. — Мясо-то живое, это тебе не зерновой откорм. Дикое почти.

— Охотитесь? — сощурилась Маша.

— Ага, вон, с Циклопусом, — ухмыльнулся Колдун. Маше на секунду показалось, что клыки его удлинились и покрылись кровью, но это были только отсветы от дышащих багровым углей. Циклопус извивался вокруг его ног — требовал мяса. Колдун щедрой рукой бросил зверю целый стейк, остальные разместил на решетке.

— Врубай! — скомандовал он Коле и сунул решетку в печь. — По полторы на сторону!

Коля включил секундомер на айфоне. Воцарилась тишина. Колдун отошел от печки и взглянул на горы.

— Фонарики зажгли...

Маша повернула голову. Вместо гор оказалось еще одно звездное небо, только близкое-близкое, будто его стянули с вышины и набросили на горы, как сказочный ковер.

— Как эльфы с огоньками, — выдохнула она.

Колдун уже успел перевернуть мясо.

— Проверяем прожарку! — он подцепил длинной двузубой вилкой кусок, извлек его из пекла и шлепнул на широкую тарелку. Прижал и ножом протянул по коричневой шкурке длинную глубокую рану. Мясо внутри было розовым, выступила кровь. — Готово! — Колдун вытащил из печи всю решетку. — Разбирай!

На тарелке Маши сам собой оказался кусок, сочащийся розоватым бульоном. Она никогда раньше не ела мяса с кровью — было в этом что-то такое, нечистое. «Пища должна подвергаться тщательной кулинарной обработке», — говорила биологичка в школе. Маша даже в ресторанах, куда ее водили многочисленные объекты разработки, всегда заказывала стейк не ниже medium well — к общему ужасу. Но здесь отказаться было невыносимо. Маша аккуратно отрезала кусочек, положила его в рот и стала жевать. Мясо и вправду было жестковатым и отнюдь не спешило таять во рту. С ним приходилось бороться, как будто даже сейчас оно не хотело просто так отдавать оставшуюся в нем жизнь. Маша почувствовала себя крупной дикой кошкой, терзающей еще живую добычу. Во рту стало больше слюны, а зубы заострились. Вкус был очень ярким, хотя мясо лишь едва сбрызнули лимонным соком и перцем из ручной мельницы. Доедая стейк, Маша поняла, что урчит. Она ухватила бокал и жадно выпила вино, как компот в детстве. Оглянулась по сторонам — наливать самой себе было как-то неприлично. Но Коля с Колдуном были всецело поглощены трапезой и не обращали на девушку ни малейшего внимания. Маша потянулась за декантером.

— Ма-ария! — пропел Коля. — Ну что вы! Разрешите, сегодня я буду тамадой!

Николай наполнил бокалы.

— Ну, с прибытием! — сказал Колдун.

Маша заметила, что он улыбается. «Нет, он точно не злой, — подумала девушка. — Только какой-то... правда, что ли, — колдун?..» Ей вдруг стало смешно, как будто вместе с вином она проглотила смешинку. Слетела куда-то напряженность и настороженность. Маша начала болтать без умолку. Она вдруг увидела себя со стороны: длинноногая растрепанная девчонка теплой бархатной ночью сидит на веранде и несет какую-то несусветную чушь, а мужчины смотрят на ее снисходительно и ласково, как на ребенка, который капризничал-капризничал — и наконец прокакался. Маше сделалось немного стыдно, но интересно, как в первый раз целоваться.

— А вот у меня есть подруга. Она на картах Таро гадает постоянно...

Николай по обыкновению принялся громко смеяться.

— Коля, ну погоди, я серьезно. Она гадает на картах и ей кажется, что предсказывает будущее. У меня даже что-то сбывалось, — Маша отчего-то покраснела. — Ко-оля, ну хватит так ржать. Ты так громко ржешь, что конидохнут.

— Но ведь коней среди нас... — начал было Коля.

— А как дела у подруги? — спросил вдруг Колдун.

— Н-ну, не знаю, как у всех... Не особо, если честно. Ребенок, работа... С молодым человеком они расстались... В больницу вот недавно попадала с этим... ну, на себе не показывают.

— Классика жанра, — вздохнул Колдун. — Отдай мне то, чего в своем царстве не знаешь.

— Чего-чего?

— Ну, ты сюда летела — заплатила же за билет? Но почему-то люди думают, что все эти путешествия в прошлое и будущее — бесплатны. А на самом деле стоят они довольно дорого. Даже если чисто на посмотреть. Просто люди не знают, чем платят. Так еще и править там пытаются чего-то...

— Но у многих же получается...

— Ну еще бы! Ты вот завтра попробуй сходить в магазин и что-либо там купить. Получится почти наверняка. И еще раз получится, и еще. До тех пор, пока не выяснится, что деньги кончились. Обычно так и делают, кстати. Потом еще кредит берут — и опять начинает получаться. Какое-то время. Но деньги — это наиболее плотная форма энергии. Их можно потрогать или хотя бы посчитать. Многим, правда, и это не помогает. А тут — ценника не видно, сколько в кошельке или там на карте — неизвестно. Не говоря уже — чем восполнять... По крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь хотя бы ставил так вопрос: когда мы, собственно, набираем энергию, а когда — тратим? Даже из тех, кто считает себя магами. Но туда же — на шопинг. Да еще ладно бы — себе. Так ведь нет — маме, папе, подруге, вообще — людям помочь. А потом выясняется: ни здоровья, ни денег, даже потрахаться не с кем. Потому что энергии — нет. Одно, блядь, духовное саморазвитие, кто бы только знал, что это такое. И дети-внуки еще должны на пять поколений вперед. Поздравляю, проколдовавшись! — Колдун с удовольствием выпил, как будто провозгласил тост.

Маша как-то упустила момент, когда сама возможность практической магии, в чем она, честно говоря, сомневалась, перешла в категорию вещей естественных, как законы физики.

— Знаете, мне в последнее время как раз кажется, что энергии у меня совсем мало... — вздохнула она.

— Больному кажется, что ему хуже! — заметался, паясничая, Коля. — Больному кажется, что он умер!

Маша вдруг заметила, что плачет. Видимо, сказалось накопившееся нервное напряжение. Да и обидные приколы достигли критической массы. Она уже не понимала, собирает ли информацию для Саввы или действительно ищет помощи этих странных людей. Только что она чувствовала здесь настоящее домашнее тепло, которого, откровенно говоря, никогда-то у нее и не было, но вот хотела сказать им что-то очень-очень важное, а они — ржут.

— Ну вот, — поморщился Колдун, обращаясь к Коле, — вечно ты перегазовываешь. — И уже Маше: — Сейчас будет легче.

Маша действительно почти сразу почувствовала, что с нее как будто осыпается тяжелая глиняная корка, которая давила и не давала дышать последние месяцы. Слезы, однако, только усилились. Хлюпая и сморкаясь, она начала рассказывать — про чиновников, про Мишу, про все это проклятое безумие, и даже про то, что у нее появилась сыпь на коже. Она все время боялась сболтнуть лишнее, но не могла остановиться — как прорвало.

Ни Коля, ни Колдун больше не ржали. Колдун сопел трубкой, Коля вообще как-то растворился в тумане, словно его и не было. Когда Маша выдохлась, Колдун плеснул ей вина, отложил трубку и сказал:

— Садись, девочка, я тебе сейчас все объясню. Просто ты привыкла находиться в пространстве бизнеса, а попала в пространство власти. Которое тебя и высасывает, потому что власть сильнее и изощреннее.

Смысл бизнеса, как тебе, вероятно, рассказывали на твоём экономфаке, — в получении прибыли. Коммерс может, конечно, кидать понты, воевать и даже жертвовать людьми, но все-таки если коммерс умный, он никогда не переходит черту. На что бы он ни тратил деньги, его задача — завтра заработать больше. Одежда, машина, женщины, предметы роскоши, эпатаж, пьянки, бизнес-войнушки — работают на имидж, а имидж работает на деньги. И показателем выигрыша является цифра в балансе. То есть всю энергию, которая ему так или иначе доступна, — он переводит в понятную ему форму — в деньги. Потому что по-другому энергию он просто не воспринимает или почти не воспринимает. Получить Нобелевку, написать книгу, выйти на последний бой — красиво, но глупо, потому что так мы ничего не заработаем.

А смысл игры власти — умри ты сегодня, а я завтра. Как ни странно, чиновник, при всей его внешней чмошности, гораздо ближе к воину, чем бизнесмен. Не так важно то, сколько ты выиграл, как то — сколько проиграл твой противник. А на завтра с другим противником повторяется та же самая игра. И так до тех пор, пока Акела не промахнется.

Власть — это очень прожорливое божество. Пожирает тех, кто ей служит. И процесс этот не прекращается никогда. Соответственно, задача — не подставиться самому, а подставить другого. А дальше все происходит само собой — появляются деньги, причем в таких объемах, которые коммерсу за всю жизнь не заработать, происходит продвижение вверх по лестнице — и все это за счет остатков той энергии, что выделяется при съедении божеством очередной жертвы. Жертвоприношение, которое для коммерса является событием экстраординарным, для чиновника — повседневность.

Ты думаешь, что они там в своем министерстве с утра до вечера занимаются фигней, а потом где-нибудь в бизнес-джетах или в закрытых резиденциях решают важные вопросы. А на самом деле они и в бизнес-джетах занимаются тем же самым — кормят своего Бога энергией своих ближних. И вообще всех, до кого могут дотянуться. Взгляни на все, что ты видела, под этим углом — и все сразу встанет на свои места. А вот что со всем этим делать, мы будем разбираться завтра.

Маша молчала. Колдун растекся в кресле. Даже в тусклом свете гаснущих углей было видно, что лицо его стало серым. Так они просидели еще минут двадцать. Потом откуда-то материализовался Николай, подхватил Машу под руку и повлек ее в опочивальню, освещая путь айфоном. Спустившись через несколько минут, он застал Колдуна греющим руки у печки. Становилось зябко.

18. Чистка

Маша спала плохо. Ей снился Миша в виде огромной неестественно цветистой бабочки. Миша возмущенно шелестел острыми чешуйками крыльев и тянул к ней мохнатые колючие хоботы. Маша ухватила со стола толстый пулемет «Максим», оказавшийся неожиданно легким, нашарила гашетку и принялась гвоздить Мишу длинными очередями острых бутылочных пуль. Миша недовольно шипел, удалялся, но все никак не мог сникнуться. Маша проснулась от усталости. Вылезла из постели, как из стиральной машинки, и пошлепала в душ.

Особо лучше не стало. Не в силах даже накраситься, Маша спустилась на кухню, но есть не хотелось: тошнило. Набулькала себе стакан апельсинового сока, открыла дверь на веранду — и тут же в ноги ей ударило что-то тяжелое и упругое, как набитый землей мяч.

— Блядь! Простите меня, пожалуйста! — взвизгнула Маша, заметив на веранде Колдуна и пытаясь не расплескать сок на Циклопуса, ломившегося на кухню.

— Тапком его, тапком! — рекомендовал Колдун, вытирая слезы от смеха.

Маша топнула на кота тапком и тот брызнул за дверь.

— Знает, что такое тапок. Но регулярно проверяет границы: а вдруг уже можно? Женщины тоже всегда так делают. Беда в том, что мужчины совершенно не умеют пользоваться тапком. А сколько семей можно было бы спасти!.. — прокомментировал Колдун.

Маша плюхнулась в кресло и потянулась за сигаретами. Щурясь от омерзения, закурила.

— Господь создал человека из обезьяны за семь дней. Времени у нас столько же, а предстоящий путь не менее грандиозен, — изрек Колдун, созерцая Машу. — Вижу, ты позавтракала. Докуривай — и поехали.

— А Коля? — сипло выдохнула Маша.

— Спать будет до полудня, не меньше, — успокоил Колдун.

За рулем Колдун внезапно впал в легкое безумие и всю дорогу напевал что-то вроде «Мимо белого яблока луны, мимо красного яблока заката нас преследуют слуги Сатаны — порождения насилия и разврата!..» Маша на переднем сиденье топорщилась, как сова. Ехать, впрочем, было недолго.

Они остановились на неасфальтированной парковке возле доисторического здания порта, куда, видимо, причаливал еще Одиссей, чтобы пополнить опустевшие амфоры. Парковку украшали ряды мусорных баков, возле которых скрежетала и ухала кислой вонью помойная машина, огромная, как динозавр.

— Воняет-то как! — обрадовался Колдун. — Подзасрались вы, Мария, на вашей работе.

— Я-то тут при чем? — обиделась Маша.

— Внешнее есть отражение внутреннего, — наставительно изрек Колдун. — Мир показывает нам процессы, которые идут внутри нас... Они тут помойку убирают не так уж часто, это еще попасть надо, — пояснил он, видя Машино замешательство. — Да ты не комплексуй. Это значит: очищение пошло. Когда Графиню сюда возили, так они вообще свои биосортиры чистили. Чего я никогда не видел ни до, ни после. Вот это вонища была, я доложу! Вырви глаз.

С этими словами Колдун зашагал к мощеной дорожке, ведущей вдоль моря, по которой, несмотря на ранний час, уже бегало изрядное количество мужчин и женщин всех возрастов в шортиках и лосинах.

— А кто она, эта Графиня? — спросила Маша, едва поспевая за Колдуном, хотя тот, казалось, двигался неторопливо.

— О, Графиня — это бриллиант нашей коллекции, — отвечал Колдун. — Ты, вероятно, знаешь из классики, что кровь — великая сила. Ну так вот Графиня — наглядный тому пример. То, что безродным дворняжкам, вроде нас с тобой, приходится выгрызать, ей дается само собой — деньги, люди, страны... Это, правда, дезориентирует, вот и нахваталась всякого. Мы ее в монастыре отчитывали, так над ним та-акая туча собралась... и нигде больше ни облачка.

— А вы разве тоже — безродная дворняжка? — удивилась Маша. Насчет себя у нее сомнений не было, она даже не обиделась.

— Черт его знает, — пожал плечами Колдун. — С одной стороны, свою фамилию я нахожу в хрониках века примерно с четырнадцатого, с другой, там, куда могу реально дотянуться, ну, колена до пятого-шестого, — колхоз «Тридцать лет без урожая». Просрали, суки, все просрали... Но это тебе пока рано. Нам бы с тобой ходить научиться... Чем сейчас и займемся.

Они стояли на пирсе, выходящем почти в самое море.

— Помнишь, был мультик про тигренка: дойду до края земли и посижу там, свесив ножки...
Прошу! — подавая пример, Колдун уселся на край деревянного пирса.

Маша угловато устроилась рядом — оказалось довольно высоко. Внизу, под ногами, ощущались острые камни в кислой морской пене — волна сюда доходила редко. Зато если не смотреть вниз и не крутить головой, море занимало все видимое пространство, даже линия горизонта в утреннем тумане не угадывалась. Машу слегка ухнуло, как на качелях. Ухватиться за Колдуна она постеснялась и вцепилась в теплые доски пирса.

— Во-от, — Колдун явно был доволен эффектом. — Это еще присказка, не сказка. Еще не сфера, но уже полусфера. Запомни ощущение. Да не головой! Ты еще селфи сделай. Телом запоминай, телом. Ты сейчас внутри пространства, а оно — вокруг тебя, вот и пользуйся случаем. Потом просто вспомнишь — и войдешь... Посиди пока.

Маша чувствовала себя странно. Ее как будто наполняло изнутри чем-то невесомым, как воздушный шарик, но вместо того, чтобы взлететь, попу все сильнее прижимало к пирсу: то ли сила притяжения увеличилась, то ли она сама стала тяжелее. Тошнило и потряхивало, как в самолете с похмелья.

— Умочка! — радовался Колдун. — А то сидят курицы, всякую хуйню в голове думают. А теперь со всем этим мягонько вставай и пошли. Вот прямо внутри купола — какая разница, что там нарисовано — море или дорога.

Оказалось, разница все-таки есть.

— Землеройку не включай! — ругался Колдун.

— Что-что? — робко спросила Маша.

— Внимание у тебя — как смесь землеройки с эпилептиком. Хватаешься за куски мыслей и пейзажа — и роешь вглубь: «Ой, ну что я, как дура, а вон кораблик, а что за кораблик, вот бы на яхте покататься, так они же лезть будут, а он, наверное, на мою попу смотрит...» — Маша шла чуть впереди и аж подпрыгнула — так точно Колдун сформулировал ее мысли. — Освети вокруг себя вниманием все пространство — как лампочку рассеянного света включи... Кораблик — это просто кораблик, за ним ничего нет. Твое внимание освещает его точно так же, как любой камешек на дороге, облачко, волну, и даже просто пустое место, ну, каждый кубометр воздуха, условно

говоря. И все это — спереди, сзади, сверху, снизу — везде, сколько можешь охватить. Получается — сфера. Твой личный пузырек в бесконечном океане энергии. Присвой ее, это твое. А теперь движешься плавно в океане — и собираешь этой сферой, как неводом. Чувствуешь, что твое пространство чуть другое, не такое, как весь остальной океан. Не пытайся осмыслить логически, не переспрашивай, просто делай — оно само пойдет.

Получалось, откровенно говоря, не очень. Временами Маша вроде бы улавливала состояние, о котором говорил Колдун, и шла как будто в разбавленном киселе, но едва только замечала это, как волшебство спадало, и она снова бессмысленно топала по тропе, барахтаясь в круговороте мыслей и деталей пейзажа. Хотелось зареветь.

— Машину водишь? — спросил ни с того ни с сего Колдун.

— Н-ну да... — не сразу врубилась Маша.

— Бывает так, что ты задумалась, заболталась или там в зеркальце заднего вида подкрашиваешься — и замечаешь, что машина уходит с полосы?

Маша кивнула.

— Ты же не психуешь и не ругаешь себя. Просто мягонько возвращаешь машину в полосу поворотом руля. Так и тут. Убежало внимание — ну, верни в сферу, да и все. Внимание же твое, вот и учишь им рулить. А машина, кстати, — такое же выделенное и присвоенное тобой пространство, как и сфера. Ты не пробовала держать машину изнутри, чтоб не развалилась, и толкать ножками, как в мультиках? А здесь зачем ты это делаешь? Опирайся на мощь сферы, она сама тебя несет.

— А далеко идти?

— А какая разница? — Колдун сделал глупое лицо. — Ты ж в сфере, как на машине. Пока не надоест.

— Надоело, — злобно сказала Маша.

— Не-ет, — обрадовался Колдун, — пока мне не надоест, что ты тут шляешься. Мой личный рекорд — семнадцать часов, но это по горам, здесь можно дольше. Так что расслабься. Все, отставить разговорчики. Внимание — в сферу. И не спеши, не на физре. Идешь раза в два медленнее, чем хочется.

Пытка медленной ходьбой оказалась мучительна. Едва только Маша возвращалась к привычному человеческому темпу, как злой Колдун придерживал ее обидными словами, словно лошадь.

— Мерным солдатским шагом шел отец Федор по Военно-Грузинской дороге... Ты что — отец Федор? Какой долбоеб сказал, что ходьба — это управляемое падение?! Мягенько ступай, кошатиной, теки змеей... Нет паузы между шагами!..

Маша уже забыла про сферу, состояние сознания и всю эту шизофреническую хрень. В ней кипела злоба. Будь она и вправду ведьмой, Колдун давно превратился бы в самую зеленую и пупырчатую жабу на свете. Солнце поднялось, жара давила. Море воняло женским туалетом. Выжженная каменистая земля вокруг тропы ощетижилась колючками. Тупые улыбки встречных фитнес-курортников бесили. А они все шли и шли. «Бли-ин, обратно же ебашить еще столько же», — ужаснулась где-то в глубине Маши сибирская гопница. Но вместе с усталостью накатывало безразличие. Что-то не давало послать этого ебучего Колдуна на хер — ясно же, что не отстанет. Как говорила одна подруга детства, этому легче дать, чем объяснить, что не хочешь. Подчиняясь, Маша постепенно, как бы против собственной воли втягивалась в процесс. Нечто подобное она обычно испытывала с мужчинами в постели. Она перестала топтать и пошла, как по тонкому льду, постепенно перенося вес с ноги на ногу. Вспомнила, как, сдавая вождение, ехала по городу сорок километров в час. Оказалось, при ходьбе тоже можно не переключать передачу. От усталости думать стало лень и взгляд уже не цеплялся за детали пейзажа. Даже злиться на Колдуна уже не было сил — мысли сыпались, как продукты из порвавшегося пакета в супермаркете — куда-то вниз, к чертовой матери, в бездну. Затылком Маша постоянно ощущала присутствие Колдуна. Ей почему-то казалось, что он улыбается, но уже не глумливо, а устало и ласково.

— А вот здесь разворачиваемся, — услышала она и не обрадовалась.

Обратный путь оказался удивительно, даже обидно коротким. Они снова стояли на пирсе. Воздев руки, Колдун благодарил Огонь, Воду, Землю, Воздух и каких-то Старших на все четыре стороны. Еще недавно Маша бы только рассмеялась, а теперь чувствовала, как отвечает спокойное дыхание живых стихий. Она заметила, что ее замечают. Только все равно было непонятно, то ли это те самые Старшие, к которым обращался Колдун, то ли парочка пожилых бритосов, что паялилась на них из беседки.

...Они возвращались к парковке. Маше хотелось прыгать и залезть на забор.

— Всего-то шесть километров за два часа, — объявил Колдун.

Маша удивилась: она совсем не устала, хотя уже и не помнила, когда проходила такие расстояния пешком. Зверски хотелось есть. В штаб-сарайке она смолотила изготовленные Колей яичницу и салат, тигрицей взлетела в свою комнату за купальником, на секундочку прилегла на кровать и тут же провалилась в мягкий и глубокий сон. Колдун на террасе жадно пил большую кружку медленно охлажденной «Стеллы Артуа». Коля курил и гладил кота. В штаб-сарайку пришла сиеста.

19. Власть

Колдун и сам не знал, отчего Кипр принял его. Когда-то он вывалился сюда с сотней евро в кармане и совершенно безнадежным делом на плечах. Что, заметим, тоже неплохо, смотря с чем сравнивать. В первую же ночь явился к нему огромный сатиropодобный Дьявол с волосатыми ногами, топнул копытом — и открылся разлом с золотом. Денег от этого больше не стало, по крайней мере, сразу. Но постепенно дела пошли на лад, включая и совершенно безнадежное. К тому же Сатиродьявол, которого Колдун для удобства именовал Паном, никакой платы за поддержку не требовал: мол, живи да колдуй — чем-то ты мне приглянулся.

Колдун смотрел на Циклопуса, игравшего со стейком, который тот, очевидно, уже не в силах был сожрать, и размышлял о законе подобия им. Гермеса Трисмегиста: что наверху, то и внизу. Еще месяца три назад вместо ладного молодого котика был пищущий полуживой комочек шерсти на веревочных ножках. Приполз к штаб-сарайке, чтобы забиться в щель под верандой и умереть. Но возвращавшийся с занятки Колдун заметил его фиолетовый глаз — и бросил с веранды кусочек мяса. Утром он опять увидел это существо вылезавшим из-под крыльца.

— Циклопус... — усмехнулся Колдун и вернулся за мясом. Как и все по-настоящему жестокие люди, он был сентиментален.

На некотором отдалении партизанили взрослые коты, пронюхавшие, в чем дело, так что пришлось подождать, пока Циклопус поест. Колдун вовсе не хотел серьезных отношений с котом. Он с детства рос с животными и знал, как они умирают. Ему это не нравилось, поэтому с некоторых пор он старался не связываться: бросил кусок, если есть по рукой, — и иди своей дорогой. У зверя и так стало на один шанс больше — могло не быть и этого. Да и Циклопус вовсе не был каким-то особо умильным котенком. Кипр вообще кишел котами всех цветов и размеров: они требовали дань в ресторанах, устраивали набеги на кухню и метили гараж, в котором зимовали. Единственное, что отличало этого, — фиолетовый inferнальный глаз. Но Колдун не был суеверен. Он не искал причины, почему кормил этого котенка, — просто в одном и том же пространстве присутствовали Колдун, Циклопус и мясо, и такое их взаимодействие было наиболее уместным.

А потом Колдун улетел к себе в Борск. Зато прилетел Коля. Коля разбаловал Циклопуса: начал пускать на веранду и кормить стейками. И Циклопус признал хозяином Колю. Это ничуть не огорчило Колдуна. Если бы Коля не прилетел, Циклопус не выжил бы, ведь он совершенно не умел охотиться. А Коля вполне мог бы и не прилететь. Колдун понимал все это, но улетел. И если бы даже Циклопус был самым праведным котом на всем Кипре, или наоборот, приносил бы Колдуну в жертву девственных котят, или почитал бы его еще каким-то доступным для кота способом, — Колдун бы все равно улетел. А Коля все равно мог бы не прилететь. У Циклопуса не было ни малейшей возможности хоть в какой-то степени осознать процессы, идущие в мире

людей, не говоря уже — повлиять на них. Но все-таки сказать, что он на них не повлиял, было бы неправдой. И Колдун вполне допускал, что именно искра кошачьей воли спровоцировала пожар в самолете, на котором пытался улететь Коля.

Колдун как-то незаметно прижился на Кипре, как Циклопус на веранде. Он быстро привык к теплу, натуральной живой еде, воздуху, который хотелось пить, вызывающе расслабленным людям. Колдун спокойно относился к морю: жить у теплого моря и не ходить в офис — мечта для менеджеров, но, встретив черные кедровые горы, понял, что хочет здесь жить. Странно, но ничего подобного он не испытывал ни когда в корпоративный свой период мотался по Европе, ни тем более в Москве. И даже уютный Борск сделался чем-то вроде опустевшего двора, где прошло детство. Можно зайти, посидеть на качельке, но довольно быстро понимаешь: тебе здесь делать уже нечего. Переезд, впрочем, оказался делом хлопотным и небыстрым. Зато теперь из Борска он летал домой.

Колдуну нравилось обучать. В особенности потому, что учеников у него всегда было немного: потоковую работу он считал ниже своего достоинства. Колдун часто вспоминал слова своего коллеги из старого фильма: «Человек из мертвого камня делает статую и радуется, если работа удалась. А ты из живого сделай еще более живое — вот это работа!» На самом деле и камень не мертвый, и человек не всегда живой, и никакая это не работа, но по сути верно.

Маша выползла только затемно, действительно, заметно посвежевшая.

— Ну что, едем в лес? — деловито осведомилась она.

— Ночью — если только в багажнике, — строго сказал Колдун. — Тащи вино, самое время для умных разговоров. И не переживай: неделя впереди, будет тебе и лес, будут и горы.

Маша против обыкновения не стала капризничать и приняла на себя роль хозяйки. На столе появились вино, сыр, оливки, чудное ароматное масло и хлеб. Коля растопил печку, а Колдун извлек откуда-то мешок гигантских шишек, которые самолично собирал под черными кедровыми деревьями в горах. Шишки горели в печи адским огнем, и Маша в их отблесках выглядела уже не колючей, а живой и теплой.

— Чифир кипит, собачки жарятся, — удовлетворенно произнес Колдун и принялся набивать длинную кривую трубку.

Воцарилась тишина, только потрескивал, разгрызая шишки, огонь. Где-то вдалеке за спиной томно дышало море и свистели по кустам неведомые существа — цикады. Даже Коля не гоготал — с Циклопусом они сидели, словно два кота, толстый и тощий, и шевелили ушами — слушали звукоферу. Колдун разлил вино.

— Ну, так чего ты хочешь изделать над своим Мишей? — спросил он Машу.

— Да никакой он не мой, — задумчиво отвечала Маша, изучая бокал с вином на просвет. — Я правда не знаю. Раньше я думала, вообще все это меня не касается, а теперь...

— Вот так оно всегда и бывает, — усмехнулся Колдун. — Работаешь-работаешь, по головам идешь, а потом не так посмотрел на девочку или вовсе не посмотрел — и вот вам, пожалуйста. А потому что не обижай маленьких, мало ли кто их прислал...

— Это вы про Савву? — смутилась рассекреченная Маша.

— Да при чем тут Савва... — махнул трубкой Колдун. — Вот послушай лучше историю, типа сказки на ночь. Можно сказать, мою любимую. Задолго еще до Саввы жили-были такие ребята — тамплиеры. Штаб-квартира у них была здесь, на Кипре, кстати. Только давно, веке в четырнадцатом. Величайшие воины своей эпохи. Гроб Господень воевали у сарацин, это была тогдашняя версия мирного ислама... Короче говоря, тамплиеры каким-то исчезающе малым числом пробились к Храмовой горе, что в Иерусалиме, и ковырялись там довольно долго, пока чучмеки их оттуда окончательно не выдавили. Занимались в основном магическими практиками и черной археологией: искали не то святой Грааль, не то Ковчег Завета, не то вообще гравицапу. И что-то, похоже, нашли, поскольку за это время орден из горстки энтузиастов превратился в мощнейшую военную и финансовую структуру Европы. Стали не просто богаче и могущественнее любого короля, а даже самого Папы Римского Который, прошу заметить, — наместник Господа Бога на земле. Но как-то чем дальше, тем больше к Гробу Господню они интерес теряли, зато повадились шастать, ты не поверишь, в Эфиопию. В этой самой Эфиопии сохранилась, до сих пор, кстати, какая-то древнейшая община, то ли иудейская, то ли уже христианская, то ли где-то между. Видимо, тамплиеры в Иерусалиме не нашли что-то из того, на что рассчитывали. А надо было — край делов. Вот и решили поискать в Эфиопии — мало ли, а вдруг кто заныкал.

Ну а эфиопских хранителей всего святого, понятное дело, никто не спрашивал: подумаешь, оборванцы какие-то из жопы мира. Тамплиеры так их вообще особо не замечали, вот вроде как тебя в твоём министерстве. А у оборванцев все-таки — древнейшая секта, они обиделись. И пошли жаловаться папе римскому Клименту V. Которого тамплиеры тоже ну не то чтобы в хуй не ставили, но как-то его главенство было неочевидно. И папа не просто принял этих эфиопских ходоков, но и полностью согласился с их позицией. Хоть и выглядели они стремно. Из вредности, наверное. Что тамплиерам страшно не понравилось. Говорят даже, что свое несогласие они выразили в довольно грубой форме, но тут уж не знаю — свечку не держал. Короче, вышел конфликт. Но скандал раздувать не стали, тамплиеры продолжили свои изыскания, а папа с эфиопами — молитвы.

И знаешь, ничего такого страшного не произошло, по крайней мере, в ближайшее время. Гром не грянул, тамплиеры не перекрестились. Долго ли, коротко ли, а тут у короля Филиппа Красивого Французского в очередной раз деньги кончились. И решил он пощипать не евреев или

ломбардцев, как это обычно и делалось, а — тамплиеров. Что раньше никакому королю и в страшном сне присниться не могло. Это ему папа намекнул как раз. Ну, про Филиппа и тамплиеров — это отдельная история, для нас же интересно, что этих величайших, я подчеркиваю, воинов, которые вчетвером рубили в капусту неограниченное число противников, пришла арестовывать обычная городская стража. Было это, что характерно, в пятницу, 13 октября 1307 года. Причем прямо в их укрепленной резиденции в Париже. Ну, это все равно что сейчас какой-нибудь ОМОН, который привык хипстеров разгонять, захватил бы в полном составе группу «Альфа» в местах постоянной дислокации. Нет бы тамплиерам тех жирных стражников тихо передушить, не проливая крови, а наутро объявить: король умер, да здравствует король! Никто бы и не пикнул. Но не сложилось как-то... На этом этапе орден Тамплиеров прекратил свое существование. Правда, магистр ордена мессир Жак де Моле прямо с костра успел проклясть и папу Климента V, и короля Филиппа Красивого, и всех его потомков до тринадцатого колена. Все перечисленные отошли в мир иной в течение календарного года, потомки тоже долго не зажились, но тамплиерам это уже помочь не могло. И все из-за каких-то грязных эфиопов. Абыдна, да?

Колдун стал раскуривать погасшую трубку.

— А Миша-то здесь при чем? — не выдержала Маша.

— А Миша здесь при том, что не надо обижать маленьких. Кушать — да, а так — нет. И еще не надо посылать папу. Маленьких он уже обидел. Осталось послать папу. Или просто пожелать папе плохого.

— А папа сейчас кто? — спросила Маша, имея, очевидно, в виду действующего понтифика.

— Вот что мне нравится в женщинах, так это умение мыслить конкретно и прагматически. Хотя и несколько прямолинейно, — развеселился Колдун. — У вас же там вертикаль власти. Кто вертикальнее всех, тот и папа.

— Что же мне теперь — к нему идти жаловаться? — вытаращила глаза Маша. И вздрогнула от взрыва Колиного ржания.

— Ага, по прямой линии общения с народом. Или на прием запишись, — усмехнулся Колдун.

— А что же я могу?

— Пока ничего, но это поправимо — научим. Главное, чтобы ты поняла принцип. Помнишь, я тебе говорил, что единственный смысл существования власти как института — в том, чтобы кормить энергией Власть как божество?

Маша кивнула.

— Так вот, папа — это тот, через кого это кормление непосредственно осуществляется. А все остальные, включая и самого папу, питаются объедками с барского стола и обеспечивают движение энергии снизу вверх. Но даже этих энергетических объедков бывает слишком много, не говоря о том, что и просто пребывание в таком потоке не каждый выдержит. Поэтому наверх пробиваются даже не самые хитрые и жестокие, а самые прожорливые и пластичные. В идеале — такой резиновый крокодил, который может пропустить и переварить максимум энергии, при этом ничем особо не заморачиваясь. Начальники обычно чем выше, тем тупее, особенно при исполнении, — не замечала?

Маша радостно закивала, уловив, наверное, первую понятную мысль за вечер.

— Но фокус в том, — продолжал Колдун, — что для того, чтобы переварить или просто направить энергию, тоже нужна энергия. Это как в живом организме: чем больше пищи, тем больше энергии нужно для переваривания, ну и тупо таскать тяжело. А если на обслуживание этих процессов энергии не хватает, например, ее кто-то немножко забрал, — Колдун заговорщицки подмигнул Маше, — то случается энергетическое несварение, токсикоз и неадекватность. Ответственного товарища начинает раздувать от важности и пердячных газов. Он думает, что вот он — царь горы, а папа ничего в этой жизни не понимает. Папа-то, может, и правда не понимает, но через него в конечном итоге осуществляется все движение потока, потому что он может обслуживать эти объемы, а тот же Миша — еще нет. Поэтому в пределе папа — непогрешим: что бы он там ни хуевертил — это просто неважно, если он обеспечивает движение энергии к Старшим. И вся ебучая сакральность власти — оттуда же. На Западе с этим помягче, там разделяют отношение к человеку и его функции в системе. И сакральным является сам пост, а тот же президент — типа стрелочника. А у нас властитель сливается с тронном, и даже если делает всякую херню невозможную, — а ты терпи.

Бывает, конечно, что Старшие выбирают новых проводников по причине полной деградации имеющихся. Тогда происходят всякие революции и смены династий. Но это относительно редко. А, как правило, ренегат остается со своим несварением и без энергии — как без штанов: всякий обидеть может. Вчера еще небожитель был, а сегодня обычные мусора арестовывают. Потому что Акела промахнулся и вошел в конфликт с системой. Пусть неявный, даже внутренний, пусть случайно, пусть вообще не хотел этого — оправданий не существует. В системе включается иммунитет и уничтожает потенциально опасную клетку. Ты же, поскольку находишься рядом, можешь эту клетку, условно говоря, чуток повредить, а дальше все случится само собой. Там и забрать-то немного надо, просто из нужного места в нужное время. Это как стаканчик холодной воды после горячего жирного плова — вроде ерунда, а в результате в морг — значит в морг. Только надо изнутри делать, снаружи они слишком хорошо прикрыты.

— И вы меня научите? Забирать энергию?

— Давай уже на «ты». Скажу банально: зависит от тебя. Но, по-моему, способностей и мотивации у тебя вполне хватает.

Маша на некоторое время задумалась, пытаясь сформулировать, и наконец решилась:

— А можно еще вопрос? — Колдун кивнул. — Все-таки мне он лично ничего плохого не сделал. Почему я его ненавижу?

— Потому что он олицетворяет систему, которая тебя унизила. Системе ты отомстить не можешь, а конкретному человеку — пожалуйста. А еще потому, что ты хочешь сама подняться в этой системе. Женщинам свойственно присоединяться к силе. Ну и энергию принимать легче — чисто физиологически.

— А спать с ним обязательно? — насторожилась Маша.

— Неплохо бы, конечно, но можно обойтись. Да с ним у тебя, скорее всего, и не получится — не та зона уязвимости. Для него наслаждение от игры власти острее, чем от секса. Как и для тебя, кстати.

— А ничего, что я на него... ну, негативлю?

— Он же не твой папа, — пожал плечами Колдун. — Ты ведь не на его потоке. Но вообще, последнее, что должен увидеть человек, которого ты уничтожаешь, — это твоя добрая, ласковая улыбка.

Колдун продемонстрировал улыбку и призывно поднял бокал. Хрусталь звякнул каким-то сложным аккордом. Маша пригубила вино и почувствовала, что оно стало гуще и отдает железом.

20. Миша

Студент второго курса Миша Ахтырцев на мехмате считался туповатым. И даже препод по прозвищу Стартир (что означало вовсе не банальный сортир, а математическую производную от суммы древнегреческого сатира и совдеповского старпера) сказал ему однажды:

— Гения из тебя не выйдет. Но хорошие середнячки тоже нужны в науке. Будешь удобрять почву для каких-нибудь открытий.

Препод вряд ли хотел задеть. Скорее наоборот: мол, смотри, я тоже не семи пядей во лбу, а вот — неплохо устроился. Но Мишу такое местоположение в математическом сообществе не устраивало категорически. В Новоахтарск он приехал из небольшого поселка Узунского района и прекрасно знал, чем удобряют почву. У Миши не было каких-то особых амбиций, в том числе и в математике. Просто он привык мыслить конкретно и достаточно простыми конструкциями, вследствие чего и снискал среди рафинированных обитателей Наукограда репутацию парня недалекого. Что лишний раз доказывает полную неспособность интеллигенции к анализу многофакторных процессов. А Миша, между прочим, и в универ поступил благодаря той самой, с позволения сказать, тупости: просто не знал, что для парня из сельской школы это невозможно. Вот же — подготовительные курсы. Ну, он походил и подготовился. И проскочил конкурс в пятнадцать человек на место, как Иванушка-Дурачок сквозь каменную стенку. Видеть цель, верить в себя, не замечать препятствий — все-таки старики Стругацкие кое в чем разбирались.

Вот и на этот раз, услышав обидные, но, в общем, справедливые слова Стартира, Миша, вместо того, чтобы упираться или впадать в ипохондрию, произвел элементарный расчет: раз нет перспектив в науке, не стоит и тратить на это время. Значит, в универе делать больше нечего. Семестр еще только начался, так что до лета из общаги не выгонят. За это время необходимо и достаточно — заработать денег. На жилье и чтобы не загреметь в армию. Ну и, конечно, на Алку.

Тихая девушка Алла училась на филфаке и жила в соседней общаге. Она любила песни Щербакова. Познакомились они еще на первом курсе, на одной из неизбежных пьянок, которые Миша, в общем, не особо жаловал: хилые телом и духом интеллигенты, напившись, имели обыкновение начинать выяснение отношений, что напоминало нечто среднее между научной дискуссией и разборкой из художественных фильмов про бандитов. Миша о понятиях также имел представление самое смутное, но, по крайней мере, мог элементарно подраться. Пьянел он медленно, поэтому сначала ему становилось смешно, а потом — скучно. Он как-то интуитивно чувствовал, что время здесь уходит, а ничего интересного не предвидится.

И вот однажды, распивав по двухэтажным койкам-мамонтам не вязавших лыка однокашников, он остался с Аллой, можно сказать, наедине. Что делать, было совершенно непонятно, поскольку оба были практически трезвые, а вести умные разговоры или, на худой конец, играть на гитаре Миша не умел. Целоваться тоже было вроде бы не с чего. Не тащить же ее сразу в койку посреди этих храпящих тел, из которых каждый второй того и гляди сблует.

— Ну, я пойду? — прервала неловкое молчание Алла.

Это прозвучало странно. Девушка не констатировала факт и не пыталась создать интригу, а как будто спрашивала разрешения. Это все ерунда, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок или там через трусы. Путь к сердцу мужчины лежит через покорность. Позвольте ему почувствовать себя мужчиной — и он ваш. Миша сидел, как будто его хлопнули большой пыльной подушкой. «А ведь она действительно может остаться, если я скажу», — носилась в голове надежда на невозможное.

— Я провожу, — спохватился он, проклиная себя за тупость и беспомощность.

Алла не возражала. Ночью тащиться из общаги в общагу и вправду было небезопасно. В студгородок в поисках легкой добычи частенько наезжали гопники из соседнего Борска, да и свой брат-студент попадался разный. Особенно опасны были буряты, которых набирали по каким-то квотам для малых народностей. Выпив, они впадали в боевое безумие, как воины Чингисхана. Специально против них вошло в моду носить молотки: вырубить такое узкоглазое чудище голыми руками было практически нереально, а ножом они не боялись. К тому же за нож легко было получить и срок, а молоток — что молоток? Мелкий ремонт в общаге — дело обычное, гвоздик нечем забить, вот и взял у соседа.

Молотка, впрочем, у Миши не было, но добрались они благополучно. Времена стояли вольные, и вертухаев на вахте не существовало. В общагу заходили свободно в любое время. Но что толку — она ведь жила с одноклассниками. Миша проводил Аллу до двери. «Надо было все-таки поцеловать», — бормотал он про себя, спускаясь по заплыванной окурками лестнице. Осенняя звездная ночь освежила, как ключевая вода. Он понял, что не выиграл, — но и не проиграл. И принял решение подготовиться и в следующий раз действовать более грамотно.

Сложность состояла в отсутствии цивилизованного сексуального опыта. С деревенскими давалками все было просто. Любой нормальный парень, достигший сколько-нибудь приличествующего возраста, знал, что, запасшись бутылкой самогона и китайскими презервативами, можно тихонько постучать в окошко Натахе, к примеру. И если мать у нее на смене, а тебя не опередил более расторопный оболтус (на групповуху не пошла бы ни одна даже самая распоследняя шалава — она ж не такая), Натаха все сделает сама. Просто из любви к искусству и просвещению молодежи. А вот так, чтоб по-серьезному и по-человечески, у Миши еще никогда не было.

Главный вопрос, который беспокоил парня: ну хорошо, конфеты-букеты — это понятно, а как перейти собственно к сексу? Чтоб не спугнуть, не обидеть, а главное, не выглядеть идиотом. Несколько раз он уже так нарывался: после страстных поцелуев и обжиманий приличные девушки безапелляционно отстранялись — дальше ни-ни! Ну и нахрена, спрашивается, все это тогда было?! Сидишь теперь дурак дураком, а она такая гордая — перышки чистит. С другой стороны — не насиловать же ее. С этим вопросом он решил обратиться к знакомым старшекурам, для чего

пришлось, естественно, накрывать поляну. После второй бутылки водки, которую запивали по обыкновению пивом, разговор перешел в нужное русло сам собой.

— Смотри, все же как делают, — просвещал с видом старослужащего Серега-Спортсмен, который действительно никогда не был обделен женским вниманием. — Набухаются и давай на жопе к телке подползать — подпустит или нет? Типа можно-нельзя? Ясно, что при таком раскладе она сама решает. Захочет — даст, не захочет — дрочи по мнению. Поэтому делаешь так: вот прямо посреди разговора, ни с того ни с сего — отставляешь стакан, ее и свой, смотришь в глаза и целуешь взасос. Как питон Каа. И долго не тискай, сразу стягивай с нее трусы. Если за столом — неси в койку на руках.

— А если начнет пищать «не надо» и все такое? — Мише понравилась четкость инструкции, но были все же некоторые сомнения, что вот так прямо в лоб — и прокатит.

— А ты приговаривай: тихо-тихо-тихо!..

Компания грохнула. Миша подумал — а чего приговаривать? Алла и так тихая...

В назначенный день он постучался в комнатку. Девчонка приготовила салат. Этого не было в теоретической части. И Миша не знал — а чего делать с этим идиотским салатом. Вроде как надо есть. Но почему-то салат сбивал весь сексуальный настрой. Даже целоваться после него как-то... Миша бухнул на стол бутылку кагора (портвейн он взять не решился — слишком брутально, а по инструкции требовалось что-нибудь сладенькое). Кагор с православными крестами возвышался на столе и осуждал предстоящее грехопадение. Гнусавил в магнитофоне, обмотанном изоляцией, словно раненый боец, бард Щербаков:

— Кончался август, был туман, неслась галактика,

По речке плыл катамаран, кончалась практика...

А мы навстречу по реке шли на кораблике

И рассуждали о грехе и о гидравлике...

Салат заканчивался, от кагора не пьянел Миша, не пьянела и Алла. Миша все пытался угадать момент — когда?! — но в голове крутилась и мешалась идиотская фраза из анекдота: «Как это — тыкать членом в живого человека?!» В конце концов не выдержала Алла. Она тихо подплыла для поцелуя. Сама. Девки вообще прагматичны. Ей пришлось договариваться с подругами, возиться с этим чертовым салатом... Ну и вообще, сегодня — значит сегодня, она уже все решила.

Под брэнчанье гитары унылого барда они освободились от одежды. Он с трудом победил ее бюстгальтер. Вместо эффектного переноса на руках получилось неловкое топтание к кровати. И тут

обнаружилась проблема: кровать была с панцирной сеткой. Вот не зря опытные ребята типа Сереги-Спортсмена запихивали под эту самую сетку, на железную раму, снятую где-либо в той же общаге дверь. Оно и одному спать — для спины полезнее на ровном, а вдвоем с девушкой эта гребаная сетка проваливалась чуть ли не до пола. Лишенная твердой опоры, девичья попа в самый ответственный момент уходила куда-то в бездну. Миша тыкался, как журавль в летучую тарелку.

— Может быть, пойдём на пол? — вымолвила Алла.

Они сбросили вниз одеяла. На полу окончательно выяснилось, что Алла — девственница. Что делать в таких случаях, Миша тоже не знал: в деревенских-то давалок, да в китайском презервативе, да под самогоном, — проваливаешься, как сапогом в глубокую лужу. А на приснопамятной лекции встреча с девственницей в общаге была опущена как событие с пренебрежимо малой вероятностью. И вот вам, пожалуйста. Ей было больно и она тормозила его руками. Ничего не получалось. Она накинула халатик и вышла в коридор курить. Миша долго не мог влезть в джинсы — мешала каменная эрекция. Кое-как прижав к животу и не заправляя рубаху, он поспешил следом. Они уперлись взглядом в грязное окно, в котором отражался тусклый накал серых ламп. За окном ветер гнал листву, отчего в заплеванном общажном коридоре делалось уютно, как в военном бункере. Миша не курил, и его неприятно удивило, как привычно Алла затягивается дымом. Но сделать какие-то выводы он не успел.

— Пойдем! — решила девушка.

Она увлекла Мишу в комнату, на валявшиеся одеяла, и села сверху, направляя его рукой. «Блин, как больно! Все равно что на кол посадили!» — пронеслось у нее в голове.

Осознав, что главное препятствие устранено, Миша стал действовать более уверенно...

...Тот неумелый угловатый секс имел любопытные последствия. Парень влюбился. Он оказался вовсе не таким циником, какими всегда представляются самим себе восемнадцатилетние. Видимо, девственность Аллы пробудила в нем что-то крестьянское, от корней. Вместо того чтобы праздновать победу, он принял на себя ответственность. От осознания, что вот эта девушка принадлежит ему и только ему, становилось тепло и спокойно.

Довольно быстро, впрочем, дала о себе знать главная проблема молодости: есть чем, есть с кем, но негде. Взрослые почему-то склонны вспоминать судорожные метания в поисках пустой комнаты как нечто смешное и милое. Типа что за жизнь без приключений. В юности то же самое — тяжело и унижительно. Во-первых, друзей, к которым можно обратиться, всегда оказывается существенно меньше, чем тех, с которыми можно выпить. И даже если ходить по кругу, чередуя одного счастливого обладателя жилплощади с другим, довольно быстро становишься навязчивым и смешным. Человек вообще становится беспомощным, когда чего-то очень хочет, а когда хочет

трахаться — в особенности. Во-вторых, неудобно было перед Аллой. На девушку, которую ты — вот прямо сейчас! — ведешь ебать, всегда смотрят косо, даже если девушка эта твоя постоянная и вообще приличная. А взять ключи заранее удавалось не всегда — чтобы частота соитий хоть как-то соответствовала потребностям молодого здорового организма, приходилось пользоваться моментом. Снимать же квартиру было немислимо дорого. Тут и на цветы-то не хватает, а ведь нужно еще что-то вкусненькое, что-то подарить на праздники, которых в календаре оказалось неожиданно много, погулять культурно — студенческие пьянки довольно быстро приедаются по причине однообразия сценария.

Мише очень хотелось баловать свою Аллу. Защитить, укрыть от этого дурацкого мира. И он буквально из кожи вон лез. Она же принимала его ухаживания, как покорная лошадка принимает из рук сахар.

Пришло лето, и стало попроще: Наугоград находился практически в лесу — отошел на сто метров — вот тебе и стол, и постель под соснами. Романтика. Дважды на них натыкались грибники, а один раз они расположились на муравьиной тропке. Муравьи оказались безжалостны и бестактны, как и люди. В общем-то, все это было даже забавно. Но Мишу каждый раз корежило от стыда и бессилия. Они ходили на замусоренный пляж новоахтарского водохранилища. «Интересно, Алла правда не замечает, что песок — пополам с окурками?» — думал он. Когда после летней сессии Алла ненадолго уехала домой, он испытал даже некоторое облегчение. Пробовал было искать работу, но за неполную занятость готовы были платить копейки, ради которых не стоило и мараться.

В августе Алла вернулась, и все закрутилось по-прежнему. Миша с тоской ждал холодов как неизбежности. Долго так продолжаться не могло. Поэтому, когда Стартир влез со своим бестактным напутствием, он только подтвердил давно созревшее внутреннее решение Миши.

Объявление, что депутату Старченко требуется молодой энергичный помощник, он обнаружил на гумфаке, где по обыкновению поджидал свою Аллу. Очевидно, депутат скорее предпочел бы все-таки молодую энергичную помощницу, но Миша такую ерунду просто не принимал во внимание. Старченко баллотировался в губернаторы — на таких крутых поворотах даже мелкие сошки могли рассчитывать на выпавшие из грузовика пряники. Это был шанс заработать деньги, хоть как-то достойные мужчины.

Он явился в приемную и заявил, что не уйдет, пока его не возьмут. Депутат хмыкнул и закрыл дверь. Потом уехал. К вечеру вернулся, причем чисто случайно — требовалось выпить коньяка с одним человечком, показываться с которым в ресторане было не совсем удобно. Обнаружил в приемной все того же паренька без признаков утомления. Удивиться не успел, поскольку вниманием его тут же овладел очередной визави. Переговоры затянулись — коньяк после трудового дня пошел хорошо. Глубоко за полночь из кабинета вывалился благоухающий расстегнутый Старченко — и увидел Мишу. Это его развеселило.

— А почему тебя не выгнали? — спросил депутат.

— Я сказал, что вы меня ожидаете.

— И откуда ты такой взялся?

— С Узунского района, — отвечал Миша, успевший собрать о Старченко кое-какую информацию, и поспешно добавил: — Учусь на мехмате.

— Добро, землячок! — хохотнул Старченко. — Такие люди нам нужны. Приходи завтра.

Старченко уехал, а Миша пошел в общагу — ножками. На такси денег не было. Назавтра ему сообщили, что Николай Васильевич улетел в Москву. Миша проглотил новость, как удар под дых.

— А когда вернется? — через силу улыбнулся он.

— Обещал через неделю, — улыбнулась в ответ секретутка.

Спустя неделю Миша как штык был в приемной.

— О-о, где ж вы были, — обрадовалась секретутка, — Николай Васильевич о вас спрашивал. Сейчас скажу ему...

Оказалось, депутат вернулся еще три дня назад. Только чудом за это время никого не взяли. Миша глупо улыбнулся, мол, извините за раздолбайство. Как ни странно, откровенное хамство депутата его ничуть не задевало. Более того, часы ожидания в приемной он вовсе не находил напряжными — это вам не насчет комнаты договариваться. Ждать, впрочем, на этот раз пришлось недолго — часа полтора.

...Работа помощником депутата оказалась странной. Черт его знает, в чем она, собственно, заключалась. Никто ничего не объяснял. Сегодня Старченко мог засадить его выслушивать жалобы бесконечных ходочков, а назавтра утащить в очередной колхоз-тридцать лет без урожая и пробухать там пару суток. Попытки Миши хотя бы по дороге отчитаться о проделанной работе интереса не вызывали, скорее — плохо скрываемое раздражение. С другой стороны, Старченко мог огоршить вопросом — какие меры были приняты по жалобе старушки, что приковыляла в приемную недели три назад, — и Миша бросался строчить депутатский запрос о преступном бездействии злодеев-коммунальщиков. Естественно, реакция на этот запрос не интересовала Николая Васильевича ни в малейшей степени.

Самое обидное, что собственно предвыборная суэта со всеми распилами черных и белых бюджетов, информационными битвами и раздачей щедрых обещаний, нередко предоплаченных, абсолютно проходила мимо Миши. Старченко шел с действующим губернатором буквально ноздря в ноздю, и ставки в этой игре делались нешуточные. Но вот к самой игре Мишу не допускали. Даже на первый уровень. Зато, практически постоянно крутятся вокруг шефа, он видел, что за люди к нему приходят и сколько времени тот тратит на общение с тем или иным персонажем. Преимущественно это были прибандиченные бизнесмены в кожанках и пузатые сельские руководители — персонажи, в общем, знакомые. Элементарный контент-анализ позволял выявить, что фактический заработок депутата по преимуществу связан с распределением ГСМ.

И Миша принялся разбираться в теме с таким же спокойным деловитым упорством, с которым разбирался с мудреными математическими задачами, готовясь к поступлению в универ. Улавливал обрывки разговоров, на правах помощника депутата начал ходить в мэрию на заседания профильного комитета, выучил имена-фамилии городских и областных чиновников, отвечавших за ГСМ, и руководителей наиболее крупных хозяйств-потребителей... Здесь, в отличие от универа, он не комплексовал: знал, что совершенно точно не глупее этих жуликоватых мужичков. Двигавшую их по жизни крестьянскую хитрожопость Миша понимал от рождения. А математический аппарат в объеме полутора университетских курсов давал стратегическое преимущество.

Очень быстро выяснилась главная вилка: за дефицитные ГСМ, распределение которых осуществлялось по федеральным квотам, боролись город и область. Город — чтобы разворовать в бездонной и запутанной системе жилищно-коммунального хозяйства, область — чтобы сделать то же самое на необозримых просторах хозяйства сельского. Старченко в силу московского депутатства мог отруливать часть этого потока в направлении родных колхозов. Эту поляну и покушался отнять у него действующий губернатор, полагая оную неотъемлемой частью своего законного кормления. Николай Васильевич обиделся и пошел на выборы. И теперь опасался только одного: как бы эти выборы ненароком не выиграть, поскольку к губернаторству в виде бонуса прилагалось неисчислимое множество неразрешимых проблем, взваливать на себя которые у Старченко не было ни малейшего желания. По большому счету смысл всей операции состоял в сохранении статус-кво: крестьяне по природе своей консерваторы.

Вот, собственно, и все условия задачи. Спрашивается: как извлечь из всего этого деньги на семейное обустройство недоучившегося студента? Над этой задачей Миша и размышлял денно и нощно. Даже занимаясь любовью с Аллой, что теперь случалось довольно редко: чтобы снять квартиру, по крайней мере, в Наугограде, зарплаты помощника депутата все равно не хватало, а времени на решение вопроса «есть чем, есть с кем, но негде» — не оставалось вовсе. Впрочем, никаких признаков недовольства Алла не выказывала, и Миша рассчитывал, что результат оправдает временные издержки. Он чувствовал, что решение где-то рядом.

Выборы Старченко поиграл с минимальным отрывом. Для этого ему пришлось даже приложить некоторые усилия, а именно — в самый ответственный момент второго тура демонстративно уйти в запой. Что и обеспечило действующему губернатору, практически не пьющему еврею, возможность вброса необходимых двух процентов. Проспавшись, Старченко торжествовал:

ответственности по-прежнему никакой, зато народная поддержка на вечно протестном селе открывала широкие возможности для торга. И Старченко улетел в Москву торговаться. Нового помощника как паренька расторопного и хорошо себя зарекомендовавшего он взял с собой.

Столица понравилась Мише. Он оказался напрочь лишенным комплекса провинциала: его ничуть не подавляли ни московская скорость, ни слегка показушная масштабность, ни вечная грызня всех со всеми. Наоборот, после новоахтарского болота он как будто глотнул свежего воздуха. Здесь есть деньги, люди их зарабатывают, и побеждает тот, кто сильнее и хитрее. Нормально. Единственное, что смущало, — переговоры Старченко затягивались, а с Аллой невозможно было даже созвониться. Сотовые телефоны были еще предметом недостижимой роскоши, в общаге же телефон существовал только на вахте и у коменды. Понятно, что ни бабушка-вахтерша, ни прожженная тетя-комендант Аллу к телефону приглашать бы не стали. «Ничего, дождется — не из армии», — утешал себя Миша. Он все же дозвонился до одной из Алкиных одноклассниц, жившей дома с родителями, и попросил передать, что все нормально, он ненадолго задержится, и чтоб Алла не волновалась. «Да-да, конечно», — чирикнула подружка, и Миша со спокойной душой погрузился в изучение водоворотов московского хаоса.

В Москве он пробыл почти месяц. Что больше всего удивляло — никто и не думал считать расходы на гостиницу, а командировочных выдавалось хоть и относительно немного, но все же сильно больше средней новоахтарской зарплаты. Тратить деньги было совершенно некуда: теперь он носил портфель за шефом, что съедало практически все время. К тому же оказалось, что советская система снабжения и при новоиспеченном капитализме работает, как часы. Миша получил временный допуск в столовую Госдумы (правда, как он узнал позднее, в самый «позорный» зал, где столовались шоферы и прочая обслуга, но даже это было сильно лучше ресторана средней руки в Новоахтарске, не говоря о том, что еда стоила сущие копейки). Миша только диву давался: если так может жить сопливый помощник депутата из какого-то запомойного региона, то как же живет сам депутат? А какой-нибудь министр? Они же здесь вообще не считают денег!

Как всегда неожиданно пришла новость: Старченко назначен на специально изобретенную для него должность замминистра сельского хозяйства по Ахтарскому краю. Это означало, что кормление ему не только оставили, но и расширили. Битва за колхозную солянку была выиграна. Старченко праздновал победу со всем размахом, на какой только и способен бывший председатель колхоза, очутившийся в Москве. Номер после него в буквальном смысле требовал ремонта. Причем ни малейшего скандала в связи с этим не случилось: оказалось, здесь к такому привыкли. Улучив момент, Миша обратился к шефу со вполне естественной просьбой: раз Николай Васильевич теперь министр (приставку «зам» Миша дипломатично предпочел опустить), то логично и его, Мишу, официально оформить в министерский штат как помощника, каковым он фактически и является. Старченко щедро махнул рукой — мол, забирай с барского плеча! Он любил оказывать услуги, которые ему лично ничего не стоили. Да и паренек толковый: думает в правильном направлении. На оформление ушла еще пара недель.

В Новоахтарск Миша возвращался триумфатором. Теперь он — официально! — помощник министра (приставку «зам» Миша пропускал уже по привычке). Переезд в Москву — лишь вопрос времени, он своего не упустит. Они с любимой будут жить в Москве. Он строит для своей принцессы не заштатное королевство. А центровое! Ну а пока можно снять квартиру в Наукограде.

Любую. Средства позволяют. Легко. Прямо сейчас. С самолета. А потом он встретит Аллу в универе и приведет в их первую квартиру! Миша приказал таксисту тормознуть возле киоска и купил газету объявлений. Черт, откуда бы позвонить?.. Надо будет уже купить сотовый...

Миша в одно касание арендовал трешку — полный фарш, хотя для двоих, откровенно говоря, это было излишне. До универа — пять минут пешком. Алле точно понравится. Выкурив сигарету, он двинулся в универ, как солдат-победитель с фронта. После серой облачной Москвы он с непривычки щурился от солнца. Лето в Новоахтарске уже вступило в свои права.

Когда он поступал, универ казался огромным. Сейчас, два года спустя, тот же универ выглядел каким-то жалким, как пристройка к несуществующему зданию. Миша и сам себе теперь казался больше. Он буквально не помещался в игрушечный универовский мир. На лавочке возле входа в главный корпус он обнаружил Петьку Фомичева. Бывший однокурсник листал какие-то конспекты. «Как ребенок в песочнице», — подумал Миша.

— Неожиданно, — поздоровался тот. — Какими судьбами?

— За Алкой, — Миша помахал букетом белых роз, который купил по дороге.

— А ты не знаешь? — удивленно посмотрел на него Петя, потирая вмятинку от очков на переносице.

— Чего? — Мишу как будто окатили ведром ледяной воды. Он мгновенно все понял, но едва ощутимый ужас доходил постепенно.

— Она теперь с Ваней.

— Как давно? — по инерции спрашивал Миша, хотя это было, конечно, уже совершенно неважно.

— Ты улетел, Алка расплакалась. Ребята чего-то отмечали и позвали ее к себе...

Петя говорил буднично, но каждое слово, словно вбитый гвоздь, входило Мише куда-то в диафрагму. Он втянул воздух и задал совсем уж ненужный вопрос:

— И что дальше?

— Ну и Ваня с Аллой теперь вместе. А ты за документами? Или будешь восстанавливаться? В смысле, у тебя к сессии недопуск...

Миша неловко затолкал букет в урну. Из переполненного ведра полезли бычки. От идиотизма ситуации в нем клокотало бешенство. Какой на хрен Ваня?! Да он же вообще никакой! Даже припомнить лицо соперника удавалось с трудом. Нет, это хрень какая-то. Он же все сделал, у него получилось! Да забрать ее и забыть все, как страшный сон, даже если что и было по бабской глупости!

Аллу он нашел в читальном зале. Она что-то выписывала из толстой книжки.

— Привет! Надо поговорить.

— Привет. Мне надо закончить.

— Срочно. Поговорить.

— Я не могу, эта книжка одна на весь курс. Я ее потом не смогу получить.

— Ладно. Я подожду. Я же умею ждать, — начал срываться Миша.

— Молодые люди, если вам надо поговорить, выйдите в коридор! — сделала замечание библиотекарьша.

Миша дернулся, как от пощечины. Он последнее время бился за свой статус. И достиг немало. Он вхож туда, попасть куда все эти существа не смеют и мечтать. Но для провинциальной библиотечной мыши он просто студент. Сопляк, которого можно отчитывать. Он вышел из читалки и принялся ждать Аллу. Она явно тянула время. «И правда, девки хитрые, как чиновники», — усмехнулся про себя Миша. Ну что ж. У любого учреждения есть часы работы. Никуда не денется. Ожидание затягивалось, и постепенно злоба начала вытесняться равнодушием. Когда они с Аллой вышли из универа, он уже чувствовал себя роботом. Движения были механические. У Аллы тряслись губы:

— Прости меня. Я должна была тебе сказать раньше... Прости меня, пожалуйста... Я боялась... Это нечестно по отношению к тебе... Но мы больше не будем вместе. Я тебя не люблю.

— А с кем ты будешь? С Ваней?

— Возможно, но тебя это уже не касается.

— Я не понимаю. Это какая-то глупость. Это дурость. Я мог... Я же... Ты понимаешь, что я очень много могу сделать. Ты бы жила как королева. Понимаешь, у тебя бы было все. Неужто ты можешь выбрать быть в этом болоте? Общага эта, студенты нищие, препода-дегенераты? А что потом? Ты правда выбираешь это?

— Тебя это не касается. Я не люблю тебя и не буду с тобой.

— Почему?! — Миша взревел.

— Потому что не люблю.

Они замолчали. Алла успокоилась и продолжила:

— Тебе нужны власть и деньги. А я поняла, что мне это не интересно. Мне нравится Наугоград и я хочу в нем жить. Нравится летом ходить на пляж. Нравится ходить в кондитерскую в Торговом. Я не хочу никуда уезжать. Я хочу быть здесь. А с тобой мне страшно. Прости меня. Прости, что тянула и сразу тебе всего этого не сказала. Мне пора идти.

Миша стоял охреневший от такой подачи. Возвращаться в новую квартиру было тошно. Спустя пару часов он отводил душу с проститутками в гостинице. Снял сразу три штуки.

— На хуй вы так живете в вашем Новоахтарске?! Это же самое дебильное место на свете! Тут люди реально дебилы. Живете в дерьме и носитесь с этим дерьмом! Ни на что не променяете. Да еще гордитесь этим. Мозгов ни у кого вообще нет... Всё. Давайте трахаться!

Миша демонстративно растянулся голый на кровати. Сам себе он уже казался коренным москвичом, которого неведомо как занесло в эту тьмутаракань. Две девочки, чуть прикрываясь руками, как будто им холодно, подошли к нему. Одна надела ему ртом презерватив и принялась изо всех сил отсасывать, а вторая, не зная, что ей делать, топталась вокруг, неловко пытаясь покусывать Мишу за сосок.

— А ты чего расселась? Иди к подругам работать! — скомандовал он третьей, которая с ногами залезла в кресло и оттуда следила за процессом с ненавистью и отвращением.

— Я не могу.

— В смысле — не можешь?

— Я не работаю в паре.

— Чего?

— Я не работаю с другими девушками. Только один на один с клиентом.

— Нет, это правда удивительно ебанутый город... Ладно, будешь на сладкое, — Миша предпочел все-таки не обострять. Но из принципа через час выгнал первых двух девиц и перешел к третьей.

— Ну что, время, красавица. Раздевайся.

Девушка сняла все, кроме лифчика. Его уже расстегивал сам Миша. В руки ему упали не очень большие, но заметно дряблые груди.

— У тебя че, дети есть?

— Да. Дочка. И через пару лет я хочу еще одну, — с вызовом отвечала проститутка.

— А тебе сколько лет?

— Двадцать один.

От спиртного Миша не мог кончить и довольно быстро отправил проститутку восвояси. Пусть дочку воспитывает. Он курил, лежа в пустом номере, и повторял, как заезженная пластинка:

— Блядь. Какие же бабы дуры. Просто бесконечный идиотизм. — Уснуть было нереально, и он вызвал такси. Новоахтарск хотелось покинуть как можно быстрее.

Москва встретила дождем и пробками. Потоки воды и людей обмыли его. Головоломка сложилась. Теперь он знал, как замкнуть схему с ГСМ. А потом, чем черт не шутит, подмять под

себя всю энергосистему этого ебаного Новоахтарска. Он ехал в такси из аэропорта и курил в форточку. Опасно, конечно. Могут грохнуть. Да и хер с ним. Убить могут и за сто рублей в той же общаге. Пьяные буряты. Если молотка под рукой не окажется. А когда на кону серьезные деньги, то за стволом никто не лезет. Все, блядь, разговаривают. И молоток будет. Свой. Нужен только надежный человек на месте. В Москве все наебывают всех. Меняют договоренности на ходу. Кидают. А потом снова садятся за один стол и начинают работать. Это хорошо. Это по-умному. Необходимо, но недостаточно. Нужен еще надежный тыл. «Вот Петьку Фомичева и подтяну, — злобно подумал Миша, — этот долбоеб точно не предаст. Патологически честен, сука...» Оставалось согласовать схему с шефом.

21. Первая кровь

К сорока годам Миша обрел смысл жизни. Одно время он всерьез присматривался к инвестициям в компьютерные игры. Какие-то мальчишки-зайчики, ничего в этой жизни не видевшие, кроме компьютера, делали миллиарды на странном увлечении точно таких же мальчиков. Последние отчего-то находили, что нет на свете ничего важнее, чем прокачать нарисованный танчик, маг-некроманта или героя на коне. Все это носилось по виртуальным игровым полям, искрило, сталкивалось, набирало очки и навыки — и каждый электрический импульс приносил деньги разработчикам. Считай, из воздуха. Можно ли было просто пройти мимо?

В целях эксперимента Миша приказал установить в своем кабинете игровой компьютер и потратил несколько дней, пытаясь разобраться, на что, собственно, ведутся эти странные люди. Но быстро осознал, что это не для него. Он совершенно не понимал, чем провальный проект в игровом мире отличается от звездного. Почему, например, на танчики народ готов тратить деньги, а на кораблики — уже не очень. Или игрушки-фэнтези. Сколько их! И везде все примерно одинаково. А хитами становятся единицы. Здесь его инвесторская чуйка отказывалась работать. Ну а поскольку государственные деньги на развитие игрушек отчего-то не выделялись, то и действовать по привычным коррупционным схемам было невозможно. Зато он понял главное.

Не будучи знаком даже с основами восточной философии, Миша и раньше подозревал, что окружающий безумный мир — не более чем иллюзия. Слишком много бардака творилось вокруг. Не могут управлять такими огромными деньгами, да что деньгами — странами! — такие невозможные кретины. Невозможно зарабатывать столько денег такими фантастическими способами. Чем дальше, тем меньше Миша понимал, как реально работает даже его собственный бизнес. А ведь это еще далеко не высший уровень. И вот, понаблюдав миры, созданные головастиками-программистами, он вспомнил принцип подобия, о котором в незапамятные времена рассказывали в универе. И картинка сложилась.

В том мире, который люди считают почему-то реальным, происходит ровно то же самое, что и в компьютерной игре, только устроен он сложнее. Тут тебе и стратегия, и RPG, и даже местами — шутеры для любителей. А так... Тоже есть уровни и герои. Есть прокачанные игроки и тупые боты, бегающие по строго определенной схеме. И чем выше твой уровень, тем больше тебе открывается новых пространств. Если прокачивать своего героя, побеждая других героев и выполняя всякие хитрые задания, которые то и дело подбрасывает жизнь, то получаешь левел-ап и открывается что-то вроде портала или приходит откуда ни возьмись проводник. Чтобы перейти на другой уровень, нужно сверхусилие, вроде поступления в универ, бдений в приемной Старченко или собеседования с Рыжим. Хуже всего, что, когда ты сам выходишь на более высокий уровень, практически все ништяки, которые ты успел собрать раньше, теряют всякую ценность. А многое с уровня на уровень просто не переходит. Как та же Алла. Начинать приходится почти с нуля и все собирать заново. Поэтому тот, кто не держится за прошлое, имеет больше шансов выиграть. Но когда на очередном уровне ты достиг всего, дальнейшее пребывание на нем не только бессмысленно, но и вредно: начинаешь заниматься фигней и теряешь навыки. А портал на следующий уровень открыт лишь определенное время. И проводник может уйти в любой момент, а сколько ждать нового — неизвестно. Хотя для играющих на низших уровнях ты — бог, но это быстро надоедает. Богом быть нетрудно. Богом быть скучно. Так вырисовался смысл — надо

пробраться на самый высокий уровень. Других вариантов все равно нет — если не прокачивать своего героя, глазами которого ты видишь этот мир, то либо сожрут, либо будешь бестолково тыкаться и ходить по кругу, пока не кончится игровое время. Игроманы, собственно, так и делают — просто боятся играть в настоящую игру, оттого и залипают на суррогаты.

Миша вышел из кабинета в легком грогги от осознания. Была уже глубокая ночь. За столом шелестела бумажками новая секретарша Маша.

— Ты чего так поздно? — удивился Миша.

— Работы много, Михаил Сергеевич. Я же только из отпуска. Накопилось... — Машино пиццанье доносилось откуда-то снизу, как из подвала.

«Это потому, что она с нижнего уровня», — подумал Миша. Он рассеянно цапнул со стола пачку каких-то распечаток и смотрел на них, не понимая смысла, как на китайскую грамоту.

— Фигня какая-то. Вызови мою машину, и сама езжай домой, — буркнул он и, неловко сунув этот бессмысленный ворох обратно Маше, слегка рассек себе бумагой палец.

— Ой! — пискнула Маша при виде смазанной капельки крови. — Я сейчас, у меня тут ватка была...

Она судорожно полезла в сумочку и, не найдя ничего подходящего, вдруг присосалась к его пальцу. Миша стоял столбом, не зная, как реагировать.

— Ой! — спохватилась Маша. — Простите! Я нечаянно... Видите, кровь уже не идет.

Миша смотрел на нее сверху вниз, как грозный бог на провинившегося служку. Маша прижала уши, как кошка, которую поймали на месте преступления и сейчас будут наказывать. Миша давно не видел, как девушки краснеют. Это оказалось очень мило. «Надо же, стеснительная, — подумал он. — Другие сосут и не краснеют. И не палец...» Ему вдруг стало смешно.

— Ладно, езжай домой, — устало вздохнул он.

— Всего хорошего, Михаил Сергеевич! Ваш водитель ждет...

В машине Миша вырубился. «Уволю завтра к черту...» — промелькнула в гаснущем сознании мысль.

Увольнять Машу он, однако, не стал. Вообще было не до нее. Потому что замаячил выход на тот самый, высший уровень. И Маша со своим странноватым, чуть стеклянным взглядом так и осталась сидеть в приемной.

Обычно Миша старался держаться подальше от инвестиций в инновационное производство, справедливо полагая, что закопать можно много, а не вырастет, скорее всего, ни хера, как учил приснопамятный Старченко. Но поскольку, работая в правительстве, он формально не имел отношения к собственному инвестфонду, то его менеджеры получили некоторую свободу. И купили пару лет назад лавочку GreenFood — какие-то сумасшедшие канадские биологи пытались выращивать искусственное мясо, чтобы потом чуть ли не печатать котлеты на 3D-принтерах. Узнав, Миша покрутил пальцем у виска, но проект оставил: экология, гуманное отношение к животным, спасение голодающих — для пиара на Западе может пригодиться. А тут, оказалось, заинтересовались наши. Какой-то ретивый менеджер на какой-то конференции в МГУ устроил презентацию. И дошло до Принцессы. Дочки самого главного Папы всяя Руси.

Дочка увлекалась инновациями, биотехом, и ей нравилась идея спасения мира. Такова уж участь детей диктаторов — им хочется кого-нибудь спасти. Мише осторожно доложили.

Вообще чиновничий этикет подразумевал держаться подальше от родни Папы. Все пересечения случайны. Не нужно особого внимания. Тем, кто работает близко, трепаться не следует. Особенно о том, чья дочка. Тот, кто треплется, — исчезает. Тот, кто излишне пытается «помочь», — получает по носу. Дочке важно добиться всего самой и протекционизма она не приемлет.

Положение получилось деликатное. Раз Принцесса уже заинтересовалась, нельзя просто сказать, что проект — откровенное фуфло. Это оскорбит ее интеллектуальные претензии. С другой стороны, это уже вход в ближний круг. Пусть поиграет, а там посмотрим. Интеграция биотехнологий в производство — песня долгая. Как говорил Ходжа Насреддин, за это время или ишак помрет, или эмир. Может, и самой надоест. А нужные связи останутся. И Миша приказал разместить опытное производство в России, а сам проект привести в презентабельный вид, чтоб было что показать. Все-таки какая-то биомасса у этих инноваторов вырастала. Мясом, конечно, назвать сложно, и себестоимость пока выше аргентинских стейков, но инновация — она инновация и есть. Мобильники вон раньше тоже стоили дорого. И денег вся эта мясная лавка сжирала не так уж много — ну, опытное производство. Зато все чистенько и все в халатиках. Главное, эту дрянь не есть, поскольку — уже говно. С год все шло ни шатко ни валко, и Миша уже начал забывать об этой дурацкой истории — имелись и более важные дела. Ну, не сыграла ставка — бывает. А тут, буквально на другой день после случая с Машей, разведка доложила точно: в ближайшее время жди инвесторов на GreenFood. Будет Сама.

Миша закрутился, как ужаленный. Хотел даже приказать покрасить траву, но вовремя спохватился и заказал искусственный газон. Менеджеры тем временем проделывали примерно то же самое с отчетностью. В день визита Принцессы заводик блистал, как замок Маркиза Карабаса. Блистал и Михаил со своей сдержанной, но эмоциональной речью:

— Возможно, это будет революцией... Хотя я искренне верю и без всяких «возможно» — это будет революцией. Мне как госслужащему нельзя иметь фаворитов среди бизнеса, однако... К черту!... Сейчас все носятся с информационными технологиями. Я и сам много лет в них инвестировал. Но настоящий технологический рывок — за биологами. Как только мы решим вопрос еды, как только в мире не останется ни одного голодающего... Именно это и будет настоящей революцией!

Принцесса смотрела влюбленно. Естественно, как только Дочка изъявила желание купить GreenFood, Миша его продал. Цену предложили не просто рыночную, а, как говорили в таких случаях, премиальную. Мало того, Мише оставили относительно небольшую, но вполне приличную долю. Это было предложение, от которого не отказываются. Знак высочайшего расположения. Но выйти из проекта Миша уже не мог.

Официально он был не при делах, но фактически был назначен ответственным куратором. Его инвестфонд предложил менеджеров, которых Дочка безоговорочно поддержала. Естественно, инвестиции обрушились на GreenFood потоком. Вместо опытного заводика опережающими темпами начал строиться грандиозный производственный комплекс. Целый ряд крупных компаний подписали протоколы о намерениях покупки мясного биопродукта, как теперь называлось это говно.

Поначалу Миша даже пытался более-менее по-честному наладить сбыт. Но вскоре махнул рукой — только зря засветишься. Приходилось идти проверенным путем — подставлять своих покупателей. Сама по себе схема была рабочей, но предполагала последующую продажу какому-нибудь глобальному игроку, чтобы он и списывал убытки. Здесь же это было невозможно — все горшки с западными партнерами у Папы были давно перебиты, и близкие к нему активы стали недобро называть «токсичными».

Зато теперь он встречался с Папой практически каждый месяц. Наедине. А сам факт этих встреч сулил огромную капитализацию. Пошли даже слухи, что следующую генерацию министров должны возглавлять такие, как Миша. Молодые убежденные патриоты-технократы. Только они могут вывести страну из экономического тупика.

Все это в корне подрывало Мишину бизнес-стратегию по легализации на Западе, которую они когда-то так скрупулезно выстраивали с Петром Алексеевичем. «Так, чего доброго, невыездным станешь», — думал Миша, возвращаясь в свое маленькое министерство, где царила стеклянноглазая Маша.

За последний год девушка мощно выросла. Как-то само собой получилось, что заменить ее стало некем. Ушла в декрет старая Мишина помощница Лена, а прочие девочки отчего-то тупели прямо на глазах и делали одну несусветную глупость за другой. И только Маша оставалась бесстрашна и неумоима. За глаза ее называли Снежной Королевой. Там, где была она, все отчего-то складывалось. И вообще здесь и сейчас все было хорошо. Но Мишу почему-то не покидало ощущение, что он занял номер люкс на «Титанике». Он понимал, что Маша здесь, конечно же, ни при чем.

Производство говномяса было запущено точно в срок, и это была катастрофа. Откровенно говоря, в последнее время Миша всерьез подумывал, а не устроить ли на этом ебучем заводе небольшую диверсию или хотя бы пожар. Но никак не мог решиться. Выкуп десятков тонн говна в месяц у самого себя он бы уже не потянул чисто экономически. Запустят вторую очередь — и, считай, вся его бизнес-империя потихоньку начнет работать на этот заколдованный круг говна. Так нельзя. Оставалось одно — надувать пузырь и выводить бабки. Тем более что ушлые менеджеры давно почуяли, куда ветер дует, и успели отгрохать себе по особняку в Испании. Не дурнее же он своих менеджеров, в конце концов. На этом уровне в эту игру поиграть не получилось — признаем. Что ж, значит, надо выходить — и играть в другую. Часть выведенных средств можно заводить на условных покупателей, это позволит потянуть время. А с новыми кредитами на развитие для проекта Дочки проблем не будет.

Но конечно, утаить шило в мешке было невозможно. В отношениях с Папой пробежал заметный холодок. Встречи стали переноситься и срываться в последний момент. И коллеги-чиновники с их фантастическим чутьем все прекрасно замечали. Статус в иерархии определяется просто — имеешь ли ты доступ к телу Папы или нет. Если имеешь, то вокруг тебя роятся люди, которые хотят сказать что-то очень важное. Хотят пообщаться. И тем более хотят пообщаться в неофициальной обстановке. Если же доступа к телу нет, то ты никто. Формальный статус привлекает только сумасшедших общественников. Все серьезные просители выветрились. Рабочие встречи превратились в бессмыслицу, пожирающую время. Потом было заседание правительства.

— ...Некоторым министрам следовало бы подумать о трудовой дисциплине. У нас не частная лавочка, у нас государственная служба. Хотите заниматься бизнесом — двери открыты. Никто не держит, — Папа все это выговаривал как бы ни на кого не смотря, но голову повернул в сторону Миши.

Фактически это означало приговор. Который исполнялся с иезуитским изяществом. Встречи с Папой прекратились фактически, но по-прежнему регулярно назначались. Однажды, ожидая, он провел весь день в приемной. И в два часа ночи было объявлено, что прием окончен. Потом вроде как был назначен следующий прием. Но и он был перенесен. А после того как Миша, сидя в приемной, пропустил совет директоров GreenFood (на котором, строго говоря, формально ему и делать-то было нечего), доброты донесли, что Принцесса восприняла это как личную обиду и признание вины. Естественно, встретиться с Принцессой было тоже невозможно. Да и что скажешь? Что вынужден был мухлевать? Что могли бы и сами управлять проектом? Что он предупреждал: не нужен такой гомерический размах? Детский сад какой-то. И снова его звали на встречу к Папе. Мимходом Папа сказал:

— Михаил Сергеевич, я жду вас завтра.

Сказано было ласково, почти тепло. Но встреча снова отменилась... В детстве Миша наблюдал, как его кот играл с мышкой. Коты вообще игривые создания. Они никогда так просто не сожрут добычу. И даже не убьют ее. Они будут играть со своей жертвой. Дадут возможность побегать, дадут надежду... Потом цап лапой — и подвинут к себе. Прижмут. И снова отпустят. И снова

схватят зубами — вернут на место. И так до тех пор, пока из мышки не выйдет вся жизненная сила. Пока еще недавно лоснящаяся шерсть не пожухнет, пока мышка не устанет бежать. И тогда кот ее будет бить сильнее, заставляя проявлять хоть какие-то признаки жизни. И Миша впервые в жизни почувствовал себя той самой мышкой.

В тот день он дико напился, чего раньше с ним никогда не случалось. Дома швырял бутылки в дизайнерские зеркала, распугал прислугу и заблевал кровать. Краешком сознания он понимал: конечно, доложат. Но это было выше его сил. «Су-ки!.. — выл он в подушку. — Бля-ади!.. Т-твари!.. Ни хера в экономике не понимают — а лезут!.. И хуй объяснишь... Все просрали уже! Мне, что ли, это надо?!» Он действительно чувствовал себя бизнесменом, пострадавшим от произвола власти.

Проснулся он, тем не менее, рано. Голова была на удивление ясной, лишь слегка потряхивало. Решение созрело и упало: пора валить. Пока трамваи ходят. Он вызвал горничную.

— Уберите здесь, — приказал, глядя в глаза.

Привел себя в порядок, вызвал водителя и поехал на службу. Нужно было подчистить кое-какие концы, чтобы свалить по-тихому. Самолет у него никто не отнимал, свободу не ограничивал. Министерство гудело — все обсуждали новые санкционные списки. Обнаружив в них себя, Миша даже улыбнулся. Хотя нет худа без добра — тоже своего рода охранная грамота по нынешним временам. Теперь, может, история с GreenFood и сойдет с рук. Мало ли у нас таких прожектов. Один Рыжий сколько закопал — и ничего. Пройдет время — никто и не вспомнит. И надо еще посмотреть, что реально означают эти санкции. Вряд ли прям уж арест в аэропорту с конфискацией. Разберемся. Проведем перезагрузку. Главное, не дергаться. Вон как Маша. Он решительно вошел в кабинет, кивнув девушке со стеклянными глазами.

22. Опричник

От Миши действительно отстали. А историю с GreenFood тихо спустили на тормозах. Но, видно, правду говорят, что невнимание хуже порки. Теперь Миша по-настоящему сделался министром без портфеля. Все преимущества положения вроде отсутствия ответственности при статусе, дающем доступ на самый верх, обернулись пустышками. На него просто не обращали внимания, а если и замечали, то не воспринимали всерьез. Какой-какой министр? По связям с предпринимательством? А можешь меня связать с невозвратным кредитом на пару ярдов? А то в стране деньги заканчиваются. Нет? А что можешь? Круглый стол? Не, не интересно.

Умом Миша понимал, что если уж попал в болото, то лучше не дергаться. Но при его темпераменте это было невыносимо. Он ходил мрачнее тучи и орал на всех подчиненных, кроме Снежной Маши (теперь это стало у нее вроде фамилии). «Какая, на хрен, королева?! — злобно думал Михаил. — Отмороженная девка. Каменная». Как ни странно, он так ни разу и не попытался затащить Машу в постель, точнее говоря, наклонить над столом, хотя девушка всегда засиживалась допоздна и никогда не уходила раньше шефа. А Миша от нервов и унижения впал в какую-то юношескую гиперсексуальность, еженедельно сгоняя то на дачу, то на личный самолет по пять-семь самых юных блядей, которых только могли предложить эскорт-агентства. В сексе был груб и требователен. «Те же менеджеры, — шипел он, стягивая использованный презерватив. — Ни отсосать, ни заработать!» Очередная не угодившая девочка хлопала нарисованными глазами. Так и подмывало выкинуть ее из самолета, но он не знал, возможно ли это чисто технически. Не у экипажа же спрашивать.

С санкционными списками тоже вылезла мутная история. Никто, в общем-то, въезд в приличные страны не закрывал и ничего там не арестовывал. Но то и дело разные люди, серьезные и небедные, прилетая на Запад, на ровном месте попадали в пространство какого-то липкого безумия, как сталкеры в аномалию. Одному завернули ласты прямо в аэропорту и принялись шить какую-то неуплату налогов за виллу, которые испокон веков все нормальные люди так и покупали — сразу с офшорками. Другому на голубом глазу заявили, что банк, с которым тот работал много лет, к сожалению, вынужден отказать ему в обслуживании без объяснения причин, на что имеет полное право согласно пункту такому-то. Третьему в обслуживании не отказали, но с серьезностью шизофреников принялись требовать какие-то идиотские справки, в том числе — подлинник свидетельства о рождении. «Кто вы такие — вас здесь не ждут!» — пел с хрипотцой Высоцкий, которого в последнее время Миша слушал все чаще и чаще: свободное время теперь позволяло, а выпить хотелось постоянно. Хуже всего, что в тусовке ходили упорные слухи, что помимо опубликованных списков существует какая-то секретная часть, и тех, кто туда попал, западные спецслужбы пробивают особо и именно что ждут — с распростертыми. Проверять на себе желания не было.

Конечно, устраиваясь на госслужбу, Миша, как это было принято, продал свои активы своим же офшоркам. Но тогда за этим никто особо не следил, так что сделано все было, откровенно говоря, наспех и через пень-колоду. Теперь же офшорки с космонавтами во главе стали прикрытием сильно ненадежным. Чтобы нормально жить на Западе, возникла необходимость не просто легализовывать доходы, а натурально объяснять местным товарищам, которые за все хорошее против всего плохого, что ты не верблюд. Тайну вкладов, частной жизни и презумпцию

невиновности все имели в виду. По крайней мере, на русских это теперь точно не распространялось.

В итоге по здравому размышлению Миша решил переоформить активы и недвижку на Петра Алексеевича. Будет нормальный легитимный собственник. Головаастенький IT-бизнесмен, а никакой не олигарх. Там таких любят. А Петька точно не кинет. Да и пора бы ему отдохнуть. Заслужил. Петр Алексеевич за последнее время действительно сильно постарел и утратил безотказность хорошо отлаженного механизма. Подвисал и притормаживал, как старенький планшет. Как видно, он в значительной мере жил и работал на энергии шефа. Зато ни в какие списки тихий Петя уж точно попасть не мог. Петр Алексеевич, выслушав предложение Миши, как-то странно погрузнел, но согласился. В конце концов, что его удерживало в России? Даже семьей так и не обзавелся. Петр Алексеевич улетел наводить порядок в западных кубышках, а Миша до поры до времени предпочел остаться в Москве: «Ничего, через полгода-год максимум уйду чистеньким».

Но и в Москве было нехорошо. Денег стало меньше, причем ощутимо, даже для людей уровня Миши. Но это было еще полбеды. Нарастало глухое раздражение, причем сразу везде. Внизу то и дело бұзили бандерлоги (термин прижился с легкой руки Папы, который действительно часто бывал очень точен в формулировках), коммерсов и чиновников до тоски доводил облом стратегии личного передвижения на Запад, и даже силовики бесились, что их заставили лечь под черных.

Бандерлогов пиздили дубинками и закрывали в обезьянник, чтобы подумали, как будут отдавать ипотеку, кого-нибудь из коммерсов, чиновников и силовиков время от времени закрывали надолго, но репрессии не были массовыми, оттого не вызывали священного трепета, а только усиливали раздражение. Мишины коллеги давно поглядывали оппозиционные сайты, а кое-кто втихаря даже подкидывал главному оппозиционеру деньжат — не столько из стратегических, сколько из хулиганских побуждений. И если в трезвом виде ответственные товарищи все-таки вели дозволенные речи, то, подвыпив, почти никто не стеснялся в выражении собственной позиции. Общий смысл сводился к тому, что надо ж было такое устроить, когда все было так хорошо. И претензии адресовались персонально — Папе.

Миша со своей внезапно открывшейся тягой к возлияниям волей-неволей попадал в пространство этих разговоров. Никто ведь не собирался специально на кухнях или в потайных масонских ложах. Достаточно было просто начать бухать. Патриотам для полного духовного слияния с оппозицией просто требовалось чуть больше алкоголя. Благодаря этим разговорам глубокая личная обида на Папу обрела в сознании Миши легитимность и законное место.

Однажды Миша забрел на пьянку к знакомым фээсам — и там наслушался такого, что аж протрезвел. Служивые костерили Папу и в хвост и в гриву, свободно используя служебную информацию и переходя на личности. Причем полное впечатление — абсолютно не боялись, что кто-то настучит, хотя стучали, без сомнения, все. Выглядело все не то как коллективная угроза, не то как взаимная провокация.

— Я же их, блядь, по горам гонял! А тут один мой дурачок из отдела, молодой, туда перевелся — и доволен до охуенья. А чего, говорит, делать ни хуя не надо плюс прибавка от Главджигита. Семью туда перевез. Я ему — ты debil, завтра бабки кончатся, ты же крайним будешь. Сам дурак, хоть жену пожалей. А он глазами похлопал и поехал довольный, — разорвался моложавый дядька с проседью, по виду где-то подпол.

— Да их уже поколение таких ослов выросло. А хули, если Он черным башляет, конечно, они все здесь купят. Раньше они хоть со своими горными корочками приезжали, а сейчас все с нашими, московскими, — пожимал плечами второй, похожий на первого, как брат-близнец, только трезвее.

— А я тебе так скажу, Паша, — интимно склонялся к нему седой, — вот это и есть предательство интересов Родины.

«Что значит — школа. И не поймешь, кого имел в виду. Ну, эти — как собаки: могут рычать на хозяина, но рвать будут только когда прикажет и кого прикажет», — думал ошарашенный Миша.

Савелий за соседним столом развлекал небольшую компашку господ офицеров байками из частнодетективной жизни, вторым вниманием удерживая в поле зрения министра без портфеля. Строго говоря, никакой практической пользы в случайной встрече с объектом на тусовке не было. Для вербовки это пространство не подходило категорически. Пьяный-то он пьяный, а вон, каждая мышца напряжена, чисто волк посреди собачьей стаи. Тем не менее сам факт Савва расценил как безусловный знак оперативной удачи: то был недоступен, что хрен подберешься, а теперь — вот он, небожитель, пожалуйста. Значит, защита его ослабла, фортуна вышла покурить, и можно переходить от осады к активным действиям. За годы работы Савелий научился чувствовать такие вещи. К сожалению, данный факт заставлял отнестись серьезно и к другим словам Колдуна. «Машу ебать не вздумай, — наставлял Колдун, едва только отпустил девушку назад в Москву. — И вообще рядом с собой не держи. У нее сейчас в министерстве этом хорошо дела пойдут, может, карьеру сделает или еще как-то... Ну и ты по деньгам будешь не в обиде. А ее отпусти с миром. Иначе баб у тебя будет мало. Сказку помнишь: коня бери, уздечку не трогай. Вот она теперь вроде той уздечки».

Самое интересное, по деньгам тоже все складывалось отлично. Мальчишечка Тимофей аккуратно заносил Савве требуемые суммы, не испытывая, очевидно, ни малейших проблем, связанных с объективной нехваткой средств. И сам заметно повеселел и посвежел. К тому же по старым контактам замаячила темка не просто интересная, а очень интересная. Обкатать которую можно было как раз на этом коррупционере-неудачнике. Черт, Машу безумно жаль. После Кипра девушка дивно похорошела. Проявилось в ней что-то мощное, природное... и отстраненно-беспощадное. Как океан, который может быть игривым и ласковым, а может — обессилить и поглотить, но в том и другом случае даже не обратит на вас внимания. Это притягивало. Интересно, что этот чертов Колдун с ней все-таки сделал?..

...Генерал, много лет прикрывавший Савву, был немногословен. Поставлена задача: делать можно что угодно, но надо как-то потушить этот праздник непослушания.

— Прямо совсем что угодно? — прищурился Савелий.

— Любые предложения будут выслушаны. Конечно, нужно согласовать, но предложения — любые. За исключением того, что сейчас не тридцать седьмой год, как мы все знаем, — генерал многозначительно глянул вверх. — А так — ни в чем себя не ограничивать. Откровенно говоря, рабочих вариантов пока нет. А ты парень с головой, мыслишь не по шаблонам. Поэтому и обсуждаю с тобой...

Настроение генерала Савве не понравилось. Вообще, в коридорах Большого Дома буквально физически ощущалась какая-то смесь невроза с апатией. Даже смотрел куратор теперь по большей части в окно. А ведь раньше проникал взглядом сквозь собеседника в пространство, как радиация.

— Может, просто убрать главного смутьяна? — бросил пробный камешек Савва.

Генерал только поморщился, мол, ну вот, перехвалил...

— Ты же знаешь, что никто не согласует. Да и не в нем дело, — вымолвил начальник и снова уставился в окно.

— Вообще, у меня есть план для согласования, — Савва не был бы самим собой, если бы явился на встречу неподготовленным. О чем болит голова у кураторов, нетрудно было догадаться.

Генерал без всякого интереса взял Саввины бумажки. К Савелию он питал почти отцовские чувства. В конце концов, парень не раз выручал его, когда требовалось нестандартное решение. Отчасти благодаря ему сам генерал сделал карьеру. Да чего уж там... У них сложился хороший тандем. Савва не хотел работать в системе, но был смышлен и дерзок. А генерал не видел жизни вне системы. Савва получал бабки, генерал — звездочки, которые потом как-то сами собой конвертировались в бабки. Все были счастливы. Но теперь это могло закончиться в любой момент. Все, что происходило сейчас, он когда-то уже видел. Когда власть теряет веру, уходит и вера во власть. После этого любые действия, даже самые грамотные — бесполезны и даже вредны. И никто не угадает, какая соломинка сломает спину глупому разжиревшему верблюду.

— План хороший. Такое согласуют.

Савва выдохнул. Несколько дней он казенным языком описывал свою идею. Придумать-то легко, а вот правильную бумажку составить — тяжело. Суть задумки сводилась к следующему. Раз нельзя остановить процесс, его надо возглавить — это ясно. Для чего создать неформальную структуру — что-то вроде ОБХСС, только с использованием новейших информационных технологий (формальная для решений этих задач не годится — как мы видим по последним делам, и сбор доказательной базы, и информационное сопровождение осуществляются на крайне низком уровне). Грамотное PR-сопровождение позволит извлечь максимум пользы из каждого задержания, избежать массовых репрессий, одернуть зарвавшихся и удовлетворить общий запрос на справедливость. Естественно, непосредственно задержания осуществляют уже официальные силовые структуры.

— Технически все просто, — пояснял Савва. — Копируем схему главного оппозиционера: делаем черные ящики, электронные и физические, куда люди могли бы пожаловаться на коррупционера. Ну как люди... Скорее, подчиненные этого самого коррупционера. Одновременно мониторим соцсети — кто там у нас фоточки с яхт постит? Да считай, что все. Не сами, так жены-любовницы понтуются. Короче, выбираем тех, кто так или иначе выставляет свое богатство напоказ. Согласовываем кандидата. Собираем базу. Вы его закрываете. А потом кормим СМИ картинками — вот вчера негодяй по заграничным курортам гонял (пожалуйста: его фотки из его же Инстаграма), а вот уже подонка в наручниках ведут. Воровать от этого меньше не станут, а вот так нагло выставлять напоказ наворованное и дразнить простой народ — поостерегутся. Всем тяжело — всем хорошо. У нас пострадать любят.

Генерал кивнул, соглашаясь.

— Собственно, наша задача на данном этапе, — продолжал Савелий, — это показать, что оппозиционеры не могут дать крови. Это может дать только власть. Утолить голод справедливости. На самом деле нынешние посадки неэффективны как раз потому, что нет даже видимости справедливости. Это, кстати, и для элит важно. Воруют все. Что сажают за то, что украл, никто не верит. Значит, закрыть могут любого и в любой момент. Так и до заговора недолго. А когда поймут, что сажают не за то, что оказался не в том месте не в то время, а за то, что понтовался, возникнет новый общественный договор. Это снизит напряженность.

Генерал оторвался от бумаг и посмотрел на Савву. Было в тот момент в его кучерявом подопечном что-то библейское.

— Грохнут только тебя... А так все хорошо, — пробормотал генерал на прощание.

Савва покинул казенный дом — как из подлодки вылез. Своим здесь он так и не стал. Все эти офицерские попойки, рассказы сальных баек — сделались пустой формальностью. Кураж ушел. Остались только мрачные коридоры, которые не смог освежить даже люксовый ремонт. «Все-таки прав генерал, без веры все рассыпается», — подумал Савва и заморгал глазами. Кажется, генерал, ничего такого не говорил, по крайней мере вслух. Он что, уже научился читать мысли, как этот чертов Колдун? А Колдун разве может читать мысли? Стоп-стоп-стоп. Теперь Савва отчетливо

вспомнил: что-то такое о вере ему говорил как раз Колдун. Ну да, и еще добавлял, что вера и фанатизм — разные вещи. Просто в голове вертелся заказ, полученный через Колдуна, вот он и перепутал. Уф-ф. «А во что, интересно, верю я? И верю ли вообще? — по инерции продолжал додумывать Савелий. — Наверное, все-таки — да. В оперативную удачу», — решил он в конце концов.

Савва, конечно, не стал рассказывать генералу, что всю операцию под рабочим названием «ОБХСС возвращается» он придумал как раз благодаря этому заказу. Вся мясорубка изначально собиралась с одной целью — чтобы засунуть туда Мишу. В качестве врага народа Миша подходил идеально. Папиного доверия не оправдал. Участвовал в несправедливой приватизации. Должность солидная, но в системе, по большому счету, никто. Да еще бывший зам Рыжего. Сам Рыжий — отчего-то неприкасаемый, так что на его людях оттянутся с особым удовольствием. Единственная сложность — объект не засвечен в соцсетях. Сам дурью не мается, жены нет, постоянной любовницы тоже. А девочек-эскортниц вышколенная охрана шмонает еще почище, чем в аэропорту после теракта. Но и тут помог Рыжий.

Самолет в личное пользование он выделил Мише персональным волевым решением, в режиме чрезвычайщины при разборках с неплательщиками. И Миша, что называется, подсел. Личный самолет стал для него чем-то вроде коня для кочевника. Перейдя на должность министра, которому формально такая роскошь не полагалась, он просто купил себе самолет, в котором натурально чуть ли не жил. Там же работал, там же, по слухам, трахался, там же давал многочисленные интервью о развитии предпринимательства в России. Видеоряда — сколько угодно. Не про траханье, конечно, но все равно — буржуазный образ жизни. Главное — зацепиться. Если Мишу согласуют, госзащита с него будет снята, а остальное — дело техники. Самолет, он еще чем хорош — неважно, по большому счету, на кого он оформлен, важно — кто на нем летает.

Еще совсем недавно это было в порядке вещей — на уровне от замминистра все так летали, не бизнес-классом же, в самом деле. Но времена наступали суровые, аскетичные. Один вон любимую собачку так свозил (а как еще-то, спрашивается) — и сколько его потом полоскали? Повезло, что про собачку слил главный оппозиционер, что давало своего рода индульгенцию. Так это вам не Миша-без-портфеля, это — фигура, системный игрок. А Мишу — конечно, сожрут. Тем более бабки там хорошие. Есть что взять. Сами чекисты, понятно, не найдут, но ничего, поможем за долю малую. Раскрутится ли мясорубка дальше? Помогут ли эти жертвы власти? Первое — скорее да, второе — скорее нет. Может, на какое-то время. Главное, вовремя соскочить. Как сказано у классика, с двумя балыками под мышкой.

23. Брут

Петр Алексеевич блаженствовал. Свершилось чудо: ослик, всю жизнь тащивший конский воз, вдруг вывалился на склад морковки, о существовании которого и не подозревал. В оранжево-охристой Испании ему нравилось все. Он никогда не был гурманом, а здесь распробовал густые терпкие вина и выдержанные хамоны. Он никогда не был бабником, а здешние чернявые, крючковатые с лица женщины заводили его, как никто и никогда даже в молодости. Он утратил свою ботаническую стеснительность и знакомился легко, в одно касание. То, что испанки практически не знали английского, только все упрощало. Странно, все это он мог себе позволить вот уже много лет, но купленные в Москве вина и женщины были задержаны и безвкусны.

В России длинный лысеющий очкарик был чмо, и с ним можно было только за деньги. Здесь же умный IT-бизнесмен внушал чувство симпатии и безопасности. В отличие от вечно замороженных русских баб, испанки относились к сексу легко, просто получая удовольствие. Она свободна, он тоже — почему бы и нет? Зато если внешняя сексуальность русских в постели, как правило, оборачивалась нудной раздражающей зажатостью, то здесь было все наоборот. Средняя испанка вообще напоминает воробья. Огонь и фламенко начинаются уже в койке.

Сначала Петю это удивляло, а потом он заметил, что тут в самой атмосфере царила расслабленность, но не ленивая, а дерзкая, как у котов и природных хулиганов. Аскетичный дисциплинированный Петя просыпался в номере Marabella Club Отеля со зрелой ухоженной брюнеткой, завтракал шампанским и расслабленно выползал на пляж. Его никто не дергал. Более того, и он сам, некогда напористый и беспощадный, реагировал на вечное «маньяна» местных финансистов и адвокатов даже с какой-то внутренней радостью, словно в универе отменили пары. Перезапись криво оформленных Мишиных активов после бесконечного хаоса финдиректорства была разболтанным занятием в кайф.

Собственно, всего-то и нужно было — вывести Мишу из совладельцев офшорок, являвшихся в свою очередь владельцами инновационных бизнесов и традиционных виноградников, в которых воплотилась выкачанная из совдеповских электростанций энергия. Раньше цепочка офшорных фирм считалась надежным средством защиты, теперь же, с легкой руки оппозиционеров-инноваторов, все пробивалось до самой бенефициаровой жопы. Задачу сильно упрощало то, что за многие офшорки, как выяснилось, тупо забывали платить годами, поэтому переоформление задним числом выглядело в некотором смысле естественным. И даже то, что переоформлял-то на себя, — не волновало. У него и так было достаточно денег. А Миша сюда все равно не приедет, он знал.

Отправляя Тимофею очередную сумму на закапывание шефа и друга, он даже не пытался не думать об этом. Гнать от себя мысли не было необходимости, потому что и мыслей-то не было. Кристальная ясность ситуации не выводила из состояния внутреннего спокойствия и расслабленности. Да, вот именно этого он втайне хотел всегда. Вот именно такой жизни. И без Миши. Только всегда знал почему-то, что ему — нельзя. Нужно много, много работать. Так его учили папа и мама. Но они ошибались.

Петр Алексеевич как-то интуитивно чувствовал: все, что он сейчас имеет, — не является результатом его труда. В том смысле, что он мог бы усираться сколько угодно, но не получить ничего. А мог бы вообще не работать — и иметь несравнимо больше. Черт его знает. Не получалось оценить, какому из множеств вероятностей принадлежит результат. Слишком много неизвестных в задаче, слишком сложны функции. Привычная математическая логика отказывалась работать. Чтобы разобраться в этом, необходимо было нырять в пространство хаоса и парадоксов Колдуна. А там на неведомых дорожках — следы невиданных зверей. Не то чтобы Петя так уж боялся невиданных зверей, но вот расстаться с логикой был не готов ни за что на свете. Так что просто принял для себя: одна из базовых аксиом оказалась ложной. Утверждалось, что нельзя, а оказалось — можно. И в этом великом «можно» не было ни страха, ни вины.

Только теперь он почувствовал, как устал с тех пор, как двадцать лет назад впрягся в безумную Мишину колесницу. Петя прекрасно понимал, что бизнес, по крайней мере крупный, завязанный на власть, — это не его. Но с другой стороны, а что — его? Ведь даже полузабытая универовская математика его никогда особенно-то и не интересовала как наука. Он же не мечтал о лаврах Перельмана или Ферма. Просто знал, что надо учиться (еще одна аксиома?) — ну и учился тому, на что лично его мозгов хватало. Жертвовать ради Мишиных авантур было нечем. Жалеть вроде бы тоже не о чем. Ему всего сорок пять. Можно просто пожить по-человечески.

Шли месяцы, но жизнь в раю не надоедала. Умный Петя довольно быстро поймал себя на мысли, что каждый день похож на предыдущий. И очень удивился, что это его совсем не напрягает. Дни повторялись здесь, дни повторялись в Москве, дни повторялись даже в полузабытом, как кошмарный сон, Новоахтарске. Бессмысленность рассеянного образа жизни оказалась ничуть не бессмысленнее лихорадочной суеты бизнеса. А если так, то уж лучше, когда есть солнце, еда, вино и женщины. Здесь хоть это — настоящее.

Пете отчего-то постоянно вспоминался старый советский анекдот про русского туриста на грузинском кладбище. «Почему у вас на памятниках не две даты, а три? — Э, потому что мужчина начинает жить толко с того момэнта, когда есть дом, «Волга», деньги и женщины! — Блядь! На моем надгробии напишите: родился мертвым!» Глядя на испанцев, Петя понимал, что анекдот, конечно, не про деньги, не про «Волгу» и даже не про женщин. Он про трупную скованность одних и живую расслабленность других. Петя с какой-то тихой грустью осознавал, что да, он сам — родился мертвым. И вот каким-то чудом оказался среди живых. И здесь его все устраивало. Оттуда — ничто не волновало.

Из материалов прослушки

Разговор велся на английском. Перевод (звание, фамилия). Собеседник 1 — объект наблюдения, собеседник 2 — глава инвестиционного фонда.

C1: Ты плохо выглядишь.

C2: В России очень плохая экология.

C1: Ты просто жрешь всякое говно. Я же говорил — если хоть полслова на этикетке по-русски, это нельзя есть. И цена ничего не решает. Здесь тебе за любые деньги продадут говно. В ресторанах нельзя есть тем более. Ты видишь? Я только пью воду. Мне ее привозят. А ты жрешь говно. Поэтому ничего не соображаешь. Ты разжирел. И от тебя нездоровый запах.

C2: В Британии не принято указывать на физиологические недостатки собеседника.

C1: В Британии не принято зарабатывать с убытков! Я веселюсь, когда вижу русские проекты, которые ты мне показываешь. Их делают идеалисты. Они фанатично верят в свои идеи и не понимают, где они находятся... Они все делают правильно и не понимают, что делают не так. А потом убиваются над тем, что опять ничего не получилось. А просто они в стране говна хотят продать не говно... Зачем ты вообще в это полез? Я пригласил тебя как специалиста по западным проектам. Это то, что нам нужно. А ты тратишь мое время и деньги на то, чтоб разобраться в сортах говна.

C2: Нехорошо говорить за столом про говно. И, к сожалению, я действительно не понял...

C1: Ты и не поймешь. Просто запомни: этот народ потребляет только говно. Худший продукт почти всегда выигрывает в конкуренции. Тупые оппозиционеры думали, что после введения санкций народ будет бунтовать. Нет. Наоборот. Власть дала народу то, чего народ хотел. Отвратительную еду на полках магазинов. В Европе ты даже бомжей не заставишь это есть... Даже водка в Европе лучше того, что ты можешь купить в самых дорогих московских супермаркетах. Водка! Мало того, народ потребляет говно не только в виде еды. Но и в виде музыки, кино, политики, любых вообще товаров и услуг. Это здесь называется — патриотизм. Поэтому когда ты приносишь проект, который выдумал какой-то головастик, чтобы сделать жизнь людей лучше, — он обречен. Пытаясь понизить концентрацию говна, он покушается на самое святое. Потому что они все — патриоты говна. Здесь могут зарабатывать только проекты, которые увеличивают количество говна вокруг. Исключения есть, но они не зарабатывают. Либо сваливают практически сразу, так что их все равно проще подбирать уже на Западе. Ладно, я хотел поговорить о другом. Меня беспокоит этот проект с белком. С ним надо что-то делать.

C2: Я говорил об этом раньше. Проект не имеет никакого экономического смысла. На Западе подобные проекты живут за счет дотаций от государств. Теперь, когда проект имеет очевидные русские корни, никто на Западе не будет в него инвестировать. Без дотаций завод может работать только в убыток.

C1: Не нужно объяснять мне очевидные вещи. Все, что нам необходимо, — это номинальный покупатель. У нас есть возможности, чтобы красиво его упаковать и обеспечить через третьих лиц необходимыми для сделки деньгами. Но я хочу оттуда выйти. Лучше потратиться один раз, чем бесконечно спонсировать вместо государства эту дурь.

C2: Такого рода операции всегда сопряжены с серьезными рисками. Почему бы тебе просто не закрыть проект? Если некоторые инвесторы недовольны... Если некоторые из этих инвесторов имеют существенное влияние... Возможно, имеет смысл рассмотреть вариант возврата денег им. Не думаю, что это обойдется дороже, чем то, что ты предлагаешь.

C1: Как ты это себе представляешь? Рассказать принцессе, что она живет в выдуманном мире? Рассказать, что она дура? Может, ей еще рассказать, что ее папа довел экономику до такого состояния, что здесь нельзя работать, а только воровать? Что любое честное предприятие в России принесет только убытки? Может, мне сразу лечь на рельсы?

C2: Я, к сожалению, не знаю тонкостей политической ситуации в России...

C1: Тогда я тебе их объясню. Есть неменяемый папаша, который бегаёт с идеей русского мира. Это как раз то, что я тебе объяснял про говно. Из-за него я теперь невыездной. Что он хочет, никто толком не знает. Но он у нас очень обидчивый и агрессивный. И есть его дочка, которая как бы большая ученая. Она живет в своем иллюзорном мире. Наука и спасение человечества. Все ее проекты — успешные, их проводят по высшему разряду. Люди, которые работают с принцессой, — неприкасаемые. Только это стоит очень дорого. И мы на этом обосрались. И теперь надо просто найти другого дурака вместо себя. А ты хочешь, чтобы я вместо этого разрушил их иллюзорный мир. Мне не скажут спасибо за это. Люди болезненно расстаются со своими иллюзиями.

C2: Мне кажется, я понял... Но почему ты обращаешься ко мне? Российский инвестор в этой ситуации выглядел бы намного уместнее, стоил бы дешевле, и найти его проще...

C1: *(Говорит по-русски.)* Включи мозги! Какой на хуй российский инвестор! Здесь всех, у кого деньги остались, по пальцам пересчитать можно, и те только и думают, как бы соскочить. Все всех знают, сдадут тут же. А ваш какой-нибудь задрот, может, и пойдет от бедности. А для русского мира любой западный задрот — за счастье. Не может русский мир без западных задротов, ради них, блядь, все и делалось...

C2: Прости, я опять не понял.

C1: И не надо. Это уже ебаная русская диалектика. Твоя задача — найти западного задрота. *(Переходит на английский.)* Номинального западного инвестора, который выкупит мою долю за мои же деньги. Ок?

C2: Ок.

C1: Я позвоню, чтобы тебе начали возить нормальную еду. И бегай по утрам.

C2: Спасибо.

... — Я бы все-таки рекомендовал вам пройти обследование, — испанский эскулап улыбался Петру Алексеевичу в тридцать два зуба. — Думаю, ничего серьезного, просто переутомились. Но все-таки странно мужчине в вашем возрасте потерять сознание на пляже. И гемоглобин у вас низковат.

Доктор протянул хмурому нахохлившемуся Пете распечатки анализов. Паршивее всего было то, что Петр Алексеевич действительно в упор не помнил, как его привезли в эту чертову клинику. Он лежал на пляже с Софи. Кажется, задремал. В последнее время он действительно чувствовал себя несколько уставшим. Сказался, видимо, избыток секса. Черт, даже стыдно как-то. За пьяного, наверное, приняли. Анализы какие-то успели взять... Он цапнул листы с табличками и циферками, сухо поблагодарил врача, расплатился наличными и вышел. Хотел швырнуть распечатки в урну, но подумал и забрал с собой. Почему бы, действительно, не обследоваться в какой-нибудь приличной клинике? Миша вон раз в полгода исчезал с этой целью недели на две, а он сам и не помнил, когда последний раз был у врача. Только не здесь, конечно, — они со своим «маньяна» наобследуют... Да и вообще, что-то засиделся он в Испании. Пора бы и проветриться.

Германию Петр Алексеевич просто обожал, но к этому обожанию примешивалась некая толика обиды: немецкие Альпы до боли напоминали Новоахтарское Нагорье, куда он еще в студенчестве любил выбираться на шашлыки. Те же столетние сосны, чистейший до рези в глазах снег, воздух, который хотелось пить... Только без клещей, от неощутимого укуса которых запросто можно было подхватить энцефалит пополам с боррелиозом, без вечно пьяных агрессивно-навязчивых аборигенов, без куч мусора, словно нарисованных в фотешопе посреди сказочной красоты природы... И если Испания не вызвала зависти просто потому, что у нас такого и не могло бы быть никогда тупо в силу климатических условий, то в Западной Европе становилось абсолютно ясно: все свое засрала сами. Петр Алексеевич не был патриотом — ни по профессиональной обязанности, ни в силу умственной ограниченности, — и все-таки от всего этого делалось немного стыдно, как будто пришел к хорошему человеку в гости, а к себе позвать не можешь, потому что дома бардак, а на площадке — соседи-алкаши, которых ты не в силах поставить на место.

Хорошие люди, впрочем, встретили Петра Алексеевича с распростертыми: забота о здоровье в глазах аккуратных немцев выдавала цивилизованного человека. А то с деньгами — мало ли кто приезжает.

— Очень хорошо, что вы обратились к нам сейчас, герр Фомичефф, — немецкий доктор отличался от испанского примерно как начитанный строгий протестантский пастор от разухабистого монаха-полуязычника. — На этой стадии вероятность ремиссии максимальна. Возможно, конечно, мы ничего не найдем, но скажу по опыту, маркеры показывают достаточно ясно...

— Показывают что? — слегка затупил Петя.

— Вероятность протекания онкологического процесса. Наша задача — как можно скорее обнаружить источник, и я уверен, мы сможем его купировать. Вам не о чем беспокоиться — у нас очень хорошая статистика.

Петр Алексеевич, впрочем, и не думал беспокоиться. Херня какая-то. Вот уж чем-чем, а онкофобией он не страдал совершенно. К тому же одного взгляда на организованную мощь германской медицины было достаточно, чтобы развеять малейшие сомнения: эти любую херню растопчут в зародыше. Действительно, хорошо, что вовремя спохватился.

Все произошло быстро и без всякой патетики. После болезненных и унижительных процедур герр доктор с какой-то шизофренической радостью объявил: рак простаты. Европейский сервис и улыбки медсестер только усиливали контраст. В жизни Петра Алексеевича появились такие дурнопахнущие слова, как катетер, пункция и метастазы. Оказалось, что даже лысоват он был не просто так. Петя и сам не заметил, как попал на конвейер. Точно так же, как в юности он аккуратно ходил на пары, а потом в офис, теперь он ходил на процедуры. Железную волю Миши заменила мертвая хватка врачей.

24. Сестрам по серьгам

Савелий раз за разом перечитывал распечатку прослушки разговора Миши с Бобом и буквально балдел от такой невиданной оперативной удачи. С прослушкой ведь проблема в чем: люди часами говорят про всякую херню и лишь несколько секунд — по делу. Чтобы выловить эти несколько слов в море бессмысленной болтовни, уходит уйма времени и денег. Поэтому, организовывая прослушку, нужно не накрывать объект колпаком, а правильно определить те контакты, с которыми тот будет с наибольшей вероятностью говорить о главном. Их и слушать. И вот тут Савва мог по праву собой гордиться. Он все рассчитал точно: осторожный Миша в жизни бы не позволил себе никакой крамолы в разговорах с соотечественниками. Женщинам он доверял еще меньше. А вот с англичанином — расслабился: наболело. Англик ведь был из другого мира, вроде как и не совсем человек...

Что же касается самой операции «ОБХСС», то и здесь фортуна не только не отвернулась от Саввы, но и, можно сказать, взяла за руку и провела в обход всех мин и ловушек. Предложенная Саввой схема отбора жертв на заклание была слегка оптимизирована наверху. А именно: искать приказали не демонстративные проявления роскоши, а тупо — собственность за границей. Савелий только себя по лбу хлопнул, в том смысле, что слишком дохуя ты умный, парень, для работы с государством. Плевать хотела Родина-мать, что под задницей горит, ей бы закрома пополнить и предателей выявить. Ему ли было не знать, что с некоторых пор западные партнеры практически стали посылать российских сыщиков, игнорируя даже запросы по откровенным бандитам. А Саввины личные контакты с Интерполом позволяли вопросы по-тихому решать. Это и без госзаказа составляло значительную долю доходов его маленького агентства. А уж теперь... Будем батистовые портянки носить и крем-марго кушать. И Миша в эту схему тоже укладывался, как в обойму. Савва вновь оказался монополистом — и в полной безопасности. Когда здесь рванет, он будет далеко.

Смущала только Маша. Зудело, откровенно говоря, почти непрерывно. Однажды Савелий поймал себя на том, что вот уже битый час разговаривает про себя с девушкой, гоняя по кругу одну и ту же пластинку. Он встряхнулся, как кот, которого макнули в ведро с водой, вскочил с кресла, подошел к зеркалу и громко и внятно сказал дикому и помятому своему отражению:

— Еврей я или хуй в стакане?! Уж если выбирать между любовью и деньгами, то я выбираю деньги. Тем более что из любви все равно ничего не выйдет, а деньги — вот они.

По зеркалу словно рябь прошла. Савелий выматерился, вымылся под душем, сунул распечатки в портфель и потопал на встречу с генералом — согласовывать Мишу.

— Яркий злодей. Харизматик, — хмыкнул генерал, перелистывая оперативное дело Миши. — Что у тебя на него?

Савелий внутренне просиял и сделал серьезное лицо. Вопрос означал, что в высочайшем одобрении сомнений у генерала нет, осталось только выдумать способ казни.

— Тут полноценный джентльменский набор получается: коррупционные сделки с невозвратными кредитами, вывод средств за рубеж, нанесение ущерба стратегически важным объектам энергоструктуры страны, фактическое управление бизнесом на госслужбе... — По скучающему выражению лица генерала Савва сообразил: движемся не туда. Когда Папа прочитает Мишины откровения, да еще и вываленные какому-никакому, а представителю западного государства, для предателя потребуется преступление, караемое как минимум четвертованием. А лучше — посадением на кол. Стоп...

— Отличается крайней половой распущенностью, — закинул пробный камешек Савва. Генерал навострил уши, как кот, слышавший за печкой мышиное шуршание, и Савва продолжил:

— Пользуясь служебным положением, завлекает девиц на свой самолет и насилует в жестокой форме.

— Так-таки и насилует? — прищурился генерал.

— Именно. Принуждает угрозами и физически. Там и несовершеннолетние есть, — пошел ва-банк Савва.

— Есть доказательства?

— На сбор доказательной базы потребуется время.

— Сколько?

— Три месяца.

— Охренел, что ли? Месяц.

— Товарищ генерал, хотя бы полтора.

— Да, верно говорят, что евреи — это единственная нация, которая позволяет себе торговаться с Богом. Через полтора месяца у меня должны быть доказательства. Железные!

Оказалось — Савва перестраховывался. Поднять данные на обслуживавших Мишу эскортниц не заняло много времени. И среди них действительно нашлись несовершеннолетние. Значит, внедрять никого не придется. Не малолетки, к сожалению, но шестнадцать-семнадцать — сколько угодно. Девушки с пониженной социальной ответственностью, отправляя мамкам в агентство фотокопии загранпаспорта, элементарно меняли одну циферку в фотошопе. Это было своего рода ноу-хау. Чисто пионеры перед отправкой на фронт. Ну а поскольку летали исключительно бизнес-чартерами, то дальше документы толком никто не проверял. ВИП-авиацией и не такое возили, чего уж там. Собственно, по Мишиной схеме можно было записать в педофилы половину обитателей Охотного ряда, не говоря уже о Краснопресненской набережной.

Так что полтора месяца генералу ждать не пришлось. Наоборот, когда Савва доложил, что доказательная база собрана, его даже подинамили с неделку. Но Савелий не обижался — субординация, дело житейское...

...Каждый деловой человек в России проигрывает в своей голове ситуацию собственного ареста во всех мыслимых вариантах. Хотя вполне хватило бы выучить поговорку «Был бы человек, а статья найдется» и освоить несложное монашеское послушание, смысл которого: что бы ни случилось — молчи. Что, кстати, гарантируется 51-й статьей Конституции.

С начала девяностых Миша готовился к этому событию. Тогда бывало совсем страшно. Он консультировался и с адвокатами, и с бывшими следками и прокурорами, и даже с судьями. Двадцать лет назад любимым чтением был Уголовный кодекс — перед сном Миша считал, сколько статей он намотал за день. И всегда помнил — как можно отмазаться.

Переезд в Москву резко изменил положение. В друзьях и даже в родственниках, правда, дальних, обнаружились генералы ФСБ (собственно, нет в России человека, у которого не было бы близкого чекиста и близкого сидельца). Толку от погон было немного. С ними можно было пообщаться за жизнь, попить чаю и даже водки. Но они всегда смотрели на своих подшефных свысока. Иногда удавалось прощупать почву. С кем можно работать, а с кем прямо сейчас не стоит. И естественным образом подразумевалось, что можно позвонить, «если что». Хотя, как неглупый человек, Миша понимал: случись «если что», дозвониться будет нельзя. Но заранее предупредить могут, намекнуть... Есть шанс.

Естественно, в качестве министра он пополнил телефонную книжку новыми контактами. Миша умел обхаживать. И в его базе были не только министры, но и вершители судеб из АП, и даже члены Совбеза. И уже будучи в опале, Миша продолжал общаться, оказывать мелкие услуги... И между делом интересоваться своей судьбой. Буквально вчера его заверили, что нет причин для беспокойства: его управление по связям с предпринимательством лишается статуса министерства, но его не расформируют, а наоборот, скорее всего, наделят некоторыми надзорными полномочиями...

Поэтому, когда дом его заполнили люди в форме и съемочная группа, Миша буквально впал в транс. Абсурдность обвинения оглушала. Вот этой статьи в его списке не было. Женщины всегда ложились под Мишу сами и с большим энтузиазмом. В последнее время барышень поставляло элитное эскорт-агентство, с рекомендациями от тех самых уважаемых людей, с которыми Миша, собственно, и консультировался. Но не объяснять же это следаку, воняющему потом из-под пиджака?

Откуда-то издали доносились звуки:

— По заявлению гражданки Липатниковой, являющейся матерью и законным представителем несовершеннолетней гражданки... ордер на арест и обыск, ознакомьтесь...

— Понятые, подойдите поближе, смотрим внимательно...

— Тащите еще коробки, нам уже некуда вещдоки паковать...

— Какой тут метраж помещения?..

Он вертел в руках эти омерзительные бумажки — и не мог разобрать, как будто написано не по-русски. Мысли заплясали, тело покинула воля, он обмяк в кресле, которое когда-то достаточно долго подбирал для своего интерьера с курицей-дизайнером.

— Фамилия, имя, отчество, — спрашивал кто-то. Миша диктовал. Будто не знали.

Все всё знали. Миша любил хорошо пожить, и теперь оператор в каких-то говнодавах, оставляя мокрые следы на белом ковре, снимал, как вынимают наличность из сейфа. Последнее вызвало ярость — хотелось как-то действовать. На Мишу не обращали внимания, и он схватился за телефон. Нестерпимо хотелось позвонить. Не фээсбэшным генералам, не в АП, не даже адвокату. Хотелось позвонить Маше. Миша нашарил ее в записной книжке, но спохватился и отдернул палец. Что ей скажешь? Мне будут шить изнасилование, но ты не верь? Я тебя люблю? Бред. Она ведь ему даже не любовница. Да еще и подтянут.

Телефон у него забрали и строго объяснили, что права его во время обыска ограничены.

— Обыск-то зачем?! — не выдержал Миша. — Орудие преступления ищите?

Но на попытки поскандалить никто не реагировал. Его будто бы записали в мертвецы, а он со стороны наблюдал за похоронным ритуалом. И в этом состоянии мысли его были заняты только

одним — разговором с Машей. Он бесконечно проигрывал в голове одно и то же. И во время обыска, и во время допроса, и даже в камере. Девушке с улицы, с которой он толком и не поговорил-то ни разу, он мысленно приписывал тонкость интеллекта и глубину души.

Хотя на свободе размышления его не продвигались дальше, чем нагнуть над столом, теперь ему казалось — они могли быть счастливы.

— Экс-министр по связям с предпринимательством обвиняется в изнасиловании несовершеннолетних, — ведущая теленовостей читала текст с выражением лица бессмысленным и серьезным. — Следствие установило: Михаил Ахтырцев принуждал к оргиям прямо в личном самолете.

Камера выхватывала то пачки валюты, вываленной из сейфа (на самом деле совсем немного), то остекленевшее лицо Миши, из чего становилось ясно, что тот как минимум — кокаинист.

После двух месяцев безумия следствия важняк шепнул ему: вопрос можно решить. Верните выведенные из энергосистемы капиталы на родину — и потерпевшая заберет заявление, а дело спустят на тормозах. Миша только глупо рассмеялся. Аккуратный Петр Алексеевич сделал свое дело: отдавать было нечего. На момент ареста у него оставалось практически лишь то, что менты выгребли из сейфа. Ну, дом на Рублевке и еще какая-то мелочь. А самого Петю земные дела волновали все меньше и меньше. Из клиники в Израиле, куда он перебрался, разочаровавшись в германской медицине, его было не достать никаким каким.

...

— Ну что, вы удовлетворены? — спросил Колдун Тимофея, с удовольствием принимая финальный платеж.

— Даже не знаю... Да, наверное... Вот только... а это точно сделали вы? И... как он узнает, что это — я? Ну, что — от меня? Все-таки три года прошло...

Колдун смотрел на Тимофея и думал, что все-таки кровь — великая сила: многое прощает. После всего пережитого Тимофей не стал умнее. Но стал старше.

— Магия — самая прагматичная штука на земле, — вздохнул Колдун. — Результат налицо, значит — какая вам разница? Со вторым еще проще. Можете поговорить с Савелием, он передаст информацию или даже устроит свидание. Но после этого вам придется заказывать убийство, а это уже не ко мне. К тому же вы, как я понимаю, неплохо заработали на этой истории?

— Ну, в общем, да, — Тимофей с вызовом посмотрел сквозь очки.

— Ну и очень хорошо, — улыбнулся Колдун. Он выглядел уставшим.

25. Нелюдь

4 года

На оранжевом квадратном паласе сидит мальчик с большой головой и серьезным лицом. Перед ним — массивный том энциклопедии, раскрытый на статье «Царь Эхнатон и его борьба с жрецами». За ребенком исподтишка наблюдает бабушка. Она не может понять: он читает?! Бабушка начинает подкрадываться, и ребенок замечает ее. Он недоволен.

— А что ты тут читаешь, ма-аленький? — сюсюкает бабушка. — Картинки интересные?

— Жрецы Амона были против, — четко и зло отвечает ребенок.

— Против кого? — Бабушка явно не понимает разницы между Амоном и ОМОНОм.

— Против Атона, — устало поясняет ребенок.

Бабушка хватает с паласа пластмассовый самолетик и тычет им чуть ли не в глаз ребенку.

— Смотри, какой самолетик! А куда он у нас полетит?..

— Вот сейчас посажу тебя на крыло — и полетишь, — терпение ребенка лопнуло. Бабушка отступает в недоумении. Ей отчетливо послышалось: «на хрен».

Ребенок в истерике что-то выкрикивает окружившим его взрослым. Их лица озабочены и лживы. Молодой папа качает головой и идет за ремнем. Остальные опускают глаза и расступаются. Сверлящий визг ребенка переходит в шипение. У него острые зубы. Проходит несколько часов. Взрослые устали, но ребенок все еще огрызается. И они не отпускают его.

— Проклятия мне сыпет! — пучит покрасневшие глаза папа. У мамы дергается рот.

...Несколько раз я умирал и рождался другим человеком. Но все-таки совсем не изменился. Я знаю, многим было хуже, чем мне. Но мне до них есть очень мало дела. Все, чему меня учили, было херней. Все, чему я учился сам, можно трактовать как угодно.

Первое, что я помню, — страх. Меня куда-то везут — и там оставляют. Они большие, они улыбаются, но им нельзя верить. Потом я узнал, что это — больница. А они — сами боятся. Не за меня. Боятся, что их накажут.

Второе, что я помню, — это подлость. Я спрашиваю их, но им нечего мне сказать. Я вижу злость за их лживыми лицами. Кто дал им право судить и наказывать меня? Почему их власть надо мной абсолютна? Они говорят, что дали мне все. Но я не просил их ни о чем из того, что они мне дали. Я хочу сам решать. Они думали, что я ребенок. Тридцать лет спустя, увидев своих детей, я узнал, кто такие дети. И это не имело ко мне отношения.

Я научился включать магнитофон — и слушал Высоцкого. Две судьбы мои, Кривая да Нелегкая. Охота на волков. Тот, кто раньше с нею был. Спасите наши души. Я еще не понимал, о чем это. Но я запомнил. Не извиняю. За флажки. Кривая шла по кругу — ноги разные. Мешает проходу рогатая смерть. Еще был «Наутилус». А когда надоест — возвращайся назад...

Потом они сдали меня в сад. Детский комбинат он назывался. Там пахло ужасом. Наверное, так чувствует себя обезьянье стадо в лаборатории. Пока не колют, что-то записывают. Но обязательно будут. Там есть специальный кабинет, туда уводят. И еще заставляют жрать. Меня тошнило, и они злились. Я не хотел быть в стаде. Я ходил кругами. Я думал. Мой мир был интереснее. Но они не отставали. Как-то раз глупая лобастая воспитательница читала книжку о том, как все исчезли, и мальчик остался один на свете — как это ужасно. Для меня это был предел мечтаний.

Но летом старые волшебники забирали меня и увозили в сказку. Там были сосны и жизнь. Там у меня мгновенно появлялись друзья — лет на пять старше. Как оказалось позднее, я играл с сыном губернатора — старые волшебники были могущественны. Но своих трусливых детей они решили наказывать. Чтобы те всего добивались сами. Потом старые волшебники тоже лишились всего. А трусливые большие дети так ничего и не добились. Можно было догадаться. В восемнадцать лет я сбежал из их дома, как из концлагеря.

18 лет

...Сначала они пили, смеялись и не могли наговориться. Он был еще щеглом, но, как и все щеглы, считал себя уже опытным мужчиной. И был не столько даже влюблен, сколько поражен: впервые встретил женщину, с которой можно было общаться по-человечески. С обычными девчонками он чувствовал себя немного зоофилом. Хотя в постель Леночка уже тогда укладывалась неохотно, несмотря на то, что, будь его воля, он бы Леночку с хрена не снимал. И вдруг ни с того ни с сего Леночка объявила, что у нее — другой, причем все это время, а все, что было, — несерьезно. Он встретился с другим, чтобы поговорить по-мужски. Но, увидев, просто не смог бить этого дохленького рыженького паренька. И главное — не мог понять: как?! Ни одной, ни единой причины, по которой можно было бы предпочесть ему это существо, он не видел. С тем же успехом Леночка могла бы изменить ему с бездомной собачкой. Он был спортсмен, с университетским образованием, зарабатывал не запредельно, но неплохо, поскольку друзья-

спортсмены уже начали потихоньку подтягивать его к естественному для спортсменов бизнесу. Леночку он буквально носил на руках. То, что произошло, было не просто больно и унижительно — противоестественно, нереально!

Неделю он пил, в том числе и с рыжим соперником, причем не пьянел совершенно. Потом пошел куда глаза глядят. Просто шатался по городу, курил и спорил мысленно с Леночкой. Гонял одну и ту же заезженную пластинку. Нельзя сказать, что решение созрело или пришло спонтанно. Оно уже было в нем. Вопрос стоял — как? Не по объявлению же звонить. Но с древних времен известно: в таких случаях дорога сама выводит, куда следует. Он просто видел точку в пространстве и двигался к ней. Церковь раньше стояла возле кладбища. Потом из кладбища сделали парк культуры и отдыха, но церковь сохранилась. Он подошел к сидящей возле ограды старухе, достал из кармана, не считая, ком денег и положил перед ней.

— Здравствуй, бабушка. Беда у меня. Мастер нужен.

— Бог поможет, сынок, — указала на церковь старуха.

— Искал бы Бога, зашел бы в храм. — К Богу, устроившему мир таким образом, у него больше вопросов не было.

— Ну, приходи завтра.

На другой день в тот же час он стоял возле церковной ограды. Старухи не было. Но явно кого-то ждала невысокая темноволосая женщина лет пятидесяти. Ошибки быть не могло.

— Здравствуйте. Тут бабушка сидела у оградки — не ваша знакомая?

С Ведьмой они гуляли по парку, бывшему кладбищу. Он рассказывал, особо не углубляясь в детали, — понимал, что история стара, как мир.

— Глаза закрою — вижу. Вторую неделю не ем ничего — не лезет. И главное — понять хочу...

— Я тоже так влюблялась, — спокойно сказала Ведьма. — Но привораживать ее не буду.

— А я и не прошу привораживать. Я хочу научиться. Сам.

Ведьма молчала. Они присели на лавочку. Неподалеку играли дети. К его ногам подкатился грязный резиновый мячик, за которым уже бежал неуклюжий карапуз. Он машинально подобрал мячик, повертел в руках и катнул обратно ребенку.

— У вас получится, — сказала Ведьма.

С Ведьмой они встречались всего-то несколько раз. Она говорила странные вещи. Что-то про людей и Гапи (кажется, из индийской философии). Купить учебник логики Ивина. Прочитать «Третий глаз» Лобсанга Рампы. Фломастером нарисовать на трусах волны и кораблик, сверху солнышко — и так ходить. Представлять себе Леночку внутри яйца и уменьшать его, так, чтобы поместилось на ладонь. Ниточки, тянущиеся к яйцу, мысленно рубить топором. Он ни черта не понимал, но все исполнял в точности. В память врезалось одно: «Смерть причину всегда найдет» — это любила повторять Ведьма.

Результата между тем не было. Он понемногу начинал тяготиться общением: какая это, к черту, учеба! Одни разговоры бессмысленные. С горя он купил книжку Степановой и стал херачить все любовные заговоры подряд. С нулевым эффектом. Боль не прошла, но он как-то научился с ней жить, как со сломанной рукой — когда-нибудь срастется, главное, не тревожить.

Леночка вернулась, когда он уже окончательно решил плюнуть на это дело. Подошла и молча обняла. Он ничего не спрашивал, просто дышал ею. Они стали жить вместе. Он был так упоен своим счастьем, что как-то забыл поблагодарить Ведьму, хотя несколько раз и собирался. А потом, когда уже прошло время, звонить было стыдно. Да и то: Ведьмина ли заслуга была в том, что Леночка вернулась? Его самого? Заговоры Степановой помогли? Просто восстановился нормальный ход событий, прерванный какой-то дикой случайностью? Он не знал. Да и думать было особо некогда — семья, работа...

С Леночкой они прожили лет пять, после чего она сбежала окончательно. На этот раз он не задавался вопросом — почему. Все было и так ясно. За последние годы из здорового веселого парня он превратился в развалину. Курил по две пачки в день и кашлял, поднимаясь по лестнице. На почве сексуального невроза (Леночка по-прежнему укладывалась через не могу) заработал себе ранний простатит. Да она и сама стала болеть — то что-то по женской части, то киста в носу. Он работал на лекарства, причем делать это становилось все труднее — бизнес рассыпался, как песочный замок, даже криминальные темы стали работать в минус. Чудо еще, что не посадили. Теперь он пахал за зарплату. С горя завел аж двух любовниц сразу, но стало только хуже. Хорошо хоть детей Леночка не рожала — два выкидыша не в счет. Закончилось все трагикомически — однажды ему позвонила мама нового Леночкиного любовника и попросила не делать ее мальчику ничего плохого. Он и не собирался. Да уже, честно говоря, и не мог. Круг замкнулся.

Оставшись один, он с неделю пролежал, отвернувшись к стене, потом заставил себя подняться и начал убирать квартиру. По квадратам — Леночка оставила преизрядный срач. Физический труд действовал, как капельница после запоя. На это ушла еще неделя. Он курил в стерильно отдраенной квартире, как выздоравливающий после тяжелого ранения — в госпитале. Выздоровление заняло с полгода. Только тогда он с трудом, но заставил себя трахнуть какую-то подвернувшуюся бабу. И с удивлением обнаружил: он видит ее насквозь. Не то чтобы читает мысли, но — понимает. Более того, она как-то склонна повиноваться его воле. Не словам или там приемам психологической манипуляции, а просто волевому посылу. Он наугад изловил другую бабу на какой-то вечеринке (в последнее время он довольно много пил) и продолжил эксперименты. В тот же вечер она ушла с ним. «Тенденция, однако», — подумал Колдун и начал потихоньку восстанавливать физическую форму.

Все эти годы он не забывал о магии. Просто учиться возможности не было, а привораживать Леночку по второму кругу или снова звонить Ведьме было бессмысленно — он сам прекрасно понимал. Теперь же, когда появились время и силы, Колдун занялся этим вопросом всерьез. Он часто вспоминал слова тренера по рукопашке: «Начав заниматься, ты расписался в собственной неполноценности. Но одновременно — заявил себя как бойца. Через какое-то время ты неизбежно получишь пизды. Это проверка. Испугаешься — пропал. Но если проглотить кровавые сопли и дальше полезть махать — можно многого достичь». Как ни странно, у Колдуна и в мыслях не было чего-то вроде покаяться и зажечь нормальной жизнью. Он убедился в работоспособности инструмента. А если что-то пошло не так, то это не магия виновата, а волшебник-недоучка: сделать хотел грозу, а получил — козу... И вот тогда он начал учиться уже всерьез.

36 лет

...Колдун сидел в домике своего деда, в частном секторе Борска. Дед раньше был красным директором здешнего градообразующего завода, привозил из загранкомандировок колбасу и чай. Теперь у него осталась только эта избушка на курьих ножках, а хозяином Борска сделался

бывший дедов зам, Вова Птицын. Дед ушел за очередной бутылкой рябины на спирту. Рябина в изобилии росла в огороде, а спирт он брал у патологоанатомов — говорил, это лучший. Ну и действительно, настоечка шла, как вода в песок. Колдун пил и слушал девяностолетнюю свою тетку, которую видел, надо сказать, первый раз в жизни. В Борске это почти нереально, а вот поди ж ты. Тетка была вполне себе в здравом уме и твердой памяти, и вообще выглядела лет на шестьдесят. Говорила она немного путано, но Колдуну для настройки хватало. Даже если бы тетка вдруг замолчала, это не помешало бы ему досмотреть до конца...

...Девичий визг вспорол украинскую ночь, как перину, и вывернул наизнанку. Только перья полетели. Простоволосая и босая, Галя бежала, не разбирая дороги, сквозь улицу, из мужниной постели на панский двор. Месяц светил. В хатах заскрипели, кое-где отдернулись слегка занавески, в оконцах привидениями показались любопытные бабы в ночных рубахах. Муж не вышел. Вышел пан в белой рубахе, что-то указал хлопавшим глазами со сна дворовым девкам, и те увели Галя. Наутро сказал только: «Ключницей будешь». Галя так и осталась у него. Ни к мужу, Степану, ни к отцу не заходила, встретивши на улице — прикрывалась платком. Те тоже молчали. По деревне болтали разное. Степан — мужик справный, да и Галя не гулящая. Свадьбу чин чином справили. Что мог он сделать над ней такого, что сбежала она ночью без стыда?

Через год ключница Галя родила дочку. Про нее все знали: паненка. Да и пан не таился, дитя признал. Был он из жидов, забогател в арендаторах, купил себе знатность. С женой не жил, оставил где-то в Польше. Вот Галя и прижилась. Степан не мешал. Так и жил бирюком, он и раньше-то неразговорчив был. А только видели люди: обиду не простил. Часто таскаться стал на польскую сторону. Поговаривали: жили там знатки и творили дела страшные. Но только ничем не икнулось ни Гале, ни пану, разве что подраставшую Настьку-паненку деревенские ребята не любили и не упускали случая хлестануть по голым ногам лозою. А она — ничего, смирная. Видно, чужа за собой грех. Ходила в приходскую школу да помогала матери.

А как пошли лихие дела и стали равнять панов с голодранцами, так засобирился пан на свою Польшу. Гале все оставил: и дом, и обзаведенье. А взять, говорит, с собой не могу. Прости. Ну, Галя тоже красных петухов дожидаться не стала. Ушли они с Настей-паненкой, говорят, аж в самую Сибирь. И зажили не хорошо не худо. Настя там же и замуж вышла, тоже за переселенца, Петро Явтушенкова. Был Петро в молодости слабоват, но выдумал средство: ходил по дворам, где скотину зарезать надо — резал и пил кровь. Так и вылечился, откуда только сила взялась. Здоровенным мужиком сделался и выпить мог без меры. Характером был крут, но Настя, видно, не в мать пошла — от него не бегала. Войну прошел, четверых детей подняли. Но только не зажился Петро. Уж больно был до жизни жадный, всю и прожег. Чуть только за пятьдесят перевалило — и не проснулся...

...Колдун проснулся один в своей квартире. Он спал одетым, входная дверь была не заперта, двуспальная кровать заблевана. Сколько накануне выпили, это уму непостижимо. Ну да ничего, за помин проклятия можно. Похмелья не ощущалось ни малейшего — видно, и правда патологоанатомы не подвели. Тело и сознание были чисты и легки, как горный воздух. Колдун покрутил головой: на компьютере играла песня группы «Кино», зацикленная на повтор:

— Мы ждали
завтрашний день,
Каждый день ждали
завтрашний день...

— Мы хотели смыть — не было воды, — передразнил Колдун и выключил шарманку. Собрал заблеваннные тряпки, сбросил одежду и закинул в стиралку. В пятнах блевотины чернели какие-то похожие на гудрон сгустки.

— М-да, это я неудачно зашел. Ну, вы уж там дальше без меня. Я — это я, а вашего мне не надо. — Он стоял перед зеркалом абсолютно голый. Потом принял душ, оделся в чистое и улетел на Кипр, к развалинам последнего оплота тамплиеров. Билет взял через Москву — надо было произвести расчет с Тимофеем...

...В Москве зачем-то позвонил Савва. Колдун назначил встречу минут через сорок после Тимофея в той же кафешке. Савелий явился со странным выражением лица, и поболтав о всякой ерунде, извлек из папочки своей компьютерную распечатку. Ясно, что за этим и приперся.

— «...является организатором и «учителем» явно деструктивной секты, чье учение идет в разрез с традиционными моральными принципами нашего общества... - читал Колдун, развлекаясь, - практики секты могут привести и уже привели к серьезным психо-физическим последствиям незадачливых «учеников»... Стиль с 30-х не изменился. - прокомментировал он. - это от Маши, что ли?

— Почему? - Савва явно смаковал ситуацию. - От друга твоего, Коли.

— Он что ебнулся? - Колдун смотрел то на Савву, то на бумажку, осознавая.

— Просто деньги опять потратил. Думает, наши прикроют, - хохотнул Савва.

— Ваши-то прикроют... и в жопу выебут, и фуфайку не отдадут... - пробормотал Колдун. Он любил иллюстрировать свои мысли цитатами из старых анекдотов, - Ну, носи на здоровье! - сказал он куда-то в пространство, брезгливо возвращая Савве распечатку. Савелий аккуратно вернул ее в папочку. К странностям в поведении Колдуна он привык.

Вопреки легким и оттого особенно мерзким опасениям, погранконтроль Колдун прошел легко. В самолете тупо пялился в планшет, листая скаченные когда-то фильмы. «От заката до рассвета» зацепило внимание. Гангстерский боевик неожиданно переходил в вампирский трэш. Причем абсолютное зло, с которым столкнулись киношные злодеи, оказалось напрочь лишено какой-либо романтической привлекательности. Просто склизкая мерзость, боящаяся солнечного света. «Вот эти - говорил Джордж Клуни, - вылезли прямиком из ада. А значит где-то должен быть рай, Джейкоб. Точно должен быть». Колдун не заметил, как уснул.

На Кипре он взял машину и поехал в горы. Подсушенный средиземноморский пейзаж на серпантине сменился тайгой, а ближе к вершине показались черные кедры в несколько обхватов с плоскими, словно прижатыми небом, кронами. Колдун оставил машину и пошел пешком. Поднимался спокойно и размеренно, чтобы не растерять дыхание. На вершине горы обнаружилась почти ровная площадка, как лысина. Колдун стоял на горе и смотрел, как внизу, за морем, мертвецы грызут мертвецов. Потом ему надоело, и он ушел.

Эпилог

Петр Алексеевич тихо умер от рака простаты в одной из онкологических клиник Израиля. Поскольку детей у него не было, наследниками миллиардного состояния оказались его старенькие родители, которые так и жили в небольшом частном домике в Узунском своем районе. Они перестали подходить к телефону и открывать дверь. В настоящее время за Мишино наследство сражается несколько фээсовских группировок.

Мише дали 15 лет за изнасилование несовершеннолетней гражданки Липатниковой. В зоне он нарвался на нож. Гражданка Липатникова получила квартиру за МКАД, где и проживает с мамой.

Тимофей сделался учредителем крупного инвестфонда. Работает со стартаперами.

Маша вышла замуж за молодого человека из хорошей семьи. Он где-то служит, а по выходным они ездят к его родителям на дачу в закрытый поселок за тремя шлагбаумами ФСО. У него проблемы со здоровьем; Маша говорит, что это наследственное.

Савелия довольно быстро отодвинули от экспроприации, и он по-прежнему в основном следит за неверными женами. Схему его взяли на вооружение бесчисленные и неразличимые силовики, адаптировав на свой лад: любого коммерса принимали за что угодно, и уже в ИВС начинали макать головой в унитаз и засовывать швабру в задницу — пока не заплатит. На некоторых зонах при приемке офицеры умудрялись запихивать в задницу злодеям гречневую кашу. Как им это удавалось — черт их знает. Процедура получила название «Прожарка» и распространилась массово. Коммерсы стали поминать наивных бандитов из 90-х с их утюгами и битами — добрым словом. Русская речь за границей сделалась также обычна, как сто лет назад, после большевистского переворота.

Кот Циклопус попал под машину в тот самый день, когда Коля собирался переезжать с ним из штаб-сарайки на арендованную в представительских целях виллу. Деньги тоже закончились неожиданно и быстро. Коля выпустил очередное ICO и теперь почти не выходит из дому.

Колдун примирился с родителями.

...Густым и мягким средиземноморским вечером в одном из бесчисленных кипрских ресторанчиков расположилась компания: подвижный бегемотообразный толстяк, пожилой помятый дядька характерной выправки, и третий, без особых примет, лет сорока на вид, как будто недавно поднявшийся после долгой надоевшей болезни. Отставник допивает свое пиво и выходит в туалет.

— Переживает, — комментирует толстяк, — Генерал все-таки, привык... Ну, кое-что для себя все ж осталось, — улыбается толстяк.

— Настоящий патриот должен жить в Лондоне, — улыбается его собеседник.

— Сюда-то еле впустили, — машет бегемотьей лапой толстяк, — и то ребята из СВР помогли, через Белоруссию...

— Белоруссия — порт пяти морей, — соглашается тот.

Чуть спеша, чтобы не упустить момент, пока Генерал не вернулся из сортира, Савва спрашивает,

— Слушай, а что ты все-таки с ней сделал? Может теперь можно как-то? Ты ж теперь на другой стороне, вроде как?..

— Нет никаких сторон. Есть реальность и иллюзия. Я же волю у нее не забирал. Просто дал инструменты, а дальше она сама все решила. Каждый выбирает сам, — последовал ответ.

Генерал возвращается с новой кружкой, — взял в баре, официантов хрен дождешься. Пьет молча. Савелий быстро веселеет и начинает травить байки:

— Приходил тут к нам один. Рассказывает: душу в покер проиграл. В шутку вроде как. А сам весь трясется. Найдите, говорит, этого, игрового, любые деньги заплачу...

— И что, нашли?

— Нашли. Только он говорит, я половину той души тоже проиграл, а кому — не знаю. А оставшуюся — забирайте, не жалко. Договор отдал, ну, мы клиенту и вернули.

— Ну и как? Хватило?

— Да нормально вроде. Живет.

— Как говорил покойный Березовский, каждому — по вере, а не по праведности.

— Заебали уже, если честно, эти верующие, — то ли шутит, то ли наезжает Савва.

— Ты просто путаешь веру и догму, — спокойно отвечает собеседник, — И все время хочешь запихать туда мораль. А тут не мораль, тут физика.